РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА

Книга 28

Ф.НВ.

Эр1 769
М 480
3 т.2

С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

ТРАГЕДІЯ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

КАТАСТРОФА

БѢЛГРАДЪ

1931

19780-3,2

I-й экз. с. фонда

Erwerbs-B. Nr. 19780/34

С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

ЭР1 769

Tragedija

Трагедія
Admirala Kolčaka
Адмирала Колчака.

(Tragödie des Admirals Koltschak)

ЧАСТЬ III.

Tom 2.

Томъ II.

КАТАСТРОФА.

Deutsche Heeresbücherei Berlin

БѢЛГРАДЪ
1931

Всѣ права сохранены за авторомъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
834383
Сф 20863.

„РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ“ — Бѣлградъ, улица Жоржа Клемансо, 25.

ГЛАВА I.

Грозные симптомы.

1. Эс-эры и Гайда.

Историку описываемой смутной поры, повидимому, еще долго придется бродить въ потемкахъ и, какъ-бы ощупью, отыскивать отдѣльныя звенья происходившихъ событій. Завѣсой темной сокрыты еще матеріалы отъ нескромнаго взора. Они лежатъ не только въ разбросанныхъ на территоріи дѣйствія архивахъ, но и въ различныхъ тайникахъ партійныхъ группъ. Участники событій не говорятъ полной правды, скрывая закулисную сторону. Лишь медленно въ разныхъ мѣстахъ пріоткрывается завѣса. И приходится пока дѣлать нѣкоторыя догадки и подчасъ собственной интуиціей соединять обнаружившіяся кулисы въ одну общую декорацію, изображающую намъ на зелено-бѣломъ фонѣ Сибири обстановку, въ которой дѣйствовали мѣстные политическіе актеры.

Мы говорили о дѣятельности ген. Гайды, упоминали о военныхъ организаціяхъ въ „сибирской“ арміи, давали характеристику „земскаго“ движенія и отдѣльныхъ развѣтвленій соціалистическихъ партій. Все это иногда подъ легальной формой, иногда въ подпольѣ представляло „лѣвую“, революціонную оппозицію власти верховнаго правителя[1]). Эта общественность, монополизи-

[1]) Якушевъ неправильно утверждаетъ, что всѣ партіи вынуждены были уйти въ подполье. („В. Сиб.“, VI. 73).

рующая идею защиты народныхъ интересовъ, выступила подъ флагомъ народовластія.

Была-ли она объединена? Организаціонно очевидно, нѣтъ. Каждая группа думала о „переворотѣ", но желала получить власть въ свои руки по принципу: кто палку взялъ, тотъ и капралъ... Попытаемся проникнуть въ эту заговорщицкую атмосферу.

Придетъ время, и участники движенія или за нихъ документы разскажутъ послѣдовательно о дѣятельности военной организаціи при штабѣ Сибирской арміи. Какое участіе въ ней принималъ ген. Пепеляевъ? Повидимому, онъ не былъ освѣдомленъ о закулисной работѣ тѣхъ, кто дѣйствовалъ за его спиною. Непосредственный и впечатлительный, онъ также склоненъ былъ предъявлять „ультиматумы" верховному правителю, но все-таки до послѣдней минуты поддерживалъ Колчака. Въ его откровенныхъ, дружественныхъ бесѣдахъ съ братомъ, который сдѣлался послѣднимъ премьеромъ Совѣта министровъ, не проскальзываетъ даже намека на то, что онъ могъ быть въ курсѣ подлинно заговорщицкой дѣятельности, которой занималось центральное бюро военныхъ организацій Сибири, возглавляемое кап. Калашниковымъ (завѣдывалъ контръ-развѣдкой у Гайды). Возлагая всѣ свои надежды на созывъ „земскаго собора", Пепеляевъ, надо думать, не зналъ, что въ дѣйствительности скрывается за этой проблемой въ умахъ иниціаторовъ движенія.

Зналъ ли ген. Гайда? Ѣхалъ ли онъ на востокъ съ опредѣленной цѣлью, или эта цѣль явилась въ процессѣ полученія информаціи о происходящихъ событіяхъ? Въ напечатанныхъ воспоминаніяхъ Гайда объ этомъ молчитъ или, вѣрнѣе, отрицаетъ свою иниціативу. „Если кто меня и можетъ въ чемъ упрекнуть,—говоритъ онъ,—то только въ томъ, что я долженъ былъ произвести переворотъ тогда, когда имѣлъ въ своихъ рукахъ армію, чѣмъ сохранилъ бы тысячи жизней, которыя погибли въ безнадежномъ

бою съ большевиками. Несмотря на то, что я пришелъ къ окончательному убѣжденію, что адмиралъ Колчакъ не имѣетъ силъ выполнить данное имъ обѣщаніе, я все-таки рѣшилъ, что лучше выйти изъ арміи, чѣмъ вести Сибирь къ новымъ испытаніямъ переворотомъ на фронтѣ передъ лицомъ непріятеля". (188).

Мы оставили Гайду въ моментъ, когда онъ получилъ отставку и уѣзжалъ въ Чехію, по его словамъ, въ „отпускъ" (139.). Выбылъ онъ изъ Омска 14 іюля (а не іюня) съ большой помпой — въ собственномъ поѣздѣ, со своей свитой (въ томъ числѣ Калашниковъ) и довольно многочисленной охраной. Адмирала обвиняли тогда въ излишней уступчивости (Будбергъ предлагалъ выслать Гайду на подобіе Директоріи), но Гайда, опираясь на чешскій штабъ и на Жанена, грозилъ выступить съ оружіемъ, если у него отберутъ его поѣздъ[1]). Колчакъ не хотѣлъ новыхъ осложненій. Въ результатѣ б. командующій „сибирской" арміи отъѣзжалъ на востокъ подъ особымъ покровительствомъ союзниковъ — его поѣздъ былъ какъ бы экстерриторіаленъ. Ѣхалъ Гайда не спѣша, останавливаясь на дорогѣ въ большихъ городахъ (Ново-Николаевскъ, Иркутскъ), зондируя почву, ведя пропаганду противъ верховной власти и договариваясь съ тѣми, которые замышляли переворотъ. Имѣлъ-ли право Гайда пользоваться титуломъ и прерогативами командующаго сибирской арміей? Казалось бы нѣтъ. Жаненъ разсказываетъ (дневникъ отъ 12 іюля) о посѣщеніи его Гайдой, явившимся съ жалобой и съ просьбой оказать поддержку: онъ, де, боится ареста. „Я ему отвѣтилъ, — пишетъ Жаненъ,—что онъ абсолютно можетъ расчитывать на мою поддержку; разъ онъ не служитъ больше у русскихъ, послѣдніе не имѣютъ никакихъ правъ въ отношеніи его". („M. Sl." 24, XII, 235.)

* * *

[1]) Описаніе поѣзда — небезъинтересное въ бытовомъ отношеніи — можно найти у Солодовникова.

„Дорогой изъ Омска до Владивостока,—повѣствуетъ Гайда, — я еще разъ имѣлъ возможность убѣдиться въ симпатіяхъ и надеждахъ, которыя питали ко мнѣ самые широкіе слои населенія. Не одинъ разъ, и во многихъ городахъ приходили ко мнѣ въ поѣздъ представители разныхъ политическихъ направленій съ просьбой не уѣзжать изъ Сибири... Я видѣлъ, что въ своихъ спорахъ съ Колчакомъ я былъ правъ и, что вся Сибирь слѣдила за нашими спорами и была на моей сторонѣ". Не такъ все было безобидно, какъ это пытается изобразить Гайда. Кое-какія данныя о его переговорахъ въ печать уже проникли. „Я разсказывалъ Правителю — записываетъ Пепеляевъ 19 августа — о дѣйствіяхъ ген. Гайды въ Иркутскѣ, что мнѣ сообщилъ пріѣхавшій управляющій губерніей Яковлевъ. Генералъ Гайда, злоупотребляя именемъ Анатолія, говорилъ общественнымъ дѣятелямъ о необходимости переворота". Другой весьма освѣдомленный свидѣтель N., отрывки изъ воспоминаній котораго были напечатаны въ „Сиб. Огняхъ",[1]) уже болѣе опредѣленъ: „Поѣздъ Гайды — говоритъ онъ — вооруженный весьма основательно, проѣхалъ отъ Екатеринбурга до Владивостока, будя политическую жизнь партій, земствъ, городовъ, призывая къ возстанію, которое начнетъ онъ, ген. Гайда, во имя ликвидаціи диктатуры, созданія правительства борьбы съ большевизмомъ и немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія..."

Въ Томскѣ одинъ изъ офицеровъ штаба Гайды явился къ Колосову и передалъ ему о желаніи Гайды имѣть съ нимъ свиданіе[2]). Колосовъ согласился. „Впослѣдствіи, — говоритъ онъ — я вынесъ много нареканій за то, что согласился на этотъ шагъ". Колосовъ

[1]) Въ указателѣ литературы воспоминанія эти фигурируютъ уже подъ именемъ Яковлева. Имѣются всѣ основанія думать, что авторъ ихъ дѣйствительно бывшій управляющій Иркутской губ.

[2]) Колосовъ добавляетъ: теперь этотъ офицеръ коммунистъ. Надо думать, что рѣчь идетъ именно о Калашниковѣ.

считаетъ нужнымъ зачѣмъ-то очень подробно объяснить мотивы, побудившіе его пойти на свиданіе съ „филистимляниномъ“: во первыхъ, это свиданіе можно было сдѣлать „только информаціоннымъ“, во вторыхъ, для Колосова было ясно, что со стороны Гайды не было опасности „новой военной диктатуры...“ Но зная Гайду, можно было думать, что онъ „не остановится на полпути, а дойдетъ до крайнихъ выводовъ“:

„Не важно, если первоначальнымъ стимуломъ для этого послужитъ пусть даже уязвленное самолюбіе властолюбиваго генерала, но важно, что этотъ генералъ все еще имѣлъ крупное имя въ арміи... Привлечь такого человѣка на свою сторону значило бы получить авторитетный доступъ во всѣ слои командnаго состава, въ томъ числѣ и низшаго. Я вообще полагалъ тогда, что безъ командnаго состава съ правительствомъ Колчака справиться будетъ не легко... Наконецъ, имя ген. Гайды имѣло вѣсъ не только во внутрисибирскихъ отношеніяхъ, а и на вѣсахъ международной политики, съ чѣмъ тоже приходилось считаться въ обстановкѣ не изжитой интервенціи“.

Соглашаясь на свиданіе съ Гайдой, Колосовъ поставилъ условіемъ, что никто не долженъ былъ знать объ этомъ:

„За ген. Гайдой слишкомъ тщательно слѣдили въ городѣ спеціальные агенты (по особому приказу Колчака). Я не зналъ, кромѣ того, кто съ нимъ ѣдетъ — и потому рисковать оглаской свиданія не хотѣлъ. Эта осторожность впослѣдствіи принесла мнѣ большую пользу, ибо до самаго конца правительство Колчака не знало о моихъ сношеніяхъ съ Гайдой“. (Плохо исполняли агенты „приказы“ Колчака. С. М.).

Колосовъ предложилъ устроить свиданіе въ поѣздѣ во время пути съ тѣмъ, чтобы на любой промежуточной станціи онъ могъ сойти съ него также незамѣтно, какъ предполагалъ войти. „Около полуночи я пришелъ въ условленное мѣсто, около вокзала и... никѣмъ не замѣченный вошелъ въ поѣздъ Гайды. Мой первый разговоръ съ нимъ о Колчакѣ и о томъ, что дѣлать, состоялся на перегонѣ отъ Ново-Николаевска

къ ст. Тайга. Съ этого момента начался новый періодъ моей дѣятельности въ Сибири...“

Колосовъ не разсказалъ въ своей книгѣ, о чемъ бесѣдовалъ „филистимлянинъ“ Гайда, съ которымъ знающему, „какимъ смерчемъ проходилъ онъ иной разъ по... Сибири“, „недопустимо“ было даже садиться за одинъ столъ для разговора, и эс-эръ политикъ, презрѣвшій „соображенія моральныя“ и рѣшившій по соображеніямъ политической цѣлесообразности „вырвать у генерала золотой клинокъ, которымъ филистимляне соблазняли его заколоть русскую свободу,“ и вложить въ его руки „мечъ для борьбы съ врагами.“ Очень картинно. Но кто кого уловилъ и соблазнилъ — пока остается неразъясненнымъ. Какой-то договоръ на перегонѣ Ново-Николаевскъ—Тайга былъ заключенъ.

„Весь Иркутскъ — разсказываетъ N — отъ земцевъ и горожанъ до представителей биржевого комитета включительно явился въ поѣздъ Гайды, чтобы привѣтствовать своего любимаго героя. Со всѣми серьезными и вліятельными иркутянами Гайда бесѣдовалъ самъ, и положенія его, формулированныя при участіи Колосова, были приняты сочувственно. Въ то-же время шт.-кап. Калашниковъ велъ переговоры и съ эс-эрами, съ эс-деками и, какъ говорили злые языки, даже съ большевиками. Но эс-эры... пойти на новую генеральско-соціалистическую авантюру не соглашались; эс-де меньшевики деликатно намекнули заговорщикамъ въ погонахъ, что демократичность Гайды, а слѣдовательно содержаніе будущаго переворота, для нихъ болѣе чѣмъ проблематично.“ („Сиб. Огн.“ 22, 11, 70).

Эс-эры, какъ партія, отказались имѣть дѣло съ генераломъ-филистимлянином, но эс-эры, какъ отдѣльныя личности, эс-эры, какъ „земцы“, въ контактъ съ нимъ вошли.

Поѣздъ Гайда двигается дальше на Востокъ. Какъ настоящій заговорщикъ, Колосовъ продолжаетъ пота-

енно видѣться съ генераломъ — послѣдній его разговоръ былъ на ст. Слюдянка уже въ Забайкальѣ (XX, 267). Характерно, что Гайда въ воспоминаніяхъ даже не обмолвился о свиданіяхъ съ Колосовымъ — въ индексѣ именъ въ его книгѣ даже нѣтъ этой фамиліи [1]).

* * *

Во Владивостокѣ произошелъ окончательный сговоръ Гайды съ группой эс-эровъ во главѣ съ Якушевымъ (съ этой группой персонально былъ связанъ и Колосовъ). Группа имѣла свой собственный планъ—отъ нея изошелъ призывъ самочиннаго созыва Земскаго Собора. Каковы были бесѣды Якушева съ Гайдой, какую роль сыграло здѣсь посредничество Колосова, мы не знаемъ. Знаемъ только то, что разсказывалъ Гайда въ своихъ воспоминаніяхъ... Но воспоминанія эти мѣстами весьма своеобразный источникъ для познанія былого. Вотъ что разсказываетъ Гайда: „приблизительно черезъ три дня послѣ моего пріѣзда... Якушевъ и Моравскій съ нѣкоторыми другими политическими дѣятелями изъ правыхъ с.-р. дали знать, что очень хотѣли бы со мною говорить... Говорили о катастрофическомъ положеніи. По обмѣнѣ мнѣній разошлись. Никакого сговора на этотъ разъ не было, такъ какъ мое рѣшеніе уѣхать въ Европу было неизмѣнно. Но на тѣхъ же дняхъ я былъ пораженъ... совершенно неожиданнымъ для меня извѣстіемъ. Въ газетѣ „Дальній Востокъ“ появилась замѣтка, что адмиралъ Колчакъ лишилъ меня чина ген.-лейтенанта... И до полученія сатисфакціи (!) за нанесенное мнѣ оскорбленіе я рѣшилъ остаться во Владивостокѣ...“ Опровергать очевидную неправду, которую авторъ публикуетъ въ мемуарахъ, просто не стоитъ — Гайда лишенъ былъ генеральскаго званія черезъ мѣсяцъ. Эта мѣра

[1]) Въ Иркутскѣ, повидимому, Гайда „примирился“ съ чешскимъ Штабомъ.

явилась отвѣтомъ за обнаруженное участіе Гайды въ подготовкѣ переворота.

Результатомъ свиданій и разговоровъ Гайды съ эсэрами явилась довольно странная переписка, нынѣ опубликованная въ приложеніи къ № 6 „Вольной Сибири.“ Надо думать, что это сдѣлано для „исторіи.“ Письмо Якушева отъ 1 сентября обращено къ командующему сибирской арміей:

„Я получилъ Ваше письмо, объясняющее причину оставленія Вами арміи... Счастливъ убѣдиться, что въ эти тяжелыя минуты, переживаемыя страной и арміей, Вы мыслите одинаково со страной. Я признаю, что Ваше положеніе было очень тяжелымъ, но все-же — мнѣ думается — Вы не должны покидать армію въ столь тяжелый для нея моментъ. Не входя въ объясненіе причинъ катастрофы на фронтѣ, нужно признать одно, что правительство, которое не смогло организовать сопротивленіе большевикамъ и поставило армію въ очень тяжелое положеніе, какъ сейчасъ, должно быть устранено. Вотъ почему я, въ качествѣ перваго народнаго избранника Сибири, творя волю народа (кур. мой), счелъ себя обязаннымъ принять чрезвычайное и отвѣтственное рѣшеніе. Мною въ ближайшіе дни будетъ издана грамота о созывѣ Сибирскаго Земскаго Собора въ составѣ представителей, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ отъ земствъ и городовъ, а равно казачьихъ и національныхъ самоуправленій. На смѣну безотвѣтственной власти... будетъ создано правительство, опирающееся на широкое общественное довѣріе и отвѣтственное передъ Зем. Соборомъ... Вашъ военный опытъ, Вашъ авторитетъ среди населенія и въ арміи необходимъ въ этотъ отвѣтственный моментъ, когда должна создаться истинная народная власть...“ („С. Ар.“ II, 87 8).

Гайда отвѣчалъ: ...„мой отвѣтъ кратокъ: разъ создается Власть, опирающаяся на народъ, я — въ ея распоряженіи. Ея приказы — для меня священны и будутъ выполнены во что бы то ни стало.“

Въ цѣляхъ созыва Земскаго Собора во Владивостокѣ создана была иниціативная группа — комитетъ содѣйствія въ лицѣ эс-эровъ Якушева, Моравскаго, Сидорова, Краковецкаго, Павловскаго и Негрескула. Коми-

тетъ при посредствѣ „главнаго комитета Сибземгора“ (въ единственномъ лицѣ Сидорова) разослалъ приглашеніе земствамъ и городамъ немедленно командировать членовъ на земско-городское совѣщаніе въ Иркутскъ. Это совѣщаніе должно было явиться „техническимъ выполнителемъ“ въ дѣлѣ созыва „Собора“, причемъ предполагалось, что совѣщаніе, пополнившись казаками, должно будетъ объявить себя Земскнмъ Соборомъ — такъ упрощенно осуществлялись принципы „народовластія.“ Естественно предположить, что нелегальный Земскій съѣздъ, о которомъ говорилось выше, и есть осуществленіе владивостокской иниціативы. Отнюдь нѣтъ, такъ какъ на Д. Востокѣ создалась лишь „аналогичная организація“, съ которой Колосовъ былъ въ личныхъ непосредственныхъ отношеніяхъ (для „информаціи“!)—и только потомъ уже по порученію иркутскаго бюро[1]). Производитъ впечатлѣніе, что „первый избранникъ Сибири“... вначалѣ пытался творить „волю народа“ самостоятельно, привлекши къ дѣлу Гайду. Въ разосланномъ комитетомъ меморандумѣ для союзниковъ[2]) говорилось: „высказывая свои соображенія о необходимости немедленнаго созыва Земскаго Собора, комитетъ принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы подготовительная работа по созыву происходила въ мирныхъ парламентскихъ условіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комитетъ, принявъ на себя указанную задачу, не въ состояніи будетъ отказаться отъ принятія иныхъ необходимыхъ мѣръ, если въ осуществленіи созыва Земскаго Собора намѣченнымъ выше путемъ встрѣтитъ непреодолимыя препятствія“ („Сиб. Арх.“ II, 90). Въ довѣрительномъ же циркулярномъ письмѣ по Сибири 10 октября комитетъ прямо отмѣчалъ, что главная его работа сосредотачивается на

---

[1]) Характерно, что Якушевъ въ „введеніи къ матеріаламъ“, опубликованнымъ въ № 6 „Вольн. Сиб.“, лишь мимоходомъ обмолвился объ иркутскомъ бюро и нелегальномъ съѣздѣ.

[2]) Они были „ознакомлены“ и путемъ личныхъ бесѣдъ.

созданіи „аппарата военнаго переворота," который долженъ устранить существующую власть верховнаго правителя. Этимъ техническимъ аппаратомъ было Центрбюро военныхъ организацій съ Калашниковымъ во главѣ.

А Гайда? Это — свадебный генералъ: такимъ по крайней мѣрѣ его выставляли во внутренне русскихъ сношеніяхъ. Почему движеніе возглавляетъ Гайда? — спрашиваетъ Моравскаго „партизанъ" Володинъ. „Это— ширма неприкосновенности. Вся работа идетъ подъ флагомъ Сибирской Обл. Думы" — отвѣчаетъ Моравскій. (Изъ воспоминаній Володина въ Праж. Арх.). Но кандидатъ въ „сибирскіе Наполеоны" отнюдь не собирался быть только свадебнымъ генераломъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ приписываетъ себѣ пассивную роль, довольно ипокритски ссылаясь на пресловутый нейтралитетъ. „Комитетъ для созыва Земскаго Собора,—пишетъ Гайда, — ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что омское правительство... не подчинится его постановленіямъ. Поэтому онъ рѣшилъ для сверженія диктатуры произвести вооруженный переворотъ." Дѣло это должно было быть „исключительно русскимъ" для того, чтобы не дать иностранцамъ повода „вмѣшаться во внутреннюю жизнь страны." Основной принципъ переворота давалъ Гайдѣ „возможность остаться вѣрнымъ своему рѣшенію не принимать тотчасъ же активнаго участія."

„Работа началась", — продолжаетъ Гайда: „Я со своими чешскими офицерами не принималъ прямого участія ни въ подготовкѣ возстанія, ни въ агитаціи между солдатами. Мы имѣли лишь постоянную связь съ членами комитета, а членамъ военной организаціи, которые подвергались наибольшей опасности, предоставили пріютъ въ своемъ поѣздѣ. Нашей прямой задачей — была, главнымъ образомъ, поддержка связи съ представителями союзниковъ, находящимися во Владивостокѣ, и разслѣдованія, до какой степени можно надѣяться, что они не

допустятъ вооруженной интервенціи Японіи противъ переворота".

Мы увидимъ, въ какой мѣрѣ это изложеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Итакъ, Гайда взялъ на себя обработку союзниковъ. „Конечно — поясняетъ циркулярное письмо Якушева — мы далеки отъ мысли, обрабатывать союзниковъ въ нашу пользу... ибо... не считаемъ для себя возможнымъ на этомъ строить свои планы". „Наша позиція... въ отношеніи къ интервентнымъ войскамъ и союзникамъ можетъ быть опредѣлена съ принципіальной стороны и съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ, какъ отрицательная, но разумѣется, реальная политика требуетъ подхожденія къ этому вопросу съ нѣкоторой осторожностью". (Ib. 93—94).

„Реальная политика", въ смыслѣ воздѣйствія на союзниковъ, требовала соболѣзнованія о неудачахъ на фронтѣ, вызывающихъ большую тревогу въ обществѣ. Слезы эти крокодиловы, т. к. въ выпускаемыхъ прокламаціяхъ уже недвусмысленно говорится о возможности мирныхъ переговоровъ съ совѣтской властью — „во имя созданія единой, могучей, демократической Россіи". „Мы не хотимъ продолженія гражданской войны" — будетъ заявлено по ту сторону фронта. „Если же предположенія наши не будутъ приняты, мы сдѣлаемъ все, чтобы защитить границы Сибири отъ захватническихъ посягательствъ совѣтской власти". Эта мысль о соглашеніи съ совѣтской Россіей — утверждаетъ post factum редакція „Вольной Сибири",—проскользнула „очевидно случайно и скорѣе съ агитаціонной цѣлью". Она „не раздѣлялась въ цѣломъ Комитетомъ". Однако, мысль эта проскальзываетъ довольно часто. „Партизанъ" Володинъ недоумѣваетъ, почему въ грамотѣ предсѣдателя Сиболдумы 5-го сентября упомянута амнистія „только участникамъ крестьянскаго возстанія, боровшимся въ защиту Учредительнаго Собранія?" А за Совѣтскую власть?

Ему отвѣчаютъ, что это сдѣлано по тактическимъ соображеніямъ передъ лицемъ союзниковъ [1]). Въ отношеніи большевиковъ пока еще прикрываются фиговымъ листкомъ. Этотъ вопросъ долженъ разрѣшить Земскій Соборъ — говоритъ Якушевъ въ циркулярѣ 14 октября. Въ „нынѣшней стадіи" движенія Комитетъ не можетъ заключать формальныхъ соглашеній, но фактически допускаетъ до разрѣшенія теоретическихъ вопросовъ на Земскомъ Соборѣ тѣсное сотрудничество. Якушевъ пояснялъ, что его грамота издана „послѣ предварительныхъ разговоровъ и рѣшеній мѣстными общественными кругами". Онъ ссылается на конференцію во Владивостокѣ всѣхъ соціалистическихъ партій (отъ нар. соц. до большевиковъ включительно), на которой постановлено оказать „намъ" (т. е. комитету) поддержку, при чемъ большевики отказались отъ какихъ-либо враждебныхъ выступленій до очищенія Сибири отъ власти Колчака и переговоровъ новой демократической власти объ уничтоженіи гражданскаго фронта. И только „максималисты" остались при мнѣніи, что необходимо бороться въ Сибири за утвержденіе Совѣтской власти. (Цирк. письмо 14 окт.)...

Компромиссныхъ ширмъ владивостокскіе „дѣлатели" ставятъ не мало. Вспомнили они и о ген. Болдыревѣ. Ихъ безпокоитъ Японія — не будетъ-ли съ ея стороны „интервенціи" противъ переворота. Привлеченіе Болдырева къ дѣлу можетъ способствовать повороту симпатій Японіи отъ дальневосточныхъ атамановъ къ „земству". Повидимому, у нѣкоторыхъ являлась мысль о замѣнѣ Гайды Болдыревымъ Павловскій посылаетъ 25 сентября Болдыреву, по выраженію послѣдняго, „крайне интересное письмо":

---

[1]) Характерна отмѣтка шведа Эссена („Zwischen der Ostsee und dem Stillen Ozean" 100): „было извѣстно, что Гайда принялъ оффиціально программу соц.-рев.; это значитъ, что онъ стремился къ ликвидаціи гражданской войны, пытался заключитъ миръ съ совѣтскимъ правительствомъ."

... „Неопредѣленность положенія на фронтѣ и неустойчивость позиціи омскаго правительства выдвигало неизбѣжно вопросъ о необходимости рѣшительныхъ дѣйствій до созыва Собора. Эти дѣйствія мыслились во Владивостокѣ и одновременно по линіи отъ Нижнеудинска до Тайшета. На этотъ случай совѣщаніемъ общественныхъ организацій была выдвинута въ качествѣ временной, до Зем. Собора, власти группировка изъ пяти лицъ. Въ связи съ этимъ вамъ была послана телеграмма о немедленномъ пріѣздѣ. Грамота адм. Колчака, нѣкоторыя колебанія союзныхъ представителей (Франціи и Англіи)[1]), неполная готовность военныхъ организацій сдѣлали необходимой отсрочку рѣшительныхъ дѣйствій и переносятъ центръ вниманія на съѣздъ, собирающійся въ Иркутскѣ... Обстановка, однако, побуждаетъ насъ торопиться. Движеніе начинаетъ все болѣе и болѣе захватывать широкія массы. Рабочія профессіональныя организаціи, относившіяся первоначально пассивно сочувственно къ нашему движенію, партійныя организаціи, относившіяся даже индиферентно, теперь начинаютъ все болѣе и болѣе раскачиваться. Дать „раскачаться“ широкому массовому движенію при нынѣшнихъ условіяхъ крайне опасно. Необходимо дѣйствовать, пока нити еще въ нашихъ рукахъ“. (Прил. къ Болдыреву, 547)[2]).

Въ своемъ дневникѣ 2 октября осторожный Болдыревъ записалъ:

„Представители этого теченія развивали довольно

---

[1]) Телеграмма представителя мин. ин. дѣлъ во Владивостокѣ Куренкова на имя Сукина сообщала, что союзные представители „встрѣтили манифестъ (адм. Колчака) съ полнымъ удовлетвореніемъ, усматривая въ немъ надежду на примиреніе правительства съ оппозиціонными элементами... Особенно горячо привѣтствуетъ манифестъ Мороссъ, каторый просилъ меня передать.... что онъ въ „восторгѣ“ отъ этого мудраго шага верховнаго правителя. Одинъ д-ръ Гирса настроенъ пессимистически, считая, что манифестъ уже запоздалъ...“ „Что же касается до политической атмосферы — добавлялъ Куренковъ — то таковая едва-ли разрядится, такъ какъ эсъ-эры не отказались относительно своихъ поползновеній, еще не убѣдившись въ искренности побужденій верховнаго правителя“ („Соб. Арх.“ II, 79). Послѣдній мотивъ, конечно, никакой роли не игралъ. Эсъ-эры дѣлали ставку на переворотъ.

[2]) Якушевъ со своей стороны приписываетъ: „Ваше присутствіе здѣсь крайне необходимо. Это же думаетъ ген. Гайда“.

большую энергію, почти не считались уже съ существующимъ еще Омскимъ правительствомъ и выдвигали, впредь до созыва Земскаго Собора, временную власть въ видѣ пятичленной Директоріи. Причемъ опять указывалось на крайнюю необходимость моего немедленнаго пріѣзда во Владивостокъ. Положеніе мое становилось похожимъ на положеніе Колчака въ отношеніи Директоріи 1918 г. Но я не хотѣлъ повторять его ошибки, тѣмъ болѣе, что обстановка была безконечно сложнѣе. За годъ были растрачены всѣ тѣ моральные и матеріальные рессурсы, которые имѣлись осенью 1918 г. Сибирь была охвачена возстаніями, тылъ для Омска становился опаснѣе фронта. Золотой запасъ былъ значительно израсходованъ. Кромѣ того, однимъ изъ активнѣйшихъ членовъ среди призывавшихъ меня группировокъ(?) былъ впавшій въ немилость, недавній еще близкій сподвижникъ Колчака, ген. Гайда, сотрудничество съ которымъ по многимъ причинамъ было для меня непріемлемымъ... Осторожность нужна была сугубая. Во всей этой исторіи большой привкусъ авантюры. Отъ поѣздки я, конечно, воздержался“ (248-249) [1]).

2. Владивостокскій „фарсъ.“

То, что происходило во Владивостокѣ, можетъ служить наглядной иллюстраціей значенія международнаго признанія власти. Разъ власть оффиціально не признана, иностранные дипломаты и представители союзныхъ военныхъ миссій (многіе изъ нихъ) не считаютъ себя съ ней связанной, даже въ предѣлахъ общепринятаго сотрудничества. Противъ власти, которой „союзныя и дружественныя державы“ оффиціально помогаютъ, создается заговоръ. Заговорщики открыто освѣдомляютъ союзныя миссіи о своихъ планахъ, оставляютъ въ ихъ рукахъ даже письменный документъ, и эти дипломаты и военные атташе бесѣдуютъ и даже злоумышляютъ

[1]) Это не помѣшало Якушеву въ упомянутомъ „циркулярѣ“ записать Болдырева въ число „друзей“, при содѣйствіи которыхъ можно будетъ измѣнить линію поведенія Японіи.

вмѣстѣ съ заговорщиками. Удивительная страница изъ исторіи международной дипломатіи!

Изъ циркулярнаго письма Якушева мы узнаемъ, что союзные представители во Владивостокѣ отнеслись въ общемъ „довольно благопріятно“ къ перевороту. Дополняетъ Гайда: „англійскій комиссаръ О'Рейль былъ уже до моего пріѣзда во Владивостокъ вполнѣ на сторонѣ движенія. Я нѣсколько разъ говорилъ съ нимъ въ присутствіи д-ра Гирсы и видѣлъ, что перемѣну власти, пусть насильственную, считаетъ за единственную возможность остановить занятіе большевиками всей Сибири...“

„Позицію опредѣленно дружественную къ намъ заняли всѣ круги американскіе и китайскіе. Американскій штабъ былъ тогда собственно самою большою опорою...“ „Японцы играли двойную роль. Ихъ гражданскіе представители, а частью и офицерство, поддерживали связи съ членами комитета, симпатизируя ихъ намѣреніямъ и подавая большія надежды“ [1]).

Въ отношеніи французовъ, по словамъ Гайды, приходилось различать представителей гражданскихъ отъ военныхъ. Комиссаръ гр. де Мартель и главный владивостокскій консулъ Буржуа глядѣли на все нѣсколько сверху, какъ на бунтъ, съ которымъ не хотѣли имѣть ничего общаго“! [2]) По другому смотрѣли члены французской военной миссіи. Гайда пользовался полнымъ ихъ признаніемъ, они оказывали ему даже особый почетъ послѣ того, какъ онъ лишенъ былъ званія

---

[1]) „Несмотря на вполнѣ благопріятныя заявленія со стороны главы дипломатической миссіи Мацудайро и высокаго комиссара Като — писалъ Якушевъ, — я продолжаю съ большой осторожностью расцѣнивать ихъ заявленія.“ Тутъ и возникали надежды на вліяніе Болдырева въ кругахъ японскаго командованія, склоннаго подчасъ идти въ разрѣзъ съ дипломатическими заявленіями.

[2]) Якушевъ мнѣніе „господина де Мартеля“ передаетъ въ нѣсколько смягченной формѣ: „уѣзжая къ себѣ во Францію“, онъ „находилъ переворотъ нежелательнымъ потому, что удобный моментъ упущенъ, такъ какъ наступленіе большевиковъ пріостановлено.“

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

русскаго генерала. Лази разсказываетъ, съ какимъ удивленіемъ консулъ Буржуа увидѣлъ на обѣдѣ (во второй половинѣ октября) у англ. ген. Гревса „заговорщика" Гайду посаженнымъ на почетное мѣсто. На обѣдѣ присутствовалъ ген. Лавернь и авторъ мемуаровъ (198).

Омскъ на это никакъ не реагировалъ. Только 12 сентября Сукинъ доложилъ въ Совѣтѣ министровъ о готовящемся переворотѣ. Онъ узналъ о немъ черезъ дальневосточныхъ агентовъ мин. ин. дѣлъ, сообщившихъ, что представители Англіи и Америки уже увѣдомили свои правительства о грядущихъ событіяхъ[1]). Тов. мин. внутр. дѣлъ подтвердилъ правильность сообщенныхъ Сукинымъ свѣдѣній[2]).

„Какъ правъ былъ я — записываетъ Будбергъ — когда совѣтовалъ адмиралу отправить Гайду за границу черезъ Монголію и Китай; вѣдь и другія лица предупреждали адмирала, что Гайда очень мстителенъ и всякая задержка его нахожденія въ Сибири очень опасна... Непонятно однако, почему-же уже въ Иркутскѣ не были приняты шаги для ликвидаціи этого заговорщика.. Было достаточно времени, чтобы снестись съ Прагой и принять мѣры къ обезвреженію подпольной дѣятельности Гирсы... Данныя о заговорѣ... были заявлены ген. Жанену, который заявилъ, что за владивостокскихъ чеховъ онъ не ручается, а что касается Иркутска, то онъ послалъ ген. Сыровому телеграмму съ подтвержденіемъ приказа президента Масарика, воспрещающаго чехамъ вмѣшиваться въ русскія внутреннія дѣла"... „Слѣпенькіе эсерчики — добавляетъ авторъ дневника — усердно работаютъ на пользу Ленина со товарищи; они воображаютъ, что, сваливъ Омскъ, они сдѣлаются властью. Трудно понять поведеніе союзниковъ; они держатъ въ Омскѣ своихъ представителей и оказываютъ намъ по-

[1]) 13 сент. Клеммъ изъ Владивостока телеграфировалъ, что имѣлъ объясненія съ представителями Антанты по поводу заговора, изъ которыхъ понялъ, что они отнесутся, если и не поощрительно, то совершенно нейтрально къ этому перевороту (Какурилъ II, 354). Пепеляевъ передаетъ, что Ноксъ получилъ отъ Черчилля инструкцію поддерживать исключительно верховнаго правителя (22 сент).

[2]) Въ ставкѣ, по словамъ Будберга, ничего не знали о заговорѣ.

мощь и... въ то же время ихъ представители имѣютъ сношенія съ тѣми, которые собираются на дняхъ сковырнуть этотъ самый Омскъ... Я не могу защищать омскую власть... но всякій насильственный переворотъ будетъ сейчасъ только на руку большевиковъ, ибо эсеровское правительство, попавъ ко власти при такой обстановкѣ, не удержится и десять недѣль и будетъ сломано большевиками безъ всякаго труда" (XV, 310).

23 сентября въ Омскъ пришла телеграмма ген. Розанова о попыткѣ совершить переворотъ въ ночь на 19 сентября, парализованной вводомъ во Владивостокъ вѣрныхъ правительству войскъ. Была-ли реально совершена эта попытка или введеніе войскъ являлось лишь мѣрой предупрежденія со стороны Розанова — во всякомъ случаѣ дѣйствія командующаго войсками пріамурскаго округа вызвали протестъ междусоюзнаго военнаго совѣта, предложившаго 26 сентября ультимативно въ теченіе 12 часовъ вывести войска, собранныя въ „послѣдній мѣсяцъ". Командованіе союзными войсками заявляло, что оно примѣнитъ вооруженную силу въ случаѣ невыполненія ультиматума. „Командующіе союзными войсками принимаютъ отвѣтственность за обезпеченіе общественнаго порядка во Владивостокѣ" — гласилъ ультиматумъ. Розановъ отвѣтилъ, что подобное требованіе выходитъ изъ рамокъ его компетенціи и затрагиваетъ принципіальный вопросъ о правахъ русскихъ, поэтому онъ долженъ запросить центральную власть. „Повелѣваю вамъ — телеграфировалъ въ отвѣтъ Колчакъ — оставить русскіе войска во Владивостокѣ и безъ моего повелѣнія ихъ оттуда не выводить... Требованіе о выводѣ ихъ есть посягательство на суверенныя права Россійскаго Правительства. Сообщите Союзному Командованію, что Владивостокъ есть русская крѣпость, въ которой русскіе войска подчиняются мнѣ"... (Гинсъ II, 339). Совѣтъ министровъ единодушно высказался въ томъ же смыслѣ и послалъ Розанову привѣтственную телеграмму.

Союзники въ данномъ случаѣ вынуждены были отказаться отъ „ультиматума“, посланнаго по иниціативѣ яко бы военныхъ безъ вѣдома дипломатическихъ представителей...

* * *

„Совѣтъ Министровъ — записалъ Будбергъ — радуется благополучному исходу владивостокскихъ событій; не раздѣляю этой радости, ибо инцидентъ не ликвидированъ, а только предотвращенъ, а если къ лигѣ нашихъ внутреннихъ враговъ присоединятся эсеры, то наше дѣло плохо, и насъ въ концѣ концовъ слопаютъ въ тылу, если даже мы выкарабкаемся на фронтѣ“. (XV, 320). Будбергъ былъ правъ. Владивостокская авантюра лишь начиналась.

Мы знаемъ изъ письма Павловскаго Болдыреву (25 сентября), что заговорщики рѣшили отсрочить рѣшительныя дѣйствія (очевидно, 19 сентября предполагалось выступленіе) и перенести центръ дѣйствія въ Иркутскъ.

„Если бы рѣчь шла только о Владивостокѣ — сообщалъ Якушевъ, въ своемъ октябрьскомъ циркулярѣ, — то переворотъ могъ бы быть совершенъ въ любой моментъ. Но наша задача нѣсколько иная. Мы мыслимъ себѣ переворотъ, во всякомъ случаѣ во времени очень близкомъ, по возможности одновременно въ крупныхъ центрахъ Сибири: Омскъ, Иркутскъ, Томскъ, Владивостокъ. Владивостокъ, будучи технически подготовленъ къ перевороту болѣе другихъ городовъ, все же не можетъ быть мѣстомъ начала дѣйствія и потому, что здѣсь узелъ международнаго вліянія чрезвычайно великъ, но для отвѣтнаго дѣйствія Владивостокъ совершенно подготовленъ. Вотъ почему необходимо подготовительную работу усилить на Западѣ... Необходимо болѣе интенсивно развернуть работу противъ государственнаго земскаго совѣщанія въ Омскѣ, широко информировать населеніе о шагахъ, предпринятыхъ комитетомъ по созыву Земскаго Собора. На мѣстахъ должны быть созданы организаціонные центры, которые должны

находиться въ живой, постоянной связи съ военными организаціями. Капитанъ (Калашниковъ) для Иркутска, а черезъ него и дальше, можетъ служить для васъ связывающимъ центромъ. Необходимо также выяснить возможность контактной работы съ сибирскимъ союзомъ партіи с-р и Сибкомучемъ, поскольку эти организаціи являются дѣйствительно активными на мѣстахъ".

Въ другомъ документѣ весьма энергичный б. предсѣдатель Сиболдумы даетъ оцѣнку силъ: „правительственныхъ силъ на Д. В. мало, „атамановскихъ" больше... Конечно, и нашихъ силъ немного, но съ нами популярный генералъ,[1]) за насъ же весь характеръ движенія..."

Заговорщики пытаются представить дѣло такъ, что они стоятъ уже во главѣ „широкаго" движенія противъ Колчака подъ флагомъ Земскаго Собора. Бывшій начальникъ штаба заговорщиковъ Солодовниковъ сообщаетъ объ информаціи, которую давали Павловскій и Моравскій: по ихъ словамъ, чуть ли не весь фронтъ былъ покрытъ тайными организаціями во главѣ съ популярными среди офицеровъ ген. Каппелемъ и ген. Пепеляевымъ, ожидающими приказа изъ Владивостока; говорили они и о большихъ партизанскихъ отрядахъ защиты Уч. Собранія, сосредоточенныхъ около Владивостока и т. д. („Сиб. Аван." 26-27). Информація эта — добавляетъ авторъ — „оказалась безъ конца преувеличенной, а за спокой перваго избранника Сибири И. А. Якушева никого и ничего, кромѣ моральнаго авторитета и сочувствія сырого матеріала, никѣмъ не организованнаго и ничѣмъ не связаннаго... Съ финансами было еще хуже. Вмѣсто ссуды на организацію въ нѣсколько милліоновъ кооператоры въ октябрѣ нашли возможнымъ отпустить полторы и двѣ сотни тысячъ" (38-39.).

Мечты о всесибирскомъ масштабѣ оставались меч-

---

[1]) Иркутское земство, между прочимъ, демонстративно 3 октября привѣтствовало Гайду — „молодого вождя славянства, освободителя Сибири. („Сибирь." № 66.)

тами, — мѣстная подготовка во Владивостокѣ шла своимъ чередомъ. Техническій аппаратъ возстанія готовили въ поѣздѣ ген. Гайды, который распоряженіемъ междусоюзническаго командованія находился на жел.-дор. путяхъ и, слѣдовательно, былъ экстерриторіаленъ. Такая „сказочная“ неприкосновенность поѣзда придавала излишнюю самоувѣренность переворотчикамъ. Солодовниковъ, дѣйствительно, разсказываетъ „сказочныя“ вещи о поѣздѣ продолжающаго щеголять въ формѣ русскаго генерала б. командующаго Сибирской арміей и въ частности о томъ вагонѣ № 119, гдѣ помѣщалось бюро военной организаціи и гдѣ открыто, подъ охраной союзническихъ войскъ, готовилось возстаніе и выпускались соотвѣтствующія воззванія. Рѣшительно всѣ источники утверждаютъ, что переворотчики снабжались оружіемъ изъ штаба ген. Чечека. Солодовниковъ рисуетъ поразительныя бытовыя картины изъ жизни этого „революціоннаго штаба“. Повидимому, самъ Гайда испугался, когда работа пошла „полнымъ темпомъ“. Когда появилась связь съ большевицкими профессіональным союзами и коммунистическими военными ячейками, когда въ поѣздѣ появились лѣвые эс-эры и коммунисты, генералъ сталъ поговаривать объ отъѣздѣ всѣмъ эшеломъ въ Иркутскъ. (Солодовниковъ, 55.) [1])

Совершенно естественно, что коммунисты, державшіеся тактики „приспособленія къ моменту“, приняли самое „живое“ участіе въ организаціи переворота. Коммунисты впослѣдствіи открещивались отъ этого непосредственнаго участія и утверждали, что присутствовали въ „поѣздѣ“ ген. Гайды только для „информаціи“. („Красное Знамя“ 1920. 14 февр.). Упоминавшійся нами „партизанъ“ Володинъ рѣшительно утверждаетъ, что коммунистъ Раевъ, бывшій делегатомъ въ оперативномъ штабѣ

[1]) Можетъ быть, здѣсь играло роль и охлажденіе между Гайдой и мѣстными с.-р. и сознаніе, что центръ событій уже не во Владивостокѣ.

поѣзда, принималъ непосредственное участіе въ разработкѣ плана возстанія. „Гайдовская авантюра, — заключаетъ одинъ изъ современниковъ—поддерживалась не РКП, которая даже предупреждала рабочихъ о сомнительномъ успѣхѣ этой авантюры, а эс-эрами, меньшевиками, часть которыхъ позже влилась въ коммунистическую партію“ („Рев. на Д. В.“ 268)[1]). Эс-эры, конечно, тоже не причемъ во владивостокскихъ событіяхъ—свидѣтельствовала въ октябрѣ владивостокская „Воля“ („Св. Край“ № 358.) Эс-эры и меньшевики принимали участіе только въ цѣляхъ „информаціонныхъ“.

* * *

Какъ реагировала мѣстная „колчаковская“ власть на приготовленія, которыя шли въ поѣздѣ? Розанова нѣкоторые обвиняютъ въ двойной игрѣ. Мнѣ кажется, что, если двойная игра и была, то она шла въ иной плоскости, чѣмъ представляютъ мемуаристы. Въ поведеніи Розанова не было двурушничества въ отношеніи верховнаго правителя, и его не захватили неожиданно раскрывшіяся передъ нимъ перспективы попасть въ новую „директорію“ наряду съ Гайдой. Въ изображеніи Гинса Розановъ играетъ какъ бы тройную игру — онъ покровительствуетъ атаманамъ и въ то же время заигрываетъ съ приморскимъ земствомъ, къ которому стала приглядываться Японія. Мнѣніе Гинса подтверждаетъ Болдыревъ (запись 15 ноября): „Генералъ Х. мнѣ говорилъ о владивостокскихъ событіяхъ. Онъ сближалъ Розанова съ Медвѣдевымъ и Гайдой. Комбинація весьма сложная. Одно время тамъ очень ждали меня“ (273) [2]).

[1]) Большевицкіе историки подчасъ уже забываютъ о тѣхъ версіяхъ, которыя ими же давались, и Парфеновъ въ новой своей работѣ („На Дальн. В.“) уже опредѣленно говоритъ, что выступленіе Гайды было поддержано Далькомпартіей (107).

[2]) Намекъ у Солодовникова о какомъ-то проектѣ Медвѣдева, сорванномъ Краковецкимъ, явившемся въ думу съ десятью вооруженными членами боевой организаціи. Упоминается въ новой „интригѣ“ имя Вис. Гуревича (39).

Подробности переговоровъ Гайды съ Розановымъ съ большой долей фантазіи сообщаетъ телеграмма войскового старшины Магомаева — Семенову [1]):

„Гайда увѣрялъ, что онъ всѣми силами удерживаетъ революціонныя партіи отъ преждевременнаго выступленія, но, однако, не ручается за отдѣльныя вспышки нетерпѣливыхъ группъ, даже въ ближайшее время. Завтра представитъ Розонову письменныя требованія революціонной военной и гражданской партій. Предстоитъ свиданіе Гайды съ главою кооперативовъ Балакшинымъ по иниціативѣ Розанова. Гайда сомнѣвается въ согласіи вашемъ примкнуть къ эс-эрамъ и даже въ вашемъ нейтралитетѣ — въ случаѣ предполагаемаго контакта ген. Розанова съ этой партіей. Гайда не постѣсняется открыто заявить Розанову, что, если вы не войдете въ соглашеніе съ эс-эрами, то васъ необходимо ликвидировать, и исполненіе сего онъ беретъ на себя включительно до вашего убійства. Розановъ рѣшилъ васъ вызвать срочно во Владивостокъ на совѣщаніе эс-эровъ съ Гайдой, что является просто преступнымъ по отношенію васъ. Полковникъ Изоме считаетъ вашъ пріѣздъ во Владивостокъ теперь совершенно нежелательнымъ, стремясь оберечь васъ отъ безусловнаго риска вашей жизни. Полк. Изоме подтвердилъ, что ему извѣстны враждебные замыслы противъ васъ Гайды, поэтому японцы были бы рады удалить его въ западную Сибирь, подъ предлогомъ участія въ образованіи враждебнаго адмиралу Колчаку правительства. При всемъ моемъ желаніи быть осторожнымъ въ заключеніяхъ, я, однако, не могу не указать на признаніе измѣненія настроенія Розанова въ сторону самостоятельной политики, съ цѣлью полученія отъ эс-эровъ съ Гайдой въ полномъ смыслѣ намѣстника на Дальнемъ Востокѣ съ исключеніемъ васъ изъ политическаго вліянія... Положеніе исключительно тяжелое, а съ паденіемъ Омска будетъ безнадежное. Калмыковъ нервничаетъ и хочетъ

[1]) Семеновъ, передавая телеграмму въ Омскъ черезъ своего представителя, полковника Сыробоярскаго, просилъ „довѣрія и помощи". Гинсъ говоритъ, что въ концѣ октября въ Омскъ вернулся изъ командировки его помощникъ Бутовъ, который нѣсколько разъ подробно бесѣдовалъ съ Семеновымъ и вынесъ впечатлѣніе, что атаманъ искренне покончилъ съ „дурными пережитками..." (II, 398).

выступить противъ политики Розанова, что грозитъ осложненіями. Розановъ, видимо, ждетъ паденія Омска и перерыва связи съ центромъ, чтобы открыть свои карты, выдавъ ихъ за вынужденно взятыя". („Пос. Д." 155).

Эта телеграмма и вся дѣятельность Розанова на Д. Востокѣ не удовлетворявшая правительство,[1]) побудила Колчака вызвать Розанова въ Омскъ для объясненія. Розановъ указалъ на возможность безпорядковъ въ случаѣ его отъѣзда, и отъ него было потребовано только письменное объясненіе.

Возможно, что всѣ обвиненія въ отношеніи Розанова, какъ администратора, и соотвѣтствовали дѣйствительности. Сейчасъ дѣло не въ этомъ. Мнѣ представляется, что игра Розанова съ „земцами" и Гайдой скорѣе всего являлась осуществленіемъ своего рода провокаціоннаго плана одного изъ помощниковъ Розанова кап. Крашенинникова. У Розанова было слишкомъ мало силъ для того, чтобы бороться съ возрастающимъ вліяніемъ Гайды, которому, несомнѣнно, оказывалъ покровительство и чешскій военный штабъ и дипломатическій представитель д-ръ Гирса и союзники. Это покровительство временами переходило въ прямую поддержку. Сентябрьское выступленіе Розанова показало, что на Д. Востокѣ трудно было разрубить не только атаманскій узелъ[2]). Крашенинниковъ будто бы хотѣлъ, если не провоцировать прямо возстаніе, то ему содѣйствовать и потомъ провалить, показавъ союзникамъ опасность

[1]) Гинсъ указываетъ, что Розановъ держалъ себя вызывающе по отношенію къ центральной власти, предъявляя министерству ультиматумы, нарушая установленныя Совѣтомъ министровъ правила и т. д. (II, 400-1). Характеристика политической дѣятельности Розанова отчасти была дана прибывшимъ въ Омскъ комендантомъ Владивостока Бутенко. Надо имѣть въ виду, что, по утвержденію Солодовникова, Бутенко самъ былъ замѣшанъ въ заговорѣ, но, очевидно, тоже испугался направленія, которое приняла дѣятельность вагона № 119 въ поѣздѣ Гайды.

[2]) Имѣются данныя, указывающія, что союзнымъ командованіемъ было принято рѣшеніе разоружить ту сторону, которая выступитъ первой. Слѣдовательно, Розановъ не могъ покончить съ заговорщиками по собственной иниціативѣ.

этихъ противоколчаковскихъ авантюръ... Пока это только предположеніе и посильное объясненіе не всегда понятнаго какъ будто бы поведенія Розанова и тѣхъ безотвѣтственныхъ обвиненій, съ явными инсинуаціями, которыя можно встрѣтить у очевидцевъ этихъ владивостокскихъ дней. Читая повѣствованіе Солодовникова, мѣстами мало правдоподобное, видишь, что штабъ Розанова и штабъ Гайды были взаимно пронизаны „шпіонами". Штабъ поѣзда Гайды, или бюро военныхъ организацій, получали шифры, списки и все, что его интересовало (49). „Шпіоны" Розанова были въ равной мѣрѣ въ курсѣ заговорщицкой дѣятельности гайдовскаго эшелона, находясь по рекомендаціи „абсолютно надежныхъ" людей въ самомъ поѣздѣ. „Мексиканскіе нравы" эс-эровско-гайдовскаго поѣзда отнюдь не уступали прославленному атаманскому обиходу. Съ наивной простотой разсказываетъ Солодовниковъ, какъ одного такого „шпіона" юнкера Соколова, убиваютъ въ салонѣ кап. Маха. Оказываются замѣшанными и чины международной милиціи, и начальникъ американской военной миссіи, и офицеры чехо-словацкихъ войскъ. Всѣ они привлечены для допросовъ захваченныхъ въ поѣздѣ членовъ „террористической" организаціи Розанова, которая должна была дезорганизовать гайдовскую дружину путемъ „изъятія" отдѣльныхъ лицъ (54).

* * *

17 ноября во Владивостокѣ произошло возстаніе, которое „Голосъ Приморья" назвалъ „просто смѣшнымъ фарсомъ". Оно было довольно легко ликвидировано. Парижскому „Pour la Russie" (№ 23) было извѣстно, что во время возстанія Розановымъ было разстрѣляно 660 чел. Такихъ данныхъ нигдѣ — даже въ большевицкихъ источникахъ — я не нашелъ. Жертвы возстанія съ обѣихъ сторонъ исчисляются отъ 200—300 че-

ловѣкъ убитыми и ранеными. Каковы бы ни были подлинныя цифры[1]) въ этихъ жертвахъ отнюдь уже не повинно ни колчаковское правительство, ни его дальневосточные агенты, ни мѣстные атаманы. Въ эти дни вообще атаманы оказались государственнѣе, нежели заговорщики подъ демократическимъ флагомъ.

Возстаніе, посколько оно распространилось на городъ, оказалось полукоммунистическимъ — „вооруженнымъ бунтомъ мѣстной голытьбы", по выраженію „Дальняго Востока". Подъ „голытьбой" надо подразумѣвать владивостокскихъ портовыхъ грузчиковъ, сорганизованныхъ въ самостоятельную часть. Возстаніе поддержало центр. бюро профессіональныхъ союзовъ, призвавшее рабочихъ ко всеобщей забастовкѣ. Непосредственное участіе коммунистовъ несомнѣнно. Розановская контрразвѣдка имѣла полный поименный списокъ членовъ заговорщиковъ, гдѣ одна четверть причислялась къ большевикамъ. Это не измышленіе контрразвѣд. отдѣла штаба, не очень разбиравшагося въ политической окраскѣ заговорщиковъ, такъ какъ позже „Дѣло Народа" (№ 392) осторожно признавало, что во владивостокской организаціи, насчитывавшей 2.000 чел., принимали участіе всѣ соціалисты „до большевиковъ" включительно.

Судьба переворота, конечно, зависѣла отъ рѣшенія междусоюзнаго командованія. „Коммунистическій" характеръ нѣсколько измѣнилъ настроеніе союзныхъ военныхъ властей и особенно японцевъ. Солодовниковъ увѣряетъ, что передъ возстаніемъ, измѣняя своему прежнему предположенію, союзная власть рѣшила занять полный нейтралитетъ и заранѣе ограничить площадь военныхъ дѣйствій, не допуская возставшихъ въ городъ.

---

[1]) Самъ Гайда впослѣдствіи въ интервью въ „Гайдъ-прессъ" исчислялъ жертвы своего отряда въ 500 чел. Одинъ изъ военныхъ друзей Лази писалъ 27 ноября, что въ первый день было разстрѣляно 500 чел. Разстрѣлы продолжались. Страннымъ кажется молчаніе союзниковъ во Владивостокѣ, такъ часто вмѣшивавшихся не въ свое дѣло (Лази 237).

Это открывало возможность Розанову обстрѣлять изъ орудій повстанцевъ и мѣшало послѣднимъ зайти въ тылъ розановскому штабу. Своевременно освѣдомленный объ этомъ рѣшеніи Гайда почему-то не довелъ его до свѣдѣнія своего начальника штаба. Японцы активно поддерживали принятое рѣшеніе — съ утра 17-го главныя улицы города были заняты сильными японскими патрулями... Когда американцы, въ свою очередь, послали нѣсколько автомобилей въ сторону вокзала — мѣста сосредоточенія повстанцевъ — японскій отрядъ угрозою стрѣльбы по нимъ ихъ не пропустилъ... [1]) Позже это было названо заговорщиками „вооруженнымъ вмѣшательствомъ“ японскихъ войскъ.

Повстанческій эшелонъ, повидимому, расчитывалъ на другую тактику, ибо въ воззваніи къ юнкерамъ опредѣленно говорилось: „мы предлагаемъ вамъ, братья, не проливать напрасно крови, защищая безнадежное дѣло, а сдать оружіе. Мы обѣщаемъ вамъ полную безопасность и на время боя передадимъ васъ подъ защиту союзнаго командованія“. („Сиб. Арх.“ II, 96). Захвативъ на первыхъ порахъ вокзалъ, возставшіе считали себя какъ бы хозяевами положенія. По крайней мѣрѣ, РТА передало уже бесѣду, которую сотрудникъ агентства имѣлъ съ Якушевымъ: „Мы считаемъ переворотъ законченнымъ. Сегодня вечеромъ поѣдемъ въ городъ и образуемъ временное правительство въ Сибири“ („Св. Кр.“ № 381) [2]). „Поѣздное правительство“ (Якушевъ, Моравскій, Краковецкій) поспѣшило даже заготовить приказъ № 1 за подписью военнаго министра Краковецкаго, которымъ Гайда назначался главнокомандующимъ сибирской арміи [3]).

[1]) Сказался антагонизмъ японцевъ и американцевъ. Недаромъ Гайда въ бесѣдѣ съ Колосовымъ въ іюлѣ указывалъ на необходимость привязать гири къ японскимъ дивизіямъ — это могли быть, по его мнѣнію, лишь американскіе броненосцы.

[2]) Упомянутый другъ Лази писалъ уже о временномъ правительствѣ соц.-рев.

[3]) Солодовниковъ разсказываетъ, что Гайда въ соотвѣтствіи со

При захватѣ станціи повстанцы расчитывали на присоединеніе въ первую очередь солдатъ и офицеровъ артиллерійской школы на Русскомъ Островѣ. По словамъ самого Гайды, [1]) прибыло триста такихъ перебѣжчиковъ, но безъ орудій. Такимъ образомъ, засѣвшіе на вокзалѣ не имѣли артиллеріи, а японскіе патрули помѣшали захватить пулеметы, которыми вокзалъ обстрѣливался съ холма. „Мы были, — сказалъ Гайда, — пойманы въ западню". Видя безнадежность своей позиціи, Гайда предпринялъ попытку переговорить съ Розановымъ черезъ ген. Чечека. Розановъ обѣщалъ прекратить атаку на вокзалъ... Солодовниковъ (кстати сказать, описывающій „боевыя" дѣйствія очень близко къ интервью Гайды), говоритъ, что Чечекъ обѣщалъ даже прислать подкрѣпленіе въ двѣ роты чеховъ, если Розановъ начнетъ бомбардировку вокзала (66). Ночью, однако, бомбардировка возобновилась [2]). „Тогда я отдалъ приказаніе вновь открыть стрѣльбу" — разсказывалъ Гайда по первому впечатлѣнію. „Но уже въ то время мораль м о и х ъ людей была разрушена и было невозможно вновь ихъ организовать. Я понялъ, что наше дѣло проиграно..." [3])

Существуетъ около десяти версій плѣненія самого Гайды. Онъ былъ контуженъ, пытался спастись бѣгствомъ и, въ концѣ концовъ, былъ арестованъ отрядомъ правительственныхъ войскъ. Его отвели въ штабъ округа, откуда онъ и бывшіе съ нимъ чехи были взяты на поруки ген. Чечекомъ. Гайда былъ отвезенъ на квар-

---

своими вкусами былъ очень увлеченъ разработкой формы одежды будущей арміи.

[1]) Я беру его шанхайское интервью, представляющееся мнѣ болѣе вѣрнымъ источникомъ, чѣмъ его „воспоминанія".

[2]) По словамъ довольно освѣдомленнаго „Славянофила" полк. Томилинъ не подчинился приказу Розанова („Чешскіе аргонавты въ Сибири", Токіо 1921—17). Я не нашелъ данныхъ, подтверждающихъ сообщеніе „Pour la Russie", что японцы въ это время спеціально освѣщали вокзалъ прожекторами.

[3]) О паникѣ говоритъ и Солодовниковъ: „обезумѣвшіе люди стрѣляли другъ въ друга.

тиру д-ра Гирсы (его воспоминанія). Въ подвальномъ этажѣ чехо-словакскаго штаба (другимъ бестомъ была американская миссія) собрались и остальные бѣглецы. Укрылись въ этихъ бестахъ и тѣ отдѣльные эсэры, которые приняли во главѣ съ Якушевымъ, Краковецкимъ и Моравскимъ участіе въ заговорѣ...

* * *

Невольно все-таки встаетъ вопросъ, зачѣмъ же былъ устроенъ этотъ „фарсъ" съ кровавыми жертвами? Нѣкоторые склонны утверждать, что владивостокское возстаніе явилось осуществленіемъ задуманнаго въ Иркутскѣ плана въ дни проѣзда ген. Гайды, и что въ осуществленіи этого плана приняли непосредственное активное участіе представители чехо-словакскаго войска. Газета „Дѣло Россіи" (№10 — 25 мая, 20 г.), часто хорошо освѣдомленная о закулисной сторонѣ сибирскихъ событій, но далеко не всегда сообщавшая точныя данныя, говоритъ, что при обыскѣ въ вагонѣ Гайды во Владивостокѣ будто бы была найдена телеграмма изъ Иркутска новаго чехословацкаго уполномоченнаго Гирсы: „Начинайте, все готово." Существованіе такой телеграммы маловѣроятно [1]), такъ какъ въ Иркутскѣ не только ничего не было еще „готово," но, очевидно, не было достигнуто и полной договоренности съ Якушевской группой во Владивостокѣ. Только послѣ сентябрьской неудачи самостоятельная попытка предсѣдателя Сибдумы была вставлена въ другую оправу [2]) и тутъ, какъ мы видѣли, сталъ намѣчаться другой революціонный

[1]) Я допускаю, что въ связи съ появившимся 13 ноября „меморандумомъ", который, по словамъ Гайды, наилучшимъ образомъ говорилъ о симпатіяхъ чехословаковъ (Гайда объ этомъ упоминаетъ въ связи съ характеристикой отношенія союзниковъ къ подготовкѣ переворота), кое-кто могъ использовать имя д-ра Гирсы. Въ Сибири это бывало.

[2]) О томъ, какую роль могли здѣсь играть чехо-словаки см. ниже.

центръ, причемъ однако, зачинатели пытались сохранить за Владивостокомъ самодовлѣющее значеніе. Естественно, что въ случаѣ удачи владивостокскіе заговорщики, развивавшіе широкую пропаганду, несмотря на отдаленность основной территоріи своей дѣятельности, могли бы явиться устроителями сибирской жизни, — по крайней мѣрѣ, они мечтали возглавить временное революціонное правительство до созыва Земскаго Собора.

Съ военной стороны владивостокское возстаніе является какъ будто бы планомѣрнымъ осуществленіемъ единаго организаціоннаго плана. Въ самомъ дѣлѣ 18 ноября, т. е. немедленно послѣ эвакуаціи Омска, нѣсколько неожиданно былъ выпущенъ чешскій меморандумъ. Владивостокскіе иниціаторы возстанія съ самого начала, по словамъ Солодовникова, предполагали ударить по Колчаку съ тыла въ моментъ общаго отступленія Сибирской арміи. Что-то въ эти ноябрьскіе дни готовилось уже и въ Иркутскѣ. По увѣренію N. (автора воспоминаній, напечатанныхъ въ „Сиб. Огняхъ“)‘ чехи гарантировали нѣкую реальную помощь при возстаніи: это вызвало „большой переполохъ въ военныхъ сферахъ, опредѣленно ожидавшихъ чешско-эсеровскаго выступленія въ серединѣ ноября“ (80) [1]). 16 ноября ген. Артемьевъ телеграфно докладывалъ „главковостоку.“

„Имѣя свѣдѣнія о подпольной работѣ лицъ, состоящихъ на службѣ по выборамъ въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи, органами государственнаго правопорядка въ ночь на 12-е ноября были произведены въ городѣ обыски и аресты. Уполномоченный чехо-словацкаго правительства д-ръ Благошъ заявилъ протестъ противъ ареста Данбинова, Ковальскаго, Гольдберга,

[1]) Активное участіе чеховъ подчеркивалось еще въ сентябрьскомъ засѣданіи Совѣта министровъ. На чеховъ, очевидно, разсчитывали возставшіе. Воззваніе къ „братьямъ чехо-словакамъ“, выпущенное „бюро военныхъ организацій,“ заканчивалось словами: намъ „важно и дорого, чтобы ваше сочувствіе было на нашей сторонѣ, чтобы вы при малѣйшей къ тому для васъ возможности п о м о г л и намъ въ этомъ многотрудномъ и тяжеломъ дѣлѣ“ („В. С.“ V, 97).

Бланкова, обыска управляющаго народнымъ банкомъ Погребицкаго, сообщая въ противномъ случаѣ остаться нейтральнымъ при могущемъ быть антигосударственномъ выступленіи. Д-ру Благошъ сообщено, что его протестъ принятъ мною къ свѣдѣнію, будетъ представленъ на благоусмотрѣніе русскаго правительства. Независимо отъ сего, указанные арестованные, кромѣ Бланкова, освобождены послѣ разслѣдованія. У послѣдняго, по свѣдѣніямъ чешской контръ-развѣдки, въ квартирѣ скрывался штабъ большевицкой партіи; по свѣдѣніямъ русской контръ-развѣдки, — было тайное отдѣленіе партіи эсеровъ. При обыскѣ найденъ компрометирующій матеріалъ..." („П. Д.", 68—69).

Не случайно, казалось бы, и владивостокское возстаніе пріурочено было къ годовщинѣ омскаго переворота. Въ интервью въ „Джанкой-Адвертайзеръ" Гайда опредѣленно подчеркивалъ, что владивостокское „народное" возстаніе было осуществленіемъ обдуманнаго плана. Самъ де онъ былъ „вынужденъ" въ силу обстоятельствъ занять постъ командующаго военными силами. По его тогдашнимъ словамъ, „переворотъ" предполагали совершить „мирно, путемъ захвата правительственныхъ учрежденій." Желая избѣжать кровопролитія, Гайда не поощрялъ набора добровольцевъ изъ правительтавенныхъ войскъ, такъ какъ это привело бы къ „неизбѣжности" вооруженнаго столкновенія, которое онъ „всѣми силами старался предотвратить." И только, когда Розановскіе войска стали обстрѣливать юнкеровъ, направлявшихся въ эшелонъ Гайды, оказалось неизбѣжнымъ вооруженное столкновеніе: „когда обстоятельства принудили насъ сражаться — мы сражались." [1])

Въ это изложеніе надо ввести одну поправку, которую и дѣлаетъ самъ Гайда въ воспоминаніяхъ. Возстаніе произошло „преждевременно." Возможно, что на такое ускореніе и повліяла тактика ген. Розанова... Гайда переноситъ отвѣтственность на членовъ комитета: „думаю,

[1]) Рус. Бюро печ. (Владив. Отдѣлъ) № 292.

что кто-нибудь изъ комитета... безъ моего вѣдома далъ сигналъ...“ Солодовниковъ обвиняетъ самого Гайду. Онъ подтверждаетъ сообщеніе о частныхъ бесѣдахъ Гайды съ Розановымъ. Одно изъ такихъ посѣщеній происходило 12-13 ноября. Оно носило странный характеръ въ изображеніи самого Гайды. Черезчуръ какъ-то благородно поступаетъ заговорщикъ. Онъ рѣшилъ „въ виду надвигающихся событій“ вернуть „слово“, данное Розанову 21 сентября.[1])

Отъ этого „проклятаго визита къ Розанову“ все и провалилось: „еще бы два-три дня генеральскаго молчанія и успѣхъ почти безкровнаго перехода власти въ наши руки можно было-бы считать обезпеченнымъ“(59). Теперь Розановъ былъ освѣдомленъ, и ночью 15-го въ хвостѣ состава гайдовскаго эшелона всталъ бронепоѣздъ „Калмыковецъ“, готовый въ любой моментъ открыть артиллерійскій и пулеметный огонь. Вечеромъ, 16-го, эшелонъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ юнкерами инструкторской школы Нокса, восемь унтеръ-офицерскихъ ротъ которой должны были, по плану заговорщиковъ, разоружить четыре роты офицерскія. Въ дальнѣйшемъ, — добавляетъ Солодовниковъ, — пришлось дѣйствовать безъ руля и безъ вѣтрилъ, въ зависимости отъ создававшихся условій, когда иниціатива была отдана нашими же руками.

16 ноября Гайду „зачѣмъ-то“ два раза посѣтилъ японскій генералъ и принятъ былъ имъ безъ посторонникъ свидѣтелей. Еще раньше, 14-го, въ поѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ помощника Гайды Гусарика, было устроено совѣщаніе, на которомъ обсуждалось вторичное предложеніе Гайды переѣхать въ Иркутскъ. Совѣщаніе отвергло это предложеніе. Производить впе-

[1]) Все это мы узнаемъ въ передачѣ Солодовникова. Гайда молчитъ въ своихъ мемуарахъ. Очевидно, обѣщаніе не выступать было дано послѣ неудачной сентябрьской попытки, какъ, въ свою очередь, и подтвердилъ мнѣ ген. Розановъ.

чатлѣніе, что у Гайды большія колебанія. Онъ самъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ, что „старался задержать событія до возвращенія Гирсы, который тогда былъ въ Иркутскѣ, потому что боялся, что въ его отсутствіе можетъ произойти неожиданный оборотъ въ поведеніи союзниковъ, особенно японцевъ.“ Но le vin est tiré, il faut le boire. Отступать съ честью было уже поздно — въ этомъ, можетъ быть, и крылись тѣ „обстоятельства“, которыя заставили Гайду принять на себя командованіе...

„Фарсъ“ окончился. Гайда, взятый на поруки чешскимъ штабомъ, далъ обязательство уѣхать въ теченіе трехъ дней въ Чехію. Солодовниковъ убѣждалъ генерала уйти въ горы съ остатками организаціи, объединить партизанскіе отряды и продолжать борьбу. Но Гайда былъ уже отыгранной картой. Очевидно, онъ это чувствовалъ.

Чешская печать въ Сибири, въ свое время недовольная исключеніемъ Гайды съ русской службы, [1]) сочла нужнымъ взять на себя реабилитацію неудачнаго заговорщика. Телеграмма „Чех. Сл. Дн.“ 23 ноября (225) гласила: Гайда палъ въ неравномъ бою, спровоцированный героемъ енисейскихъ погромовъ ген. Розановымъ. Онъ уходитъ изъ Сибири, въ освобожденіи которой принималъ такое участіе и которой владѣютъ люди того же Розанова. (О Розановѣ говорилось, что когда Гайда поднималъ знамя борьбы, онъ служилъ въ большевицкомъ штабѣ [2]). Гайда можетъ уходить спокойно... Гайда

[1]) Гайда считалъ это увольненіе (распоряженіемъ верховнаго правителя и постановленіемъ Совѣта министровъ) „незаконнымъ“ (?!) и заявилъ во владивостокской печати, что союзники не признаютъ этого увольненія, и что онъ самъ не уѣдетъ, пока не получитъ удовлетворенія (?!). Въ письмѣ 5 ноября къ французскому консулу Буржуа, увѣдомившаго Гайду о распоряженіи министра Пишона французскимъ властямъ оказать всѣ почести, соотвѣтствующія положенію Гайды, въ случаѣ согласія покинуть Сибирь, Гайда болѣе театрально мотивировалъ свой отказъ выѣхать: ему невозможно покинуть Сибирь, пока тамъ находятся чехо-словацкіе солдаты. Когда они уѣдутъ, уѣдетъ и онъ: „Покинуть Сибирь — это отдыхъ для меня; оставаться — долгъ“. (Лази, 200).

[2]) Авторъ статьи не зналъ, что Розановъ былъ присланъ въ Си-

заблуждался, но подъ конецъ онъ рѣшительно сталъ на сторону демократіи. Ген. Гайда можетъ „гордо возвратиться“ въ Чехію.

„Демократизмъ“ Гайды уже тогда былъ особый— съ оттѣнкомъ большевицко-фашистскихъ тенденцій. Въ упомянутомъ интервью онъ говорилъ: все, что союзники сдѣлали для Россіи — это поддержка „черной монархіи“ Колчака, Деникина и др. Въ будущемъ могутъ быть только абсолютная монархія или большевизмъ. Соединить Россію смогутъ, однако, только большевики. Они переродились. Это не тѣ „красные“, когда господствовалъ терроръ. Въ настоящее время у нихъ замѣчается „національное движеніе“. Прежнія формы сами себя изживаютъ... Гайда съ чрезвычайной похвалой отзывается о дисциплинированной арміи противниковъ. У коммунистовъ исчезла коммунистическая доктрина. „Міръ,— заключаетъ онъ, — долженъ знать больше фактовъ, относящихся къ дѣйствительному положенію въ Сибири“.

Гайда не герой нашего романа... Противопоставленіе его Колчаку, „несчастному моряку“, который „не сумѣлъ быть Наполеономъ“, какъ это дѣлаетъ Медекъ въ своей хроникѣ-романѣ „Anabase“ (1928) — профанація чистаго образа покойнаго русскаго патріота. Отъ Гайды поспѣшили отгородиться и его соучастники по владивостокскому заговору: „организованные эс-эры, — писалъ Раковъ, — ничего общаго съ владивостокскими событіями не имѣли“ (45). Болѣе остороженъ, однако, Гуревичъ въ статьѣ, напечатанной въ „Лѣтописи Революціи“: участвовала — говоритъ онъ — не организація, а нѣкоторые эс-эры (309)[1]).

бирь отъ военной московской организаціи при Нац. Центрѣ (черезъ посредство Н. Н. Щепкина).

[1]) Открещиваться цѣликомъ отъ возстанія нельзя было, ибо партійная печать въ свое время слишкомъ ангажировалась: о „трагедіи“ революціоннаго движенія во Владивостокѣ писала „Pour la Russie“ (№ 5-20 ноября 19 г.); протестовала противъ „вмѣшательствъ“ союзниковъ во владивостокскія событія, когда населеніе возстало противъ Колчака, и „La Rep. Russe“ (№ 17—19 дек.), Та же „Pour la Russie“

3. Эвакуація Омска.

Владивостокскія событія произошли въ дни тяжелаго кризиса для омской власти, наступившаго съ момента эвакуаціи Омска. Какъ бы оправдались слова, Колчака, считавшаго необходимымъ защищать Омскъ до послѣдней возможности. Задержка съ эвакуаціей Омска— возражаютъ на это — была пагубной ошибкой. Она окончательно разрушила фронтъ и повела къ гибели арміи. Плохіе совѣтчики вновь толкнули Колчака на невѣрный путь. Не сказывается ли здѣсь больше попытка найти виновника послѣдовавшей катастрофы? Вся Сибирь стала обвинять въ неудачѣ преемника Дитерихса ген. Сахарова, который якобы внушилъ адмиралу пагубную мысль. Эта „традиціонная“ точка зрѣнія — таковыя уже имѣются — вновь нашла себѣ выраженіе въ текстѣ Милюкова (144-145). „Традиціонное“ изложеніе требуетъ, однако, существенныхъ поправокъ.

Бар. Будбергъ имѣлъ въ августѣ свой рецептъ:

„Третьяго дня, — записываетъ онъ 5 августа — въ кабинетѣ предсѣдателя совѣта министровъ я очень осторожно началъ разговоръ о своевременности подумать о переѣздѣ на востокъ, но на меня накинулись такъ, какъ будто я говорю нѣчто недопустимое; особенно горячился искренній, рѣшительный и импульсивный Пепеляевъ... Отвѣтилъ имъ, что остаюсь при старомъ мнѣніи, такъ какъ считаю, что лучше переѣхать заблаговременно, чѣмъ въ обстановкѣ общаго пожара... Нужно думать... о томъ, чтобы бросить бредни о наступленіи, а перейти къ оборонѣ на укрѣпленныхъ позиціяхъ до тѣхъ поръ, пока не укрѣпимся настолько, чтобы имѣть дѣйствительное право на наступленіе“ (XV, 258).

По Будбергу Колчакъ какъ бы всегда полонъ „на-

позднѣе сообщала свѣдѣнія, конечно, совершенно фантастическія, что въ возстаніи участвовала „группа Бѣлорусова, сдѣлавшаяся непримиримымъ врагомъ Колчака“ (№ 17—21 февр. 21 г.).

ступательными тенденціями". Между тѣмъ, любопытное свидѣтельство имѣемъ мы отъ ген. Занкевича: „Мнѣ извѣстно, что адмиралъ хотѣлъ начать эвакуацію Омска еще въ концѣ іюля. Эта мысль, однако, встрѣтила рѣшительную оппозицію въ Совѣтѣ министровъ" („Б. Д"., 11, 150). Вопреки „своему убѣжденію", верховный правитель мысль о своевременной подготовкѣ эвакуаціи Омска оставилъ. Въ этомъ смыслѣ давленіе прежде было оказано со стороны союзниковъ.

Ген. Занкевичъ, очевидно, имѣетъ въ виду засѣданіе Совѣта министровъ 8 августа, о которомъ имѣется такая запись Будберга:

„Продолжительное засѣданіе Совѣта министровъ съ вызовомъ туда Лебедева и всѣхъ генералъ-квартирмейстеровъ. До начала засѣданія поднялъ вопросъ объ эвакуаціи Омска, указавъ, что таково общее желаніе фронта... Получилъ отвѣтъ, что часто категорически противъ самъ адмиралъ и всѣ союзники, которые де считаютъ, что отъѣздъ правительства изъ Омска это его гибель и что таково мнѣніе всѣхъ знающихъ настроеніе Сибири... Тонъ совѣщанія былъ данъ Михайловымъ, который съ огромнымъ пафосомъ... заявлялъ, что отъѣздъ правительства изъ Омска невозможенъ... Слушалъ въ полномъ недоумѣніи: какой злой рокъ отнимаетъ у очень неглупыхъ и по своему дѣльныхъ людей здравый смыслъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ" (XV, 261).

Никакихъ данныхъ о томъ, какъ смотрѣлъ смѣнившій Лебедева Дитерихсъ на своевременную эвакуацію Омска, у насъ нѣтъ. Мы знаемъ только, что даже въ октябрѣ Дитерихсъ былъ настроенъ весьма оптимистически (дневникъ Пепеляева). И только послѣ новыхъ неудачъ, т. е. въ моментъ крушенія плана, Дитерихсъ поднимаетъ вопросъ о спѣшной эвакуаціи Омска, противъ чего уже рѣшительно возражаетъ верховный правитель. Онъ считаетъ эвакуацію въ такой моментъ началомъ гибели всего дѣла. Отступить въ глубь страны, окопаться въ Новониколаевскѣ или даже въ Иркутскѣ

подъ защитой союзниковъ — вотъ планъ Дитерихса, горячо поддерживаемый ген. Иностранцевымъ. Къ сожалѣнію, воспоминанія Иностранцева — я имѣлъ возможность съ частью ихъ познакомиться въ рукописи—еще не напечатаны. Въ запискахъ Иностранцева довольно обстоятельно изложены бесѣды съ Колчакомъ и развита взаимная аргументація. Оставленіе Омска, по мнѣнію Колчака, равносильно проигрышу всей кампаніи (это и физически невозможно — нужны мѣсяцы). Эвакуація поведетъ къ паденію правительства. Колчакъ мотивируетъ соображеніемъ, что въ переживаемый моментъ политика должна стоять выше стратегіи. Не онъ ли былъ правъ въ данномъ случаѣ? Ген. Иностранцевъ убѣжденъ, что осуществленіе его плана предотвратило бы катастрофу. Неужели недѣля, протекшая съ момента разговора до оставленія Омска, могла быть столь рѣшающей? Если принять точку зрѣнія Какурина, что на Тоболѣ была уже рѣшена судьба арміи Колчака — точка зрѣнія, въ значительной степени раздѣляемая, кажется, Головинымъ — то позиція Колчака какъ будто бы была единственно правильной.

На верховнаго правителя въ рѣшеніи вопроса о защитѣ Омска оказывала вліяніе и „общественность“. Я не знаю, почему Милюковъ поставилъ это слово въ ковычкахъ. Подлинная омская общественность—не та, конечно, которая поднимала вопросъ объ окончаніи гражданской войны подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ—говорила о защитѣ Омска (делегація Экон. Сов. съ Червенъ Водали во главѣ. Гинсъ, II. 408-9). Никто въ эти дни не переживалъ, вѣроятно, такихъ мучительныхъ колебаній и тяжелаго раздумья, какъ верховный правитель. Отвѣтственность была на немъ. „Я далъ бы много за то, если бы въ настоящее время былъ простымъ генераломъ, а не верховнымъ правителемъ — передаетъ на строеніе верховнаго правителя рапортъ майора Моринса [1]).

[1]) Этотъ рапортъ напечатанъ въ „Пос. дни Колчака“ (54-55).

Трудность положенія осложнялась разногласіями съ Дитерихсомъ. Поведеніе Дитерихса вообще не совсѣмъ понятно. Колчакъ жаловался, что мнѣнія Дитерихса всегда шли наперекоръ его мнѣніямъ, и что ему приходилось напоминать своему начальнику штаба, что лицомъ рѣшающимъ все-таки является онъ, Колчакъ. Эту странную черту отмѣчаютъ весьма авторитетные свидѣтели того времени. Имъ даже кажется, что Дитерихсъ какъ бы сознательно подводилъ Колчака. Можетъ быть, здѣсь играла роль политическая антипатія. Колчакъ для Дитерихса демократъ, слѣдовательно, политическій антиподъ. „Мистика“ Колчака весьма мало сближалась съ „мистикой“ Дитерихса: у Колчака на первомъ планѣ была Россія, у Дитерихса — монархическая Россія. Не даромъ омскія сплетни съ обычной для себя поспѣшностью окружили имя Дитерихса слухами о готовящемся „переворотѣ“.

На Колчака непріятно подѣйствовало сообщеніе, что Дитерихсъ, зная отрицательное отношеніе верховнаго правителя къ отступленію безъ боя, отдалъ распоряженіе о выводѣ первой арміи Пепеляева въ тылъ, не освѣдомивъ даже адмирала. Когда прибывшій съ фронта Дитерихсъ, въ силу несогласія съ Колчакомъ, заявилъ о своей отставкѣ, Колчакъ ее принялъ, несмотря на тяжелый моментъ для арміи. Тогда и выплыла кандидатура Сахарова. Дѣло какъ будто-бы заключалось не только въ томъ, что „нашелся генералъ, карьеристъ и реакціонеръ Сахаровъ, который убѣдилъ Колчака, что защищать Омскъ возможно“ (Милюковъ). Мы не имѣемъ права игнорировать и показанія самого Сахарова, обычно довольно точныя[1]). Онъ былъ вызванъ 4 ноября телеграммой. Верховный правитель въ присутствіи Дитерихса предложилъ ему постъ главнокомандующаго.

Вѣроятно онъ относится къ той серіи донесеніи тайныхъ агентовъ, о которой приходилось упоминать. Моринсъ — очевидно, Марино.

[1]) По словамъ Сукина, защиту Омска отстаивали также Каппель и Войцеховскій.

Вопреки трафаретному представленію, многіе военные спеціалисты считаютъ Сахарова отличнымъ боевымъ начальникомъ, можетъ быть, нѣсколько самоувѣреннымъ, но рѣшительнымъ человѣкомъ. Въ данной обстановкѣ только рѣшительность могла имѣть значеніе. Другихъ кандидатовъ у Колчака, пожалуй, и не было. По словамъ И. И. Сукина, верховный правитель преемникомъ Дитерихса хотѣлъ назначить Войцеховского, но это вызывало „обиду и соперничество". „Мнѣ приходилось подчиниться приказу", — говоритъ Сахаровъ, утверждая, что онъ вовсе и не ставилъ себѣ невыполнимой задачи во что-бы то ни стало удержать Омскъ. Адмиралъ просилъ „сдѣлать все возможное, чтобы попытаться спасти Омскъ, и сейчасъ же отдалъ приказъ о возвращеніи первой сибирской арміи на фронтъ". (181).

На другой день пріѣхалъ Пепеляевъ и сдѣлалъ попытку непосредственно воздѣйствовать на верховнаго правителя.

„Адмиралъ встрѣтилъ меня словами — разсказываетъ Сахаровъ: — вотъ, ген. Пепеляевъ убѣждаетъ не останавливать его армію, дать ей возможность сосредоточиться по жел. дор. въ тылу". Я отвѣтилъ, что это невозможно... Пепеляевъ поднялся во весь ростъ, посмотрѣлъ въ упоръ на адмирала: „Вы мнѣ вѣрите, В. В.? — спросилъ онъ какимъ-то надломленнымъ голосомъ — „Вѣрю, но въ чемъ же дѣло?" Пепеляевъ тогда перекрестился на стоявшій въ углу образъ, рѣзко и отрывисто, ударяя себя въ грудь и плечи: „Такъ вотъ Вамъ крестное знаменіе, что это невозможно, если мои войска остановить теперь, то они взбунтуются". Я доложилъ Верх. Пр., что не могу при такомъ отношеніи къ приказу оставаться главнокомандующимъ... Адмиралъ усталый и подавленный... началъ уговаривать меня"... (181).

Отступленія остановить уже было нельзя. 10-го ноября въ Иркусткъ выѣхало правительство. 12-го поздно вечеромъ вмѣстѣ съ войсками покинулъ Омскъ верховный правитель. 14-го утромъ Омскъ палъ.

„Фактически армія теперь сошла на задачу прикрытія эвакуаціи“ — говоритъ Сахаровъ. ...„Армія свелась въ сущности къ цѣломъ ряду небольшихъ отрядовъ, которые все еще были въ порядкѣ... Сохранилась организація, но духъ сильно упалъ. До того, что проявлялись даже случаи невыполненія боевого приказа. На этой почвѣ... ген. Войцеховскій принужденъ былъ лично застрѣлить изъ револьвера ком. корпуса ген. Гривина“... (183).

Общественное мнѣніе осудило сдачу Омска. Инструкторъ новониколаевскаго освѣдомительнаго отдѣла Лепарскій доносилъ начачальству:

„Я пишу о „слухахъ“ о тѣхъ слухахъ, которыми переполненъ воздухъ, отъ которыхъ никуда не скроешься, которые переходять непроизвольно, какъ всякій звукъ, но изъ-за которыхъ создается представленіе — мнѣніе и въ результатѣ извѣстное отношеніе, дѣйствіе, тактика. Слухи эти разнообразны, часто противорѣчатъ другъ другу, но въ разныхъ варіаціяхъ ясно звучитъ общая усталость, жажда мира, покоя; но это было бы еще полгоря, а главное то, что „потеряна надежда“ на побѣду, надежда, безъ которой немыслимъ успѣхъ никакого дѣла. Вотъ этой-то надежды, воодушевляющей и побуждающей, у большинства нѣтъ. Если и тлится эта надежда у немногихъ, то въ связи съ надеждою или на сверхестественную помощь Божію, или на вмѣшательство союзниковъ. До паденія Омска, это не такъ было слышно, теперь-же слышно вездѣ. Сидите ли вы въ кафе, ходите ли по базару или на вокзалѣ, — вездѣ таинственные, чудовищные, прямо-таки сказочные разсказы о сдачѣ Омска, и какъ на главную причину сдачи — отсутствіе твердой власти, распорядительности и, что обидно, говорятъ къ моменту появленія красныхъ у насъ въ Омскѣ не было военоначальника-распорядителя, и въ результатѣ бѣжалъ кто куда могъ, чувство животнаго страха и личнаго самосохраненія преобладало надъ всѣми другими соображеніями“. („П. Д.“, 67).

4. Чешскій меморандумъ.

Съ моментомъ отъѣзда верховнаго правителя изъ

Омска совпалъ другой сильный ударъ, нанесенный правительству изъ Иркутска со стороны тѣхъ, которые такъ или иначе по различнымъ мотивамъ вынуждены были въ теченіе года вести совмѣстную съ нимъ борьбу противъ большевиковъ. 13 ноября въ „Чех. Сл. Дн.“ былъ напечатанъ представленный союзникамъ „меморандумъ“ за подписью политическихъ представителей чехо-словацкаго государства въ Россіи Павлу и Гирсы.

Для омской власти меморандумъ былъ неожиданъ — и особенно подпись подъ этимъ документомъ д-ра Павлу, котораго въ свое время еще Штефанекъ рекомендовалъ Омскому правительству, какъ человѣка, наиболѣе способнаго найти путь для здороваго сотрудничества (Сукинъ). Онъ былъ неожиданъ уже потому, что съ момента, когда правительство взяло „демократическій“ курсъ, т. е. заговорило о созданіи хотя бы суррогата народнаго представительства, у членовъ правительства и у нѣкоторыхъ представителей общественности въ связи съ военымъ успѣхомъ начались переговоры о привлеченіи чехо-словаковъ къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ на фронтахъ [1]). 24 августа Пепеляевъ записываетъ: „я былъ съ отдѣльнымъ визитомъ у майора Кошека. Говорили о многомъ. Кошекъ не исключаетъ возможности участія чеховъ на фронтѣ“. Въ засѣданіи правительства 12 сентября было упомянуто о болѣе уже серьезныхъ переговорахъ черезъ особо уполномоченныхъ лицъ, къ чему весьма скептически отнесся „чехоѣдъ“ Будбергъ (наименованіе, которое далъ ему Кол-

[1]) Въ „исторіи“ Драгомирецкаго дѣло изображается такъ: до первыхъ чиселъ ноября продожались попытки установить „добрыя отношенія съ адмираломъ, но, когда между членами правительства очутились нѣкоторые уже не партійные люди, а просто неуравновѣшенные и легкомысленные типы, когда они своими дѣйствіями стали возстанавливать всѣ слои населенія“ и т. д. — тогда уполномоченные правительства Чех.-Сл. Республики, „не имѣя возможности иначе реагировать на всѣ эти ужасы,“ обратились къ союзникамъ за совѣтомъ и помощью (145). Все это, какъ видимъ, мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

чакъ за всегдашній скептицизмъ). Очевидно, имѣлось въ виду поѣздка Бѣлоруссова въ Иркутскъ. О ней Кроль пишетъ: „чеховъ рѣшили привлечь путемъ обѣщанія имъ земельныхъ участковъ въ Сибири и денежныхъ выгодъ. Переговоры, однако, (не) налаживались. Главнымъ камнемъ преткновенія былъ вопросъ о травлѣ печати. И тутъ рѣшился пойти на большое самопожертвованіе А. С. Бѣлоруссовъ. Старикъ, много силъ положившій на травлю чеховъ[1]), рѣшилъ поѣхать въ Иркутскъ упросить чеховъ пойти на помощь. Отъ него получены были извѣстія, что соглашеніе налаживается. Но тутъ произошло новое обстоятельство“ (192).

„Новое обстоятельство“ заключалось въ разжалованіи ген. Гайды: „Казалось бы, — пишетъ Кроль, — что чехамъ, рѣзко разошедшимся съ Гайдой послѣ пе-

---

[1]) Объ этой травлѣ склонны были говорить и сами чехи. Такъ „Чех.-Сл. Дн.“, 3 декабря 18 г. (№ 245) писалъ въ статьѣ, озаглавленной „Отечественныя Вѣдомости“: „Если мы теперь на страницахъ „Отеч. Вѣд.“ встрѣчаемся со скрытой и открытой критикой, иногда и съ враждебностью къ себѣ, то въ этомъ видимъ только лишь признакъ перемѣны взглядовъ и настроеній въ опредѣленной части русской общественности, которая отдохнула отъ большевицкихъ ужасовъ и хочетъ уже устраиваться по своему, открыто признавая, что мы ей, напр., уже начинаемъ мѣшать, даже простымъ своимъ присутствіемъ, хотя и занимаемъ положеніе союзниковъ и стоимъ часто внѣ всякихъ рускихъ политическихъ партій...

...Право свободной критики въ границахъ союзническихъ отношеній само собою должно быть признано за русской печатью. Наоборотъ, когда въ первые мѣсяцы нашего вступленія въ Сибирь мы читали постоянно дешевые хвалебные гимны намъ — освободителямъ и спасителямъ Россіи, намъ было какъ то неловко и мы желали бы тогда больше увѣренности и критицизма въ отношеніи къ себѣ. Мы не артисты, которымъ нужны во что-бы то ни стало аплодисменты. Теперь же мы дождались того, что печать и какъ разъ тѣхъ круговъ, которые большевиками были больше всего угнетены, которые для освобожденія своего меньше сдѣлали, начинаетъ насъ не критиковать, а нападать несправедливо, утверждая фактическую неправду. Но мы остались спокойны при гимнахъ, презираемъ и неправду. Но мы этого не забудемъ “

Я не нашелъ въ „Отеч. Вѣд.“ такой „травли“. Лишь обостренное чувство могло такъ воспринимать критику. Не только „Отеч. Вѣд.“, но и болѣе „правый“ органъ, „Сиб. Рѣчь“ Жардецкаго, былъ далекъ отъ „травли“, иначе было бы слишкомъ нелогично призывать, наприм., на своихъ страницахъ сибиряковъ къ учрежденію стипендій въ честь чехо-словаковъ (1 января).

реворота 18 ноября, это должно было быть безразличнымъ. Но чехи это приняли иначе:[1]) какъ никакъ, но Гайда былъ для нихъ своеобразнымъ героемъ. Переговоры съ Бѣлоруссовымъ были внезапно прерваны, и старикъ не вынесъ: скончалса отъ разрыва сердца".

Очевидно, заминка произошла не изъ-за самого факта лишенія Гайды русскихъ генеральскихъ погонъ, а въ связи съ телеграфнымъ обращеніемъ 26 сентября черезъ союзниковъ къ правительству чехо-словаковъ.

„Давая лестную оцѣнку прежней, „блестящей боевой дѣятельности" Гайды на уральскомъ фронтѣ, указывая, что верховное командованіе всегда разсматривало его, какъ „исключительно одареннаго и цѣннаго" начальника, правительство говорило, что вмѣшательство Гайды въ вопросы внутренней политической жизни привело къ тому, что онъ долженъ былъ оставить занимаемый постъ. Принимая во вниманіе заслуги Гайды, верховный правитель сохранялъ за нимъ званіе командующаго арміей и разрѣшалъ ему заграничный отпускъ, „обставленный всѣми матеріальными условіями и внѣшнимъ почетомъ." Но Гайда занялся противоправительственной работой во Владивостокѣ. „Въ этомъ отношеніи къ Гайдѣ присоединился и чешскій представитель въ междусоюзномъ желѣзно-дорожномъ комитетѣ д-ръ Гирса, также вмѣшавшійся во внутреннюю политику Россіи и сдѣлавшійся не только пособникомъ, но чуть ли не вдохновителемъ противогосударственныхъ теченій на Дальнемъ Востокѣ. Глубоко сожалѣя о поступкахъ Гайды, прежнія заслуги котораго русское правительство не перестаетъ цѣнить, но не допуская въ то же время мысли, чтобы настоящее поведеніе его и д-ра Гирсы могло встрѣтить сочувствіе правительства Чехословакіи, мы считаемъ долгомъ дружбы и славянства просить о немедленномъ отозваніи указанныхъ лицъ изъ предѣловъ Россіи, полагая, что этого требуютъ жизненные интересы обоихъ народовъ."

Очевидно Кроль сильно преувеличивалъ разрывъ переговоровъ. По крайней мѣрѣ Гинсъ разсказываетъ:

---

[1]) „Чехи недовольны исключеніемъ Гайды" — записываетъ Пепеляевъ.

...„У Вологодскаго въ началѣ октября состоялся дружественный завтракъ, на которомъ присутствовали Павлу и Гайный, а отъ военныхъ — Дитерихсъ. Стали намѣчаться пріемлемыя для обѣихъ сторонъ условія сотрудничества. Чехи ставили вопросы практично. Они просили, чтобы ихъ сбереженія, внесенныя въ государственныя сберегательныя кассы сибирскими деньгами, выдавались романовскими, чтобы правительство приняло на свой счетъ всѣ перевозки чехо-войскъ, чтобы жалованье (привлеченіе чеховъ въ армію предполагалось произвести на началахъ добровольческихъ) выдавалось золотомъ, чтобы чешскія части снабжались собственнымъ интендантствомъ, чтобы Деникинъ гарантировалъ свободный проѣздъ чеховъ на родину послѣ соединенія съ нимъ, чтобы чехамъ также, какъ и карпаторуссамъ, разрѣшено было пріобрѣтать земли въ Сибири. Правительство согласилось на всѣ условія и немедленно провело законъ о предоставленіи чехамъ права пріобрѣтать земли въ Сибири“ (Гинсъ II, 528—9).

Въ концѣ октября Павлу бесѣдуетъ на эти темы по прямому проводу съ Вологодскимъ. Текстъ ленты напечатанъ въ „Приложеніи“ къ брошюрѣ Солодовникова „Нашъ счетъ“.

Вологодскій ...Я говорю съ вами по порученію совѣта министровъ. Вашъ представитель, майоръ Гайный, изложилъ намъ ваши требованія, при исполненіи которыхъ можно надѣяться, что ваша армія пойдетъ на фронтъ. Требованія эти, между прочимъ, слѣдующія: а) чтобы увеличенное жалованье выплачивалось золотомъ б) чтобы всѣ сбереженія солдатъ были переведены на золотую валюту... Совѣтъ министровъ всѣ эти требованія въ засѣданіи 28 октября призналъ исполнимыми и протоколъ засѣданій былъ скрѣпленъ резолюціей верховнаго правителя къ исполненію [1]). Те-

[1]) Эти требованія или условія въ разговорѣ проведены укороченно по сравненію съ передачей сути ихъ Гинсомъ. Между прочимъ разговоръ по прямому проводу помѣщенъ и въ книгѣ Финка „Bily admirál“ (156-157), причемъ выпущены (безъ отмѣтки этого въ текстѣ) весьма существенные пункты — тамъ нѣтъ никакого намека объ условіяхъ. Солодовниковъ не указываетъ, откуда онъ заимствовалъ свой текстъ. Приходится предположить, что или одинъ авторъ добавилъ отъ себя (что маловѣроятно) или другой сознательно уба-

перь разрѣшите задать вамъ нѣсколько вопросовъ: 1) Что вы думаете о возможности наступленія въ ближайшемъ времени... 2) Въ какой связи съ требованіемъ момента можетъ быть полученъ отвѣтъ изъ Праги. Если вы ожидаете положительнаго отвѣта, то не найдете-ли вы возможнымъ начать дѣйствія въ томъ направленіи, какъ это диктуется настоящей ситуаціей? Если это возможно, то 3) не находите-ли нужнымъ обсудить теперь же совмѣстно съ нашимъ командованіемъ вопросы военно-техническаго характера...

Павлу ...Я... старался представить въ Прагѣ положеніе такимъ образомъ, чтобы скорѣе получить положительный отвѣтъ. Положеніе таково, что для серьезныхъ дѣйствій нужно подождать предварительнаго согласія изъ Праги. Пока работаемъ на использованіе времени для необходимой подготовки. Я хорошо понимаю всю серьезность этого акта и желалъ бы только истинной пользы для Россіи, но не цѣною раскола въ своемъ лагерѣ... Разрѣшите одновременно предложить вопросъ, можно ли ознакомить нашихъ солдатъ съ вашими предложеніями? Полагаемъ, что это необходимо для созданія опредѣленнаго настроенія...

Вологодскій ...Мы смотримъ на ваше согласіе, на ваши пожеланія не какъ на торговлю или исполненіе вашихъ требованій, а какъ на условія, диктуемыя жизнью и общими интересами будущей великой Россіи и славной Чехословакіи...

Павлу ...Какъ я сказалъ уже вамъ: если и были небольшія недоразумѣнія, то я тѣмъ сильнѣе желаю добиться, наконецъ, большаго согласія...

Этотъ поворотъ въ настроеніяхъ чешскаго военнаго командованія и политическаго представительства приходится объяснять успѣхомъ Деникина. Южный фронтъ становится рѣшающимъ: „Деникинъ взялъ Орелъ. Теперь, можно сказать, дорога на Москву открыта“, — заноситъ въ свой дневникъ Пепеляевъ. Въ другомъ аспектѣ представляется и чешскій вопросъ, т.е. вопросъ о возвращеніи чехо-словацкаго войска на родину. Путь

вилъ. Не имѣя подлинника, невозможно провѣрить. Это служитъ наглядной иллюстраціей необходимости критической еще провѣрки матеріаловъ, приводимыхъ мемуаристами.

черезъ Россію становится болѣе реальнымъ, нежели все еще проблематическая эвакуація черезъ Владивостокъ [1]). При возможныхъ измѣненіяхъ въ положеніи Россіи по иному вырисовываются и національныя чешскія задачи. Простая цѣлесообразность диктуетъ имъ желательность выступленія на фронтъ и болѣе активную поддержку существующей власти... Подобную точку зрѣнія Павлу высказалъ въ бесѣдѣ съ делегатами Зем.-Пол. Бюро въ Иркутскѣ. По словамъ Колосова, Павлу находилъ, что „рѣшающимъ факторомъ въ политикѣ является Деникинъ и вообще югъ Россіи". Сибирь, по его мнѣнію, къ тому времени сошла со сцены и роль ея кончилась. Вопросъ рѣшается тѣмъ, когда Добр. Армія достигнетъ всероссійскаго центра — Москвы. По этому фактору Павлу и считалъ необходимымъ оріентироваться. У него былъ скепсисъ въ отношеніи русской демократіи. Въ одномъ изъ раннихъ своихъ публичныхъ выступленій въ Сибири Павлу рисовалъ такую символическую картину: Чехи ураганомъ міровыхъ событій оказались заброшенными въ глубь сибирской тайги. Имъ приходилось своими собственными силами искать выхода изъ этихъ дебрей. Разыскивая такой выходъ, они наткнулись на раненаго. Они подняли его къ себѣ на плечи и пошли дальше, руководясь его указаніями. Этимъ раненымъ оказалась сибирская демократія. Заключая съ этимъ раненымъ союзъ, чехамъ приходилось, однако, задумываться надъ вопросомъ, что будетъ дальше съ ними и съ ихъ новымъ попутчикомъ: выздоровѣетъ-ли онъ

[1]) Въ иллюстрированномъ чехо-словацкомъ журналѣ „Качели" помѣщались каррикатуры на эвакуацію черезъ востокъ. Напр., одна изъ нихъ представляла три картины. Первая — 1880 годъ. Сибирскую магистраль строятъ каторжане въ колодкахъ. Вторая — 1921 г. сибирскую магистраль охраняютъ чехо-словаки, закутанные отъ холода, съ колодками, на которыхъ написано: „союзники" на ногахъ. Третья — 1977 г. Берегъ Тихаго океана. На берегу стоитъ глубокій старикъ въ чехо-словацкой формѣ, на головѣ у него выросли грибы, самъ онъ обросъ мохомъ. Это послѣдній чехо-словакъ ждетъ, когда ему подадутъ пароходъ союзники. (С. Кожевниковъ „Конецъ борьбы съ чехословаками". „Б. за Ур." 339).

и вернется-ли къ нему способность самостоятельно, безъ ихъ помощи, продолжать свой путь или онъ раненъ безнадежно и тщетно ждать, чтобы онъ поправился. И если это такъ, то что съ нимъ дѣлать самимъ чехамъ, такъ какъ вѣчно служить ему костылями они не могутъ.

Теоретически Павлу вѣрно опредѣлялъ основное несчастье русской общественности — въ процессѣ революціи не создалось большого коалиціоннаго блока, который, не будучи ни интернаціоналистическимъ, ни монархическимъ, былъ бы просто національнымъ и демократическимъ. („Чех. Сл. Дн.“ № 552.). Но возможный въ Сибири „блокъ“ ни Павлу, ни его единомышленники не поддерживали — они все-таки тянулись къ „крайностямъ“, ошибочно олицетворяя демократію въ лицѣ одной партіи с. р., которую не только кадетскій „Св. Край“, но они сами въ сущности причисляли уже къ контингенту „политическихъ инвалидовъ“. Отсюда вытекала двойственность позиціи. Якушевъ въ октябрьскомъ „циркулярѣ“ приводилъ отзывъ Павлу: „Ни въ какую политическую комбинацію, связанную съ Колчакомъ, чехи не пойдутъ, ибо такая комбинація явно безнадежна и обречена на провалъ“. Допустимъ, что слова переданы неточно. Но едва-ли Якушевъ могъ измыслить такой отзывъ въ широко разосланномъ по Сибири письмѣ. Онъ, быть можетъ, дѣлалъ невѣрный выводъ: при отрицательномъ отношеніи къ Колчаку чехи должны пойти непремѣнно съ его противниками. Павлу же велъ переговори не съ сиболдумцами. Очень правдоподобно, что за этими переговорами стояла какая-то новая политическая комбинація. Не съ Дитерихсомъ-ли?

„Проекты“ Павлу встрѣчали оппозицію въ самой чешской средѣ. Сибирское политическое представительство и военное командованіе расходились съ мнѣніемъ центральнаго правительства, болѣе точнымъ выразителемъ котораго явилась прибывшая во Владивостокъ делегація. „Командованіе легій, — пишетъ Кратохвиль, —

должно было бороться съ посольствомъ государства": —„президентъ и министерство (Тусарово), твердо держались того мнѣнія, что арміи нельзя разрѣшить какого-либо участія въ русскихъ военныхъ операціяхъ". Верховное командованіе въ это время „договаривалось" съ Колчакомъ объ интервенціонной службѣ и о платѣ за нее. Цѣлый рядъ документовъ — утверждаетъ Кратохвилъ — удостовѣряетъ, что для военнаго командованія „дѣйствителенъ былъ лишь планъ бывшаго предсѣдателя министровъ Крамаржа". „За золото—патетически восклицаетъ авторъ — командованіе предложило армію изъ 50 т. тѣхъ, которые добровольно шли навстрѣчу смерти за свои идеи"!

Исправлять нѣкоторую специфичность изложенія Кратохвиля едва-ли надо. Проектъ Павлу „былъ отвергнутъ" [1]). Телеграмма Бенеша Жанену — послѣдній также былъ противникомъ привлеченія чеховъ на фронтъ — говорила о неисполнимости „проекта" Павлу и высказывалась противъ какого-либо новаго ангажированія войскъ и добровольцевъ... „Общественное мнѣніе" въ Чехо-Словакіи хотѣло имѣть армію „по возможности скорѣе дома и безъ новыхъ жертвъ".

„Проекты" Павлу сами собой падали при ката-

[1]) 5 ноября телеграмма изъ Парижа въ „Народныхъ Листахъ" сообщала уже о рѣшеніи главнаго командованія чехо-словацкой арміи возвращаться на родину сухопутнымъ путемъ и черезъ Уралъ достигнуть юга Россіи. (Солодовниковъ 22; Финкъ 138).

Въ запискахъ Сукина, между прочимъ, проводится отзывъ „повѣреннаго" Омскаго правительства въ Прагѣ. Онъ телеграфировалъ: „На мои настоянія побудить сибирскіе легіоны пробиться въ Поволжье през. Масарикъ далъ мнѣ отрицательный отвѣтъ. По его свѣдѣніямъ, легіоны деморализованы и больше не хотятъ сражаться. Черезъ мѣсяцъ въ Сибирь поѣдетъ миссія Клофача, чтобы бороться съ деморализаціей. Самъ-же президентъ больше брать на себя отвѣтственность за расколъ въ войскѣ, въ случаѣ призыва пробиваться, не желаетъ, новыя жертвы считаетъ невозможными безъ подготовокъ обезпеченія легіонамъ снабженія по пути на югъ. Здѣшніе соціалисты противъ участія въ сибирской борьбѣ.

строфической неудачѣ на антибольшевицкомъ фронтѣ въ Россіи... Въ Сибири, конечно, должна была побѣдить оффиціальная точка зрѣнія, представленная повѣреннымъ въ дѣлахъ д-омъ Гирсой. Среди чеховъ, въ связи съ продвиженіемъ большевиковъ, начались волненія изъ-за опасенія грозившей имъ участи (телеграмма Сукина 20 ноября). Гирса попытался сдѣлать ставку на соціалистическія группы, подготовлявшія переворотъ въ Иркутскѣ подъ флагомъ окончанія гражданской войны. „Чехамъ—говоритъ мѣстный дѣятель, стоявшій въ курсѣ закулисныхъ переговоровъ, упомяный N,—нужно было болѣе податливое, болѣе дружественное правительство, чѣмъ правительство адм. Колчака. Земское правительство было бы въ сущности самымъ подходящимъ для чешскихъ цѣлей... Вотъ откуда явился у чеховъ вообще, а у Гирсы и ген. Сырового въ особенности, интересъ къ работѣ иркутскаго „Политическаго центра“. И появленіе „меморандума“ должно было реабилитировать демократичность чешской политики въ глазахъ этихъ соціалистическихъ группъ. Такое объясненіе появленія „меморандума“ даетъ Кроль. И оно правдоподобно, если не предполагать за кулисами болѣе серьезнаго сговора [1]).

[1]) Нѣкоторые намеки мы находимъ въ другой книгѣ Финка, „Mezi mohylami“, въ главѣ „Въ періодъ подготовки“ (стр. 184-190). Какъ всегда, у автора изложеніе неотчетливо, и правда съ вымысломъ переплетаются между собой. По словамъ Финка члены „Сибкомуча“ въ Иркутскѣ прежде всего обратились къ мѣстному политическому представителю чехословацкаго войска — къ д-ру Благошу. Послѣдній категорически отвѣтилъ, что чехи не допустятъ формированія оппозиціоннаго правительства и подавятъ въ самомъ зародышѣ попытку возстанія. Такова была оффиціальная позиція. Но солдаты горѣли желаніемъ свергнуть „иго самозванной олигархіи“; нарождавшимися событіями были захвачены и „нѣкоторые члены посольства“. Черезъ д-ра Г., который имѣлъ возможность „каждый день видѣть, что дѣлается на черной кухнѣ заговорщиковъ“, эс-эры установили правильную связь съ чехословацкимъ войскомъ (въ половинѣ октября). Однимъ изъ „дѣятельныхъ посредниковъ“ былъ И. Давидъ, систематически посѣщавшій „конспиративныя квартиры заговорщиковъ“ и устроившій двумъ изъ нихъ (Маркову и Сперанскому) свиданія съ „вождемъ посольства“ д-ромъ Крейчи. Результатъ бесѣды будто былъ такой: Крейчи указалъ, что чехи будутъ сочувствовать возстанію, если во главѣ его встанетъ владивостокская группа. Эту дальневосточную „фирму“ уси-

На чеховъ произвело впечатлѣніе, когда иркутская городская Дума 28 октября отклонила празднованіе годовщины чехо-словацкой республики.

Гласный Половниковъ предложилъ устроить чествованіе этой годовщины. Предсѣдатель (с-д. Константиновъ, впослѣдствіи большевикъ) резюмировалъ наступившее молчаніе, какъ принятіе къ свѣдѣнію, этого предложенія. Половниковъ: какъ это принять къ свѣдѣнію? Холодовскій (с.-р.) высказывается противъ чествованія, принимая во вниманіе спутанность отношеній. Самохинъ: еще неизвѣстно, какую роль сыграютъ чехи. Ихъ дѣятельность во многомъ противорѣчитъ соціалистическимъ партіямъ... Половниковъ: произошло освобожденіе народа отъ чужеземнаго ига. Если вы настоящіе соціалисты, а не показные, должны привѣтствовать. Холодковскій и Шульманъ: выражая привѣтствіе, нельзя умолчать, что чехи попали въ лапы международнаго имперіализма. Половниковъ напоминаетъ, что чехи освободили Иркутскъ. Погребицкій соглашается на привѣтствіе чехамъ и выраженіе пожеланія, чтобы они пошли по пути, начертанному соціализмомъ. Голосуются двѣ формулы. За формулу Погребицкаго высказываются 13, за формулу „принять къ свѣдѣнію“ — 23. („Св. Кр.“ № 364).

Вмѣстѣ съ тѣмъ иркутскій комитетъ партіи с.-р. въ одной изъ своихъ прокламацій говорилъ объ участіи чеховъ въ преступленіяхъ, насиліяхъ и грабежахъ (Гинсъ, II, 52).

ленно рекомендовалъ д-ръ Гирса — по его мнѣнію, яко бы важно было, чтобы, „когда часы пробьютъ двѣнадцать“, во главѣ возставшихъ войскъ стоялъ чехъ (т. е., очевидно, Гайда). Между тѣмъ иркутскіе эс-эры не довѣряли владивостокской группѣ. Самостоятельныя же дѣйствія иркутскихъ эс-эровъ, заподозрѣваемыхъ въ сочувствіи большевикамъ, значительно расходились съ планами чехословацкой политики“. Наконецъ, при содѣйствіи чеховъ было достигнуто соглашеніе въ русскомъ соціалистическомъ лагерѣ, и „отточенный мечъ“, который долженъ былъ разрубить гордіевъ узелъ, былъ врученъ Калашникову. Финкъ отмѣчаетъ, что между чехами и русскими установились „удивительная связанность“, которая выражалась, между прочимъ, въ томъ, что въ поѣздахъ перевозилась нелегальная литература — не было санитарнаго поѣзда, который не развозилъ бы этой „бациллы революціи“.

Надо было реабилитироваться. Павлу, скептически относившійся къ деклараціи иркутскаго „Политическаго Центра", послѣ напечатанія меморандума сдѣлалъ даже демонстративный визитъ предсѣдателю „П. Ц." Федоровичу („Сиб. Ог." 27 V, 95)[1]).

Для рядовой массы чехо-словацкаго войска призывъ къ окончанію гражданской войны, какъ бы обезпечивавшему быстрый возвратъ на родину, конечно былъ самымъ желательнымъ выходомъ. Но „меморандумъ" наносилъ сильный ударъ престижу власти, давая не только морально оправданіе иркутскихъ заговорщиковъ, но и показывая обществу, что союзники спѣшили отречься отъ омскаго правительства. Безъ этого, конечно, чехо словацкое правительство не рѣшилось бы открыто выступить съ такимъ отвѣтственнымъ оффиціальнымъ документомъ. Меморандумъ подрывалъ авторитетъ власти и за границей: чехи, по словамъ Л. Джорджа, раскрыли Европѣ глаза своимъ меморандумомъ. Для нея онъ въ значительной степени и предназначался.

Трудно гадать, какъ могло бы пойти дѣло въ Сибири при иныхъ комбинаціяхъ. Гражданская война давала не разъ примѣры возрожденія арміи, какъ феникса изъ пепла, и, казалось бы, невозможное становилось возможнымъ. Въ ноябрьскіе дни власть государственная въ Сибири еще существовала; отступающая армія, несмотря на неудачи, представляла реальную силу — въ этотъ моментъ возможность сотрудничества съ чехословаками не осуществилась главнымъ образомъ въ силу политическихъ разногласій среди самихъ чеховъ и препятствій, которыя оказывалъ ген. Жаненъ. Я не го-

[1]) Производитъ впечатлѣніе, что д-ръ Павлу дѣлаетъ эти шаги, какъ бы вынужденно, подчиняясь распоряженію правительства. Въ письмѣ его изъ Иркутска омскому представителю чехословаховъ 7 ноября имѣются, напр., такія не совсѣмъ ясныя строки: ...„оставайся въ Омскѣ, какъ только можешь дольше. Но держи себя пассивно. Знаю, что это нравственное наказаніе, и что ты его не заслужилъ. Однако, мы должны подчиниться и въ этомъ смыслѣ дѣйствовать. Въ такіе моменты нужно чашу выпить до дна"... (Fink. Op. cit. 159).

ворю о роли большинства русскихъ лѣвыхъ политическихъ группировокъ — онѣ, по замѣчанію Будберга, забыли о борьбѣ съ большевиками. Не совсѣмъ даже такъ — онѣ готовы были итти противъ Колчака совмѣстно съ коммунистами.

* * *

Хотя текстъ „меморандума“ и приведенъ въ книгѣ Гинса, я его повторю. Опять это слишкомъ важный документъ:

„Невыносимое состояніе, въ какомъ находится наша армія, вынуждаетъ насъ обратиться къ союзнымъ державамъ съ просьбой о совѣтѣ, какимъ образомъ чехословацкая армія могла бы обезпечить собственную безопасность и свободное возвращеніе на родину, вопросъ о чемъ разрѣшенъ съ согласія всѣхъ союзныхъ державъ... Въ настоящій моментъ пребываніе нашего войска на магистрали и охрана ея становятся невозможнымъ просто по причинѣ безцѣльности, равно какъ и вслѣдствіе самыхъ элементарныхъ требованій справедливости и гуманности. Охраняя желѣзную дорогу и поддерживая въ странѣ порядокъ, войско наше вынуждено сохранять то состояніе полнаго произвола и беззаконія, которое здѣсь воцарилось.

Подъ защитой чехо-словацкихъ штыковъ, мѣстные русскіе военные органы позволяютъ себѣ дѣйствія, передъ которыми ужаснется весь цивилизованный міръ. Выжиганіе деревень, избіеніе мирныхъ русскихъ гражданъ цѣлыми сотнями, разстрѣлъ безъ суда представителей демократіи, по простому подозрѣнію въ политической неблагонадежности, составляютъ обычное явленіе и отвѣтственность за все передъ судомъ народовъ всего міра ложится на насъ: почему мы, имѣя военную силу, не воспротивились этому беззаконію.

Такая наша пассивность является прямымъ слѣдствіемъ принципа нашего нейтралитета и невмѣшательства во внутреннія русскія дѣла и она то есть причина того, что мы, соблюдая полную лойяльность, противъ воли своей становимся соучастниками преступленій. Извѣщая объ этомъ представителей союзныхъ державъ,

мы считаемъ необходимымъ, чтобы они всѣми средствами постарались довести до всеобщаго свѣдѣнія народовъ всего міра, въ какомъ морально-трагическомъ положеніи очутилась чехо-словацкая армія и каковы причины этого.

Мы сами не видимъ иного выхода изъ этого положенія, какъ лишь въ немедленномъ возвращеніи домой изъ этой страны, которая была поручена нашей охранѣ, и въ томъ, чтобы до осуществленія этого возвращенія намъ была предоставлена свобода къ воспрепятствованію безправія и преступленій, съ какой бы стороны они не исходили".

Меморандумъ — актъ опредѣленнаго политическаго дѣйствія. Исторической объективности искать въ немъ не приходится. Его „неправда" заключалась въ томъ, что только правительство дѣлалось отвѣтственнымъ за все, что происходило въ Сибири. Правительство, конечно, отвѣчало — формально отвѣчало и за всѣ правонарушенія, совершенныя чехо-словацкими войсками. Подлинная правда требовала бы признанія общей отвѣтственности за ужасы гражданской войны. „Неправдой" было и то, что пассивность чехо-словаковъ въ смыслѣ протестовъ противъ беззаконій гражданской войны являлась „прямымъ слѣдствіемъ принципа... невмѣшательства". Эту версію само по себѣ разрушало послѣднее обращеніе передъ отъѣздомъ чехо-словацкаго войска къ населенію Сибири; оно гласило: мы поддерживали комитетъ У. С. и Сибирскую Областную Думу. Предложили Директоріи поддержку въ тылу противъ элементовъ, работавшихъ въ духѣ реакціи. Директорія не хотѣла и не сумѣла использовать нашей поддержки. Своимъ протестомъ Нац. Совѣтъ отказался поддерживать Колчака... Намъ говорятъ: мы охраняли Колчака. Неправда, мы передали Колчака Политическому Центру...

Этимъ все сказано. И, конечно, былъ правъ Кроль, замѣтившій: „говоритъ серьезно о невмѣшательствѣ чеховъ въ наши внутреннія дѣла само собою нельзя было" (199). Но много разъ мы указывали, что къ этому вмѣ-

шательству, вопреки всѣмъ теоріямъ чешскихъ политиковъ, приводили сама жизнь.

Меморандумъ соотвѣтствовалъ дѣйствительности въ одномъ: „Чехословацкая армія находилась съ самаго начала въ „морально-трагическомъ положеніи“. Въ такое положеніе ее поставила союзническая политика. Въ одномъ изъ перелюстрованныхъ чешскихъ писемъ объ этой политикѣ сказано довольно зло: „вмѣсто лести лучше бы тысяча воиновъ. Здѣсь ихъ горсточка достаточная, чтобы итти на балъ“. Въ морально-трагическое положеніе ставила чехо-словаковъ въ Сибири и внутренняя чешская политика, не считавшаяся съ россійской реальной обстановкой. Отсюда вытекала съ самаго начала та измѣнчивость и шаткость, которыя отмѣтилъ еще ко дню Уфимскаго Совѣщанія эс-эръ Утгофъ. Чехи въ Россіи были все-таки только иностранцами. Одинъ изъ нихъ сказалъ откровенно Утгофу: „просто ничего не понимаемъ, что творится у васъ“. А тѣ русскіе, которые сумѣли малоразбирающимся иностранцамъ представить дѣло такъ, что только въ ихъ лицѣ представлена россійская демократія, толкали чеховъ на вмѣшательство во внутреннія русскія дѣла въ степени большей, чѣмъ этого неизбѣжно требовала жизнь. Они вмѣшивали ихъ во внутреннюю политику, не только посылая въ Чехосл. Нац. Совѣтъ всѣ свои протесты (напр., иркутское земство по поводу убійства Новоселова — „Сибирь“ № 67), но и непосредственно привлекая чеховъ къ участію въ политическихъ дѣйствіяхъ [1]).

„Морально-трагическое“ положеніе чехо-словаковъ осложнялось и ихъ воспріятіемъ тогдашней дѣйствительности. Вновь одно изъ перелюстрированныхъ писемъ подчеркиваетъ внутреннюю драматичность этихъ пере-

[1]) Получалось большое несоотвѣтствіе между догмой и политикой. До чего, напр., характерно постановленіе рабочей конференціи Омска въ іюнѣ 18 г.: „передать всѣ караулы въ мѣстахъ заключенія и производство арестовъ чехо-словакамъ“ (Заря“ № 12.).

живаній: „напрасны наши жертвы. Недальновидный несчастный народъ снова возвращается къ старому режиму“.

Понять—простить! Исторія оправданіе найдетъ. Она будетъ справедливѣе современниковъ и не возложитъ всю вину только на „бѣлаго адмирала“. Тѣ, которые были на его сторонѣ, совершенно невольно воспринимали дѣйствительность такъ, какъ воспринималъ ее Гинсъ: враги существовавшей власти создали себѣ какъ бы революціонное подполье въ чешскихъ эшелонахъ. Имъ казалось, что правительство совершало ошибку, довѣряя чешскому нейтралитету (II, 519).

* * *

Гинсъ говоритъ по поводу опубликованія меморандума 13 ноября: „возмущенію русскихъ патріотовъ не было предѣловъ“. Кроль, конечно, оцѣнилъ общественное настроеніе по другому: „меморандумъ былъ встрѣченъ широкими кругами, какъ отзвукъ ихъ собственныхъ чувствъ, независимо отъ источника ихъ выявленія, весьма сочувственно“. Онъ растревожилъ осиное гнѣздо реакціи — скажетъ самъ „Чех. Слов. Дн.“ (25 ноября № 227). Производитъ, однако, впечатлѣніе, что „осиное гнѣздо“ отнеслось къ меморандуму очень осторожно. Вотъ, напр., какъ реагировалъ на него иркутскій „Св. Кр.“ (№ 379): „Отъ чеховъ, живущихъ съ нами бокъ о бокъ и прекрасно знающихъ тѣ трагическія условія, въ которыхъ протекаетъ процессъ возстановленія нашего государства, мы вправѣ были бы ждать болѣе чуткаго и внимательнаго отношенія къ положительнымъ и отрицательнымъ явленіямъ этого процесса“. И находившееся въ Иркутскѣ правительство и поддерживавшая его общественность понимали, что протестъ никогда не будетъ содѣйствовать засыпанію образовавшагося рва. Приходилось держаться другой тактики.

Рѣзко реагировалъ на меморандумъ верховный пра-

витель. Меморандумъ для него былъ незаслуженнымъ ударомъ бича... Нервно-издерганный человѣкъ не столько въ силу своей экспансивности, сколько въ силу естественнаго возмущенія, по первому впечатлѣнію послалъ Жанену, Ноксу и другимъ дипломатическимъ представителямъ составленную для него телеграмму:[1])

„...я ни въ какой мѣрѣ не могу разсматривать чешскаго меморандума, подписаннаго Павлу и Гирсой, какъ документъ, имѣющій отношеніе къ чешскому правительству или даже къ военному чешскому командованію, и разсматриваю этотъ меморандумъ, какъ актъ, за который персонально отвѣтственны только именующіе себя чешскими представителями Павлу и Гирса. Я не считаю нужнымъ давать какой-либо отвѣтъ по существу этого меморандума, который оцѣниваю, какъ поступокъ политическаго интриганства и шантажа со стороны лицъ, его подписавшихъ. Я не могу только не обратить вниманія на связь этого меморандума съ попыткой большевицкаго возстанія во Владивостокѣ и на характеръ его, какъ стремленія получить санкцію великихъ державъ на вмѣшательство вооруженной силой въ русскія внутреннія дѣла. Допуская возможность такого вмѣшательства, я заявляю, что малѣйшіе шаги въ этомъ смыслѣ будутъ мною разсматриваться, какъ враждебный актъ, фактически оказывающій помощь большевикамъ, и я отвѣчу на него вооруженной силой и борьбой, не останавливаясь не передъ чѣмъ. Что же касается лицъ, подписавшихъ упомянутый меморандумъ, то мною отдано распоряженія правительству о прекращеніи съ ними всякихъ сношеній и о представленіи чешскому правительству отозвать этихъ лицъ изъ Россіи, и, если угодно, то прислать представителей, которые, по крайней мѣрѣ, умѣли бы себя вести прилично“ („П. Д.“, 114).

Между Иркутскомъ, гдѣ находилось правительство во главѣ съ новымъ премьеромъ Пепеляевымъ, и по-

[1]) Я беру лишь конецъ телеграммы. Вначалѣ повторяется извѣстный намъ протестъ правительства противъ дѣятельности Гайды и Гирсы и требованіе отозванія ихъ изъ Сибири; телеграмма отвѣчала, что чехо-словацкое правительство не сочло даже нужнымъ освѣдомить русское правительство о функціяхъ и полномочіяхъ д-ра Гирсы на русской территоріи: чехами вѣдь вѣдалъ французскій ген. Жаненъ.

ѣздомъ верховнаго правителя начался оживленный обмѣнъ мнѣніями, изъ котораго прежде всего слѣдуетъ заключить, что сама телеграмма фактически не была еще пущена въ ходъ. [1])

Эти переговоры (26-30 ноября) и приведены въ сборникѣ „Послѣдніе дни Колчаковщины“:

Возьмемъ разговоръ по прямому проводу (очевидно, 26-го):

„Пепеляевъ. Полученныя телеграммы приводятъ совѣтъ министровъ въ сомнѣніе, что онѣ дѣйствительно вами подписаны.

Колчакъ. Да, удивленъ вашему запросу.

Пепеляевъ. Необходимость требуетъ, чтобы онѣ немедленно были вычеркнуты изъ списковъ. Положеніе здѣсь критическое, если конфликтъ немедленно не будетъ улаженъ — переворотъ неминуемъ. Симпатіи на сторонѣ чеховъ. Общественность требуетъ перемѣны правительства. Настроеніе напряженное. Вашъ пріѣздъ въ Иркутскъ пока крайне нежелателенъ, я слагаю съ себя всякую отвѣтственность.

Колчакъ. Вычеркнуть изъ списка телеграммы? — я этого сдѣлать не могу. Я стою на своей точкѣ зрѣнія и такого отношенія со стороны союзниковъ ко мнѣ и моему правительству не потерплю. Я возрождаю Россію и, въ противномъ случаѣ, не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобы силой усмирить чеховъ, нашихъ военноплѣнныхъ. Я полагаюсь на васъ, что съ формированіемъ новаго кабинета сумѣете устранить всѣ препятствія къ моему скорѣйшему пріѣзду въ Иркутскъ и сумѣете возстановить связь и добрыя отношенія населенія ко мнѣ и моему правительству, пригласивъ въ кабинетъ нѣкоторыхъ видныхъ дѣятелей изъ земствъ и кооперативовъ.

Пепеляевъ. Я этихъ телеграммъ не принимаю и считаю ихъ, по крайней мѣрѣ, мною не полученными. Мнѣ здѣсь на мѣстѣ виднѣе и осмѣливаюсь вамъ замѣтить, что слѣдовало меня запросить, прежде чѣмъ от-

[1]) Кроль говоритъ, что будто бы Жаненъ въ виду недопустимости тона телеграммы отказался ее передать. Но телеграмма была адресована вовсе не одному Жанену. Ясно, что передавалась она черезъ правительственный аппаратъ.

сылать таковыя телеграммы. Мнѣ ввѣрено вами правительство, и я являюсь отвѣтственнымъ за все. Если, в. п. другого мнѣнія,—я прошу о моей отставкѣ.

Колчакъ. Я васъ прошу остаться на мѣстѣ." [1])

28-го Пепеляевъ вновь обращается къ верховному правителю:

„Послѣдній разъ дѣлаю попытку, в. в. Ллойдъ-Джорджъ нанесъ русскому дѣлу тягчайшее оскорбленіе, но мы вынуждены терпѣть, стиснувъ зубы. Повѣрьте, не сталъ бы тревожить васъ, если-бы находилъ какой-нибудь иной способъ смягчить накопленіе вражды. Наличность этой телеграммы разрушаетъ возможность оформить новый кабинетъ, хотя кандидаты на всѣ посты уже есть, ибо всѣ, къ кому я обращался, считаютъ ее гибелью всего національнаго дѣла, силы котораго и такъ подорваны. Мы всѣ понимаемъ побужденія, но мы обязаны хладнокровно подсчитать средства. Вѣдь что у насъ осталось? Вы принимаете мѣры во имя чести и достоинства Россіи. Исторія наша свято чтитъ память также и тѣхъ собирателей Руси, которые умѣли терпѣть обиды, во имя сбереженія силъ. Исторія пойметъ насъ. Мы бы вышли морально побѣдителями, если бы протестъ былъ написанъ въ другомъ тонѣ. Этого нельзя достигнуть взаимнымъ раздраженіемъ. Я не буду больше утруждать васъ и въ зависимости отъ отвѣта приму рѣшеніе".

Колчакъ, оторванный отъ своего правительства, не зналъ, что меморандумъ былъ не всѣми одобренъ и въ чешской средѣ. Во всякомъ случаѣ, Третьякову, какъ замѣстителю предсѣдателя, было представлено разъясненіе, смягчавшее рѣзкость документа. [2])

---

[1]) Въ предшествовавшей разговору телеграммѣ Пепеляевъ отмѣчалъ, что онъ бы высказался за протестъ, но не въ такихъ выраженіяхъ, не принятыхъ въ международныхъ сношеніяхъ... Пепеляевъ указываетъ, что ему съ большими усиліями удалось было смѣнить активно-враждебное къ власти отношеніе чеховъ выжидательнымъ. „Теперь мнѣ нанесенъ ударъ этой телеграммой. Сегодня ко мнѣ явился докторъ Благошъ и оффиціально спросилъ, ссылаясь на телеграмму, заявляю ли я о разрывѣ сношеній".

[2]) Майоръ Кошекъ заявилъ Гинсу, что меморандумъ былъ составленъ „для спасенія правительства, чтобы успокоить желѣзнодорожныхъ рабочихъ, предполагавшихъ забастовать". (II, 530.)

Узнавъ объ этомъ, 30-го верховный правитель телеграфировалъ:

„Вслѣдствіе сдѣланнаго Третьякову заявленія по поводу чешскаго меморандума, я пріостанавливаю мой протестъ со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Усматривая въ документѣ, предъявленномъ Гирсой, чувства искренняго пожеланія содѣйствовать намъ въ нашей тяжелой борьбѣ за будущность Россіи и славянства, считаю крайне желательнымъ привлечь вниманіе чешскихъ представителей на необходимость пріостановить и съ ихъ стороны передачу ихъ меморандума кабинетамъ, что, несомнѣнно, дастъ прочную почву для содружественной нашей работы".

ГЛАВА II.

Крушеніе власти.

1. Реорганизація правительства.

Надо вернуться къ днямъ, предшествовавшимъ эвакуаціи Омска. 22 октября верховный правитель „изложилъ обстановку, которую считалъ грозной" (Запись Пепеляева). Въ минуту опасности начинаются особенно усиленно разговоры о необходимости измѣненія состава правительства — въ этихъ перемѣнахъ ищутъ панацею отъ зла: „въ городѣ опять толки о смѣнѣ предсѣдателя совѣта министровъ. Кандидатами считаются Третьяковъ и я" — записываетъ Пепеляевъ 20-го. Измѣненіе состава министровъ могло быть цѣлесообразнымъ лишь въ томъ случаѣ, если новый кабинетъ удовлетворилъ бы оппозиціонные элементы. Найти пути сближенія съ земцами и чехами и пытается Пепеляевъ. Для осуществленія этой задачи онъ намѣренъ ѣхать въ Иркутскъ. Колчакъ его торопитъ: „правитель чего-то ждетъ отъ моей поѣздки особеннаго" — гласитъ послѣдняя запись той части дневника Пепеляева, которая опубликована въ „Кр. Архивѣ".

Почему за эти переговоры взялся Пепеляевъ, имя котораго, по мнѣнію Л. Кроля, было въ Сибири „синонимомъ реакціи"? Очевидно, играли роль связи съ братомъ Анатоліемъ. Популярность генерала въ лѣвыхъ-

кругахъ поддерживала и авторитетъ министра вн. дѣлъ.

Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что характеристика Кроля — характеристика, данная однопартійцемъ — очевидно тенденціозна. Авторъ воспоминаній въ „Сиб. Огняхъ“, принадлежавшій къ соціалистическому лагерю, даетъ нѣсколько иной портретъ Пепеляева: „честолюбивъ, упрямъ и настойчивъ; значительный запасъ самомнѣнія и негибкій, примитивный умъ; безусловно не монархистъ, демократъ, но республиканецъ сомнительный; много довѣрья къ старой бюрократіи; полное недовѣріе и враждебное отношеніе къ соціалистамъ за ихъ негосударственность; и храбръ и безукоризненно честенъ“ (83).

Въ намѣченное время Пепеляеву выѣхать не удалось. Въ Иркутскъ онъ попалъ уже послѣ омской эвакуаціи.

16 ноября Совѣтъ министровъ прибылъ въ „сибирскія Афины“. Онъ попалъ сразу во враждебную обстановку, среди которой и долженъ былъ осуществлять „демократизацію“ правительственнаго курса. На первомъ же засѣданіи совѣта выступилъ съ информаціей управляющій губерніей Яковлевъ. Его рѣчь довольно полно приводится въ воспоминаніяхъ N: [1])

„Мы въ полосѣ заговоровъ... Если не выступаютъ иркутскіе большевики, то только потому, что они увѣрены въ скоромъ прибытіи большевиковъ съ запада... Эс-эры не выступаютъ, да и не выступятъ одиноко, потому что одни они, несмотря на обычную шумиху, безсильны сдѣлать что-либо. Но опасны они тѣмъ, что... могутъ войти въ соглашеніе съ чехами... А чехи признаютъ... всякую группу, которая создастъ демократическое правительство внутренняго мира и порядка...

Между тѣмъ кольцо возстаній, окружающихъ Красноярскъ и Иркутскъ, становится съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и у правительства нѣтъ силъ бороться... Настроеніе военныхъ, правительственныхъ служащихъ па-

[1]) Авторъ только ошибочно относитъ засѣданіе къ 22 ноября.

ническое: настроеніе обывателя таково, что кто-бы не поднялъ возстаніе, оно будетъ имѣть успѣхъ... „Докладъ произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе — нѣкоторое время всѣ молчали. „Что же надо сдѣлать? — спросилъ докладчика Вологодскій...—„Необходимо отреченіе верховнаго правителя, смѣна „его правительства и высшаго военнаго командованія; переходъ отъ военнаго къ гражданскому управленію страной въ рамкахъ не всероссійскихъ, а только сибирскихъ и, наконецъ, созывъ Земскаго Собора". Совѣтъ министровъ заволновался... Опять всѣ говорили о мелочахъ въ то время, когда каждый сознавалъ, что поставленъ... вопросъ о бытіи самого правительства. И только Пепеляевъ заявилъ, что Яковлевъ изложилъ, конечно, программу максимума, но что часть ея можетъ... быть выполнена, и это примиритъ правительство, сознающее и исправляющее свои ошибки, съ обществомъ. Но и онъ конкретныхъ предложеній не сдѣлалъ, и снова совѣтъ разошелся, не вынеся никакого рѣшенья" (81-82).

Гинсъ своей иниціативѣ приписываетъ послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ назначеніе Пепеляева министромъ-предсѣдателемъ правительства Спасенія. Онъ, какъ управляющій дѣлами, послалъ 19 или 20 ноября верховному правителю большую телеграмму съ характеристикой положенія. Но аналогичную телеграмму послалъ и Вологодскій съ указаніемъ на необходимость приглашенія въ составъ министровъ „представителей общественныхъ теченій". 21-го Вологодскій говоритъ съ верховнымъ по прямому проводу. Его „правдивое слово" о демократическомъ переустройствѣ власти довольно рѣзко. Производитъ, дѣйствительно, впечатлѣніе, что онъ какъ-бы повторяетъ чьи-то чужія слова и ломится въ открытую дверь!

...„Позвольте въ этотъ грозный и отвѣтственный моментъ ставить вопросъ прямо. Нуженъ вамъ совѣтъ министровъ или не нуженъ? Если да, то дайте ему полную возможность быть дѣйствительно властью, которая, опираясь на широкіе общественные круги, вывела-бы страну изъ создавшагося тяжелаго положенія. Пусть во-

енные дѣлаютъ свое военное дѣло и не вмѣшиваются въ сферу гражданскаго управленія. Довольно обвинятъ только тылъ, нужно оздоровить и фронтъ. Вы должны властно разрушить то средостѣніе, которое на гибель общаго дѣла создано происками честолюбцевъ и интригановъ между вами и совѣтомъ министровъ, вручившимъ вамъ годъ тому назадъ осуществленіе верховной власти... Въ частности, въ отношеніи себя... теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, я чувствую слабость своихъ силъ руководить дѣятельностью совѣта министровъ". Верховный правитель, подчеркивая свое согласіе съ положеніями Гинса, такъ какъ „они были уже обдуманы въ Омскѣ", отвѣчаетъ: „я считаю необходимымъ призвать на постъ предсѣдателя... В. Н. Пепеляева и ему поручить составить солидарный кабинетъ. Я считаю совершенно необходимымъ существованіе совмина и не мыслю безъ него управленія страной, въ виду тяжелаго положенія арміи и необходимости связать ея потребности съ управленіемъ государства" („П. Дн." 129).

Въ цитируемомъ сборникѣ имѣются и замѣтки самого Пепеляева о формированіи новаго кабинета, заимствованныя изъ его записной тетради:

1. Совѣтъ министровъ, согласно конституціи 18 ноября, есть органъ законодательный... Отсюда ясно слѣдуетъ, что онъ одинъ вѣдаетъ вопросы внѣшней и внутренней политики...

2 ...Необходимо немедленно призвать на отвѣтственный постъ командующаго арміей человѣка, пользующагося довѣріемъ страны... Таковымъ могу назвать лишь одно лицо, именно М. К. Дитерихса.

3. В(аше) В(ысокпр.) должны находиться тамъ, гдѣ совминъ, т. е. въ г. Иркутскѣ.

4. ...Совѣтъ министровъ долженъ знать, что происходитъ въ арміи.

5. Генералъ..., позорно сдавшій Омскъ безъ боя, долженъ быть... преданъ военному суду.

6. Господа министры..., приведшіе страну къ краху, а теперь жаждущіе... уѣхать за границу, не могутъ быть отпущены. Они должны или предстать передъ судомъ народной совѣсти или продолжать работу на низшихъ ступеняхъ госуд. службы... или поступить въ дѣйствующую армію.

7. Дѣятельность... Михайлова, погубившаго русскій рубль, Сукина, окончательно запутавшаго наше международное положеніе... Неклютина, погубившаго дѣло снабженія нашей арміи и развившаго правительственный грабежъ въ странѣ, должна быть гласно выявлена... путемъ назначенія надъ этими лицами судебнаго слѣдствія.

8. Наша внѣшняя политика должна имѣть... совершенно опредѣленную программу, каковая совершенно ясно вытекаетъ изъ международнаго положенія.

9. Взаимоотношенія... Гойера и Р(ус.) Аз. (банка) должны быть ясно выявлены порядкомъ судебнаго слѣдствія.

10. Программа правительства — борьба съ большевизмомъ, отметая все, что идетъ на соглашеніе съ міровымъ зломъ, какъ справа, такъ и слѣва.

11. Гинсъ долженъ быть уволенъ („П. Д.“ 130-01).

Очень интересенъ разговоръ Пепеляева по прямому проводу съ адмираломъ. Пепеляевъ говоритъ объ „общей ненависти къ нынѣшней уродливой двоевластной системѣ внутренняго управленія тыломъ“.

„Я совершенно не закрываю глаза“ — отвѣчаетъ Колчакъ — ибо мнѣ лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстна вся тяжесть настоящаго положенія. Основной причиной неудовлетворительности внутренняго управленія является беззаконная дѣятельность низшихъ агентовъ власти, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ. Дѣятельность начальниковъ уѣздной милиціи, отрядовъ особаго назначенія... представлаетъ собой сплошное преступленіе. Все это усугубляется дѣятельностью военныхъ частей польскихъ и чешскихъ, ничего не признающихъ и стоящихъ внѣ всякаго закона. Приходится имѣть дѣло съ глубоко развращеннымъ контингентомъ служащихъ... Такова среда, въ которой приходится работать, но эту работу продолжать необходимо...“

Пепеляевъ намѣчаетъ „основы“ будущей дѣятельности: „1. верховный правитель управляетъ страной черезъ назначенныхъ имъ министровъ, командованіе—воюетъ. 2. Необходимо проникновеніе въ народъ, сближеніе съ оппозиціей, объединеніе здоровыхъ силъ страны. 3. Отказъ отъ исключительно военной системы управленія страной, поддержка широкаго добровольческаго

движенія, рѣшительное выступленіе на путь законности... 4. Расширеніе правъ государственнаго земскаго совѣщанія. 5. Попытка сближенія съ чехами". „У верховнаго правителя остаются „двѣ неясности": какое расширеніе правъ земскаго совѣщанія Пепеляевъ считаетъ необходимымъ и какіе пути сближенія съ чехами существуютъ?

„Чехи сами не желаютъ этого сближенія, и вопросъ объ ихъ уходѣ уже рѣшенный въ этомъ смыслѣ... Я былъ сторонникомъ всегда содружеской работы съ чехами и поляками, но призналъ, что дѣятельность чеховъ отшатнула отъ нихъ армію... Я обращаю ваше особое вниманіе на болѣе тѣсное сближеніе съ... польскимъ правительствомъ. Поляки желаютъ помочь намъ... и не прикрываются никакими демократическими лозунгами, чтобы оправдать свое нежеланіе драться — ж е л а н і е, п р а в д а, в п о л н ѣ з а к о н н о е, п о н я т н о е.

Пепеляевъ разъясняетъ, что расширеніе правъ Гос. Зем. Совѣщанія онъ мыслитъ себѣ „пока, какъ возможность эволюціи его въ законодательное учежденіе", но ставитъ это „сейчасъ въ запасѣ, не выдвигая на первую очередь.. " По этому поводу Колчакъ замѣчаетъ: „Вопросъ о расширеніи правъ Земскаго Совѣщанія въ принципѣ не вызываетъ возраженія, но практически я не могу сказать, къ чему приведутъ выборы..." Бесѣда заканчивается полнымъ какъ будто-бы соглашеніемъ („П. Д." 132-5).

Приведенные переговоры служатъ лучшимъ отвѣтомъ на обвиненіе верховнаго правителя въ томъ, что онъ будто-бы тормозилъ всякую „демократизацію" власти. Большихъ надеждъ на эти реформы Колчакъ не возлагалъ. Но неужели онъ былъ не правъ въ этомъ отношеніи? Пепеляевъ носился съ утопіями. Колчакъ реалистичнѣе оцѣнивалъ ходъ событій.

* * *

Пепеляевъ сдѣлался премьеромъ. Первой трудной задачей для новаго премьера являлось устраненіе конфликта съ чехами. Гирса „завѣрилъ" Пепеляева, что противъ новаго правительства „никакихъ выступленій

чехи не допустятъ.[1]) Далѣе предстояло рѣшить задачу примиренія съ иркутской общественностью.

„Съ этой цѣлью въ кабинетѣ Яковлева — разсказываетъ N — сошлись совершенно негласно В. Н. Пепеляевъ и эс-эры Я. Н. Ходукинъ и Е. Е. Колосовъ. Никому неизвѣстны подробности этого разговора, но собесѣдники, проговоривъ болѣе двухъ часовъ, вышли изъ кабинета дружно и довольно бесѣдуя другъ съ другомъ, а Пепеляевъ просилъ Яковлева на слѣдующій день, тоже негласно, созвать для собесѣдованія съ нимъ представителей соціалистическихъ и общественныхъ организацій. Позднѣе Колосовъ говорилъ, что Пепеляевъ, изложивъ свою программу и выслушавъ возраженія собесѣдниковъ, предложилъ обоимъ войти во вновь формировавшійся кабинетъ, на что ни тотъ, ни другой не дали опредѣленнаго отвѣта, такъ какъ предложеніе было неожиданно, а имъ неизвѣстно было мнѣніе ихъ товарищей. На другой день въ столовой Яковлева за чаемъ и закусками собрались представители эс-эровъ, эс-де, эн-эсовъ, земства, городской думы, кооперації, профессіональныхъ союзовъ; присутствовалъ Колосовъ и покойный М. Н. Богдановъ, какъ представитель бурятъ и забайкальскаго земства.

— Я не могу—говорилъ Пепеляевъ,—принять лозунгъ долой гражданскую войну, ибо это значитъ миръ съ большевиками, а я формирую правительство борьбы съ ними; я не могу согласиться на отрѣшеніе адм. Колчака отъ званія верховнаго правителя, ибо намъ, хотя-бы для иностранцевъ, нуженъ символъ государственнаго единства Россіи, и адмиралъ есть этотъ символъ, носитель этой идеи. Я могу рекомендовать ему уѣхать къ Деникину, на югъ Россіи, если его имя стало такъ одіозно, но и только. Я говорилъ уже по проводу съ братомъ и обѣщаю, что высшее военное командованіе будетъ замѣнено новыми честными и способными людьми; я готовъ въ составъ правительства ввести лицъ, которыхъ вы мнѣ укажете. Я твердо рѣшилъ ликвидировать военный режимъ и перейти къ но-

[1]) Крейчи даже утверждаетъ, что д-ръ Гирса оказалъ „немалое вліяніе“ на образованіе(?) пепеляевскаго министерства, и что чехи видѣли въ немъ „заручку добрыхъ отношеній“ съ правительственными кругами (197). Чешскому соц.-демократу казалось, что новое правительство могло-бы удовлетворить и „земцевъ“ и „соціалистовъ“.

вому гражданскому управленію. Я добьюсь признанія законодательныхъ правъ Земскаго Совѣщанія и превращенія его въ Земскій Соборъ... Я отлично вижу ошибки прошлаго; честно хочу ихъ исправить и избѣгнуть въ дальнѣйшемъ. Иду вамъ навстрѣчу съ открытой душой и прошу вашей помощи въ трудной работѣ.

Въ оживленномъ обмѣнѣ мнѣніями, послѣдовавшемъ за этой декларацією, не было ни возраженій, ни даже дополненій; даже разногласіе о гражданскомъ мирѣ и войнѣ осталось какъ-то въ сторонѣ, не было и намека на то, что гости собрались съ готовымъ рѣшеніемъ, продиктованнымъ партійнымъ комитетомъ. Былъ моментъ, когда казалось, что падетъ завѣса взаимнаго недовѣрія и непониманія, и въ этой столовой произойдетъ безкровный переворотъ. Но заданія были даны. Правительство Пепеляева рѣшено было изолировать, и Колосовъ разрубилъ иллюзію сближенія.

— Для того, чтобы общество повѣрило новому правительству — сказалъ онъ — какъ бы резюмируя бесѣду, — нужно устранить всѣхъ виновыхъ въ созданіи диктатуры и ея ужасовъ и прежде всего одного человѣка.

— Кого же именно?—простодушно спросилъ Пепеляевъ.

— Васъ, Викторъ Николаевичъ, — отрѣзалъ Колосовъ.

Что-то надорвалось...

Соглашеніе оказалось невозможнымъ, и призракъ новаго кровопролитія придвинулся ближе“ („Сиб. Ог.“, 83-84).

Въ періодъ формированія новаго кабинета[1]) „революціонная демократія“ рѣшила устроить правительству открытую демонстрацію. 26 ноября состоялось засѣданіе городской думы по вопросу о текущемъ моментѣ — это было первое публичное выступленіе Политцентра. На него пригласили весь „консульскій корпусъ“. Половина иностранныхъ представителей явилась, по выраженію Крейчи, на „манифестацію противоправительственныхъ

[1]) Свѣдѣнія объ указанномъ совѣщаніи проникли и въ газеты. Напр., „Св. Край“ № 384.

теченій“ [1]) и выслушала рѣчи Константинова, Гольдберга и Колосова. Правительство лишній разъ могло увидать — добавляетъ N — что „соціалистическое крыло иркутской демократіи стремится къ его сверженію, а не къ соглашенію съ нимъ“.

Не отставалъ отъ соціалистическаго крыла и противникъ соціализма Л. Кроль. 8 декабря возобновились засѣданія Экономич. Совѣщанія. Открывавшій его замѣститель предсѣдателя Совѣта Министровъ Третьяковъ счелъ умѣстнымъ выступить съ критикой прошлаго омской власти, которая де оріентировалась на карательные отряды и не умѣла прислушиваться къ нуждамъ народа. Ему аплодировали „лѣвые“ и критиковали „правые“, считая такое выступленіе „безотвѣтственнымъ митингованіемъ“. „Блѣдная“ декларація Третьякова была сильной въ этой критической части. Послѣднюю охотно развилъ Кроль. Всячески „смягчая“ свою рѣчь, Кроль говорилъ о томъ, что правительство, „когда ему становилось туго“, прибѣгало къ „частнымъ совѣщаніямъ“ членовъ Экон. Совѣщ. по политическимъ вопросамъ (въ дѣйствительности скорѣе было какъ разъ наоборотъ). Но „стоило хоть чуть-чуть улучшиться положенію“, правительство „старалось обойтись безъ этого плохенькаго суррогата народнаго представительства“.

„Нашимъ требованіемъ созыва дѣйствительнаго народнаго представительства — продолжалъ Кроль — пренебрегли. Если-бы передъ нами выступилъ старый Совѣтъ министровъ, я бы ему отвѣтилъ: вы не имѣете права выступать передъ нами по политическимъ вопросамъ и мнѣ съ вами говорить не о чемъ“. „Правительство не должно опираться на штыки, ненавистные населенію“!—воскликнулъ ораторъ. Онъ „вѣрилъ“, конечно, въ „искренность правительства“, но не былъ убѣж-

[1]) Крейчи подчеркиваетъ особую предупредительность въ отношеніи чешскихъ представителей (Крейчи, Гирса, Благошъ), которые были посажены на возвышеніи рядомъ съ ораторами. Ясно, что ихъ присутствію придавали „особое значеніе“. Ихъ ждали для открытія засѣданія (187).

денъ въ его реальной силѣ для проведенія новой программы (Кроль 200).

Было море критики въ эти дни — море хорошихъ словъ о водвореніи законности, о подчиненіи военной власти гражданской въ дѣлахъ управленія, о немедленномъ созывѣ народнаго представительства: Земскій Соборъ станетъ источникомъ объединенія всей Россіи и установленія гражданскаго мира (тел. Р.Т.Аг. 12 декабря). Всѣ какъ будто бы соглашались на созывъ Земскаго Собора — въ немъ спасеніе: власть должна быть отвѣтственна передъ народомъ. Въ дѣйствительности происходилъ кавардакъ.

Въ городахъ и уѣздахъ шли уже выборы въ Госуд. Земское Совѣщаніе, положеніе о которомъ было утверждено верховнымъ правителемъ и выборы въ который должны были закончиться не позже 1 января. „Лѣвые“ эти выборы бойкотировали. Въ Иркутскѣ земцы, „долго и честно“ поддерживавшіе омское правительство, разрабатывали свое положеніе о выборахъ въ Земскій Соборъ. Созвать его должна была какая-то новая власть. И дѣйствительно теряла смыслъ та „лѣвая политика“, которую пытался проводить новый составъ министровъ [1]). „Лѣвые“ по выраженію „Св. Края“, „съ миной оскорбленной добродѣтели отворачивались въ сторону“ (№ 388), и ихъ мало уже интересовало осуществленіе проектовъ Пепеляева о демократизаціи власти и о предоставленіи Гос. Земск. Совѣщанію законодательныхъ правъ. „Долой правительство“ — говорило каждое ихъ слово и каждое ихъ дѣйствіе.

2. У верховнаго правителя.

8 декабря Пепеляевъ выѣхалъ изъ Иркутска для переговоровъ съ верховнымъ правителемъ.

[1]) Отъ „общественности“ въ него вошли Третьяковъ, Червенъ-Водали, Бурышкинъ. Кооператоры отказались выставить своихъ кандидатовъ. Любопытно, что Болдыреву назначеніе Третьякова и Пепеляева казалось рѣзкимъ поворотомъ „вправо“ (276).

Когда видишь Колчака въ эти сумбурные дни, невольно поражаешься, до чего люди могутъ быть несправедливы. Удивительное спокойствіе отмѣчаетъ верховнаго правителя по сравненію съ истерикой, которая подчасъ охватывала его министровъ. Съ рѣдкимъ хладнокровіемъ и достоинствомъ отвѣчаетъ онъ даже на глубоко оскорбительныя по формѣ требованія. У него не видно дряблой растерянности въ тяжелый моментъ, и онъ какъ-бы стоитъ надъ мятущейся толпой.

Вопреки настойчивости совѣта министровъ, Колчакъ хотѣлъ быть съ арміей и раздѣлять ея судьбу. Скоро, однако, онъ отъ нея отдѣлился и поѣхалъ впередъ съ золотымъ запасомъ — повидимому, въ значительной степени подъ вліяніемъ телеграммы Нокса (такъ разсказывалъ мнѣ Гинсъ): для будущаго надо было спасти золото, хотя бы цѣною собственной гибели. Началась тяжелая страда для верховнаго правителя и его восьми „эшелоновъ."

Эвакуирующіяся изъ Омска войска и бѣженцы очень скоро соприкоснулись съ лихорадочно двигающимися на востокъ чехо-словаками. Въ распоряженіи послѣднихъ фактически была сибирская магистраль. Чехословаки двигались, не считаясь съ распоряженіями ни желѣзнодорожной администраціи, ни русскихъ военныхъ властей[1]). На этой почвѣ происходили столкновенія, еще больше обострявшія взаиныя отношенія. Колчакъ обвинялъ чеховъ въ разстройствѣ движенія, которое внесло еще большій сумбуръ въ эвакуацію, дезорганизовало окончательно отступленіе арміи и поставило подъ угрозу гибели многочисленные транспорты бѣженцевъ, санитарные поѣзда съ ранеными и больными. Всѣ попытки добиться соглашенія для регулированія движенія не достигли цѣли и приводили лишь къ взаимному озлобленію. 28 ноября главноком. Сахаровъ изъ Ново-Никола-

[1]) Объясненіе ген. Сырового см. ниже.

евска, ссылаясь на заявленіе начальника томской ж. д. линіи, обращается къ иностранному командованію съ указаніемъ на то, что „вмѣшательство чешскихъ войскъ опрокинуло всѣ разсчеты..“ Когда паровозы забираются принудительнымъ порядкомъ и угрозами, невозможна планомѣрная работа. Указывая на то, что чешскіе поѣзда забиваютъ крупныя распредѣлительныя станціи, Сахаровъ заканчиваетъ:

„Спасти положеніе еще можно, если чешскія войска будутъ отправляться въ числѣ трехъ эшелоновъ въ сутки съ каждой распредѣлительной станціи и будутъ подчинятся требованіямъ ж.-дор. администраціи“ [1]).

„Плохо было то, что въ оффиціальной бумагѣ заключалась угроза: „видя передъ собою вѣрную гибель, намъ не остается ничего, какъ рѣшиться на послѣдне средство, которое я здѣсь не называю“ (Субботовскій 209).

21 ноября послѣ ряда безплодныхъ обращеній посылаетъ протестъ Жанену и самъ верховный правитель, предлагая чешскимъ эшелонамъ предоставить половину всѣхъ поѣздовъ („П. Дн.“ 116). Ни Колчакъ, ни Сахаровъ, повидимому, непосредственнаго отвѣта не получили. На телеграмму Колчака въ связи съ задержаніемъ его поѣзда на ст. Красноярскъ, Жаненъ отвѣтилъ Третьякову. Отвѣтъ этотъ чрезвычайно показателенъ. Онъ начинался такъ: „Его превосходительству господину Третьякову. Я получилъ сегодня циркулярную телеграмму Колчака [2])... Онъ обращается къ помощи дипломатическихъ представителей по поводу нѣкоторыхъ м е л к и х ъ фактовъ для того, чтобы представить рядъ неопредѣленныхъ х о д а т а й с т в ъ, которыя трудно удовлетворить даже въ нормальное время“. Жаненъ ссылается на саботажъ и „жемчужную“ (?) забастовку жел.-

[1]) Отмѣчу, что мин. пут. сообщенія Уструговъ въ періодъ эвакуаціи все время самъ былъ на линіи.

[2]) Приходится пользоваться текстомъ, приведеннымъ у Субботовскаго. Этотъ авторъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которыхъ можно положиться въ точности воспроизведенія документа.

дор. служащихъ. Въ этомъ — причина дезорганизаціи. Съ неумѣстной и, пожалуй, даже слишкомъ грубой ироніей Жаненъ говоритъ:

„Я сообщилъ Занкевичу для адмирала, что его поѣздъ пройдетъ сперва одинъ, но я безсиленъ въ отношеніи семи поѣздовъ, на 5 больше, чѣмъ для продвиженія его величества и на шесть больше, чѣмъ для продвиженія его высочества великаго князя Николая Николаевича... Къ тому же, повторяю, ежедневно я получаю пять или шесть просьбъ на такъ называемые внѣочередные поѣзда, которыя при наилучшихъ намѣреніяхъ удовлетворить невозможно... Я долженъ добавить, что опубликованіе телеграммы... адмирала будетъ, къ моему сожалѣнію, разсматриваться чехо-словаками какъ видъ объявленія войны. Соотвѣтствующее состояніе умовъ лишитъ результатовъ всякое вмѣшательство, которое я желалъ бы предпринять для удовлетворенія требованій положенія дня.“

Совершенно ясно, что Жаненъ сдѣлать ничего не могъ. Но престижъ не позволялъ признать собственное безсиліе. Въ дневникѣ Жаненъ говоритъ, что чехо-словаки всегда выполняли его приказанія. Въ дѣйствительности же установленный порядокъ эвакуаціи — чехи, поляки, сербы, румыны, русскіе—не могъ быть измѣненъ: Сыровой опредѣленно заявилъ, что въ случаѣ непредоставленія чехо-словацкимъ эшелонамъ первенства въ эвакуаціи на востокъ, онъ не ручается за послѣдствія (Парфеновъ, 115). При хаосѣ трудно найти настоящаго виновника въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но не очевидно ли, что эшелоны верховнаго правителя, на которые негодовали чехи (Дюбарбье, 140), не могли нарушить правильности движенія.

Естественно, что иностранныя войска подлежали эвакуаціи въ первую очередь. Но здѣсь не была соблюдена нужная пропорція. И это привело къ тяжелымъ сценамъ въ ближайшемъ же будущемъ. Русскіе негодовали на то, что иммунитетомъ въ смыслѣ транспорта пользовались не только живыя силы, но и огром-

ное имущество, принадлежавшее чехословацкому войску. Имуществу (не военному даже) отдавали первенство передъ ранеными, женщинами и дѣтьми. Это—факты, которые, къ сожалѣнію, оспаривать нельзя [1]). И какъ-то дико читать въ красноярскомъ „Народномъ Голосѣ“ охотно перепечатанное враждебными гасетами обвиненіе Колчака въ томъ, что по его винѣ между ст. Чулимомъ и Новониколаевскомъ замерзло 200 вагоновъ съ бѣженцами: вслѣдствіе запрещенія движенія встрѣчныхъ поѣздовъ, такъ какъ эшелоны верховнаго правителя шли по свободному пути, остановлены были поѣзда, которые бѣженцамъ подавали воду и топливо (цитирую по иркутскому „Дѣлу Народа“ № 390).

Въ такой обстановкѣ произошло и рѣзкое реагированіе Колчака на „меморандумъ“ 13 ноября. Нельзя забывать объ этомъ. Отвѣтомъ былъ „саботажъ“ чешскими жел.-дор. комендантами поѣзда верховнаго правителя [2]). Сами чешскія военныя власти въ Иркутскѣ были безсильны: „здѣшнія начальствующія лица обѣщаютъ все сдѣлать — передаетъ въ разговорѣ по прямому проводу 18 декабря Харитоновъ секретарю предсовмина — а въ дѣйствительности на мѣстахъ положеніе не только не улучшается, а ухудшается. Такъ, напр., несмотря на обѣщаніе не задерживать эшелоны верховнаго правителя, который сейчасъ въ Красноярскѣ, на ст. Каштанъ(?) былъ отобранъ паровозъ и начальникъ эшелона арестованъ“ („П. Дн“. 152).

Грондижъ уподобляетъ положеніе русскихъ и чеховъ въ дни эвакуаціи положенію двухъ людей, потер-

---

[1]) Уполномоченные Краснаго Креста въ особомъ актѣ, составленномъ въ Красноярскѣ 15 января, засвидѣтельствовали то, что пришлось пережить эшелонамъ Кр. Кр. — какъ у нихъ отбирали паровозы, воду, топливо, какъ посылали ихъ поѣзда на пути, завѣдомо забитые замершими вагонами и т. д. Уполномоченный 2-ой арміи подъ вліяніемъ пережитаго застрѣлился. Красноярскій актъ подписанъ пом. Главноуполномоченнаго кн. Куракинымъ.

[2]) См. у Кроля 199. Разсказъ подп. Малиновскаго въ № 8 „Дняхъ Россіи“ — воспроизведенъ въ „Чешскихъ аргонавтахъ“, 13.

пѣвшихъ кораблекрушеніе и ухватившихся за одну доску, которая можетъ вынести только одного. Дѣло было не въ угрозахъ и запугиваніи: сильнѣйшій долженъ былъ выжить, другой — погибнуть въ морѣ (533).

Таковымъ ли въ дѣйствительности было положеніе?

* * *

Несмотря на афронтъ, полученный въ Иркутскѣ со стороны „лѣвыхъ", Пепеляевъ ѣхалъ къ верховному правителю съ цѣлью убѣдить его въ необходимости превратить Земское Совѣщавіе въ законодательный органъ и такимъ путемъ добиться сговора съ иркутскими „земцами". Пепеляевъ подхватывалъ чужой лозунгъ, и притомъ уже фактически изжитый: декабрьская декларація П. Ц. отъ имени „сибирской демократіи" ни о какомъ Земскомъ Соборѣ уже не говорила. „Земскій Соборъ" оставался темой для разговоровъ тѣхъ изъ „земцевъ", которые не принимали непосредственнаго участія въ подготовкѣ заговора. Попытка же Пепеляева войти въ соглашеніе съ конкурирующей силой — Пол. Центромъ, нашедшимъ поддержку у чехо-словаковъ и выставлявшимъ лозунгомъ созданіе новой власти на „соціалистическихъ" основахъ, конечно, была болѣе, чѣмъ эфемерна.

У верховнаго правителя „волевой" Пепеляевъ въ союзѣ съ братомъ тѣмъ не менѣе дѣйствовалъ съ экспрессіей. Онъ самъ достаточно ярко описалъ свое поведеніе въ телеграфномъ сообщеніи со ст. Тайга совѣту министровъ въ Иркутскѣ:

...Я пришелъ (къ) окончательному выводу, что необходимъ крупный политическій шагъ, который бы остановилъ сползаніе (въ) пропасть по инерціи. Считаю совершенно необходимымъ созывъ сибирскаго Зем. Собора... Верховный правитель долженъ остаться для верховнаго объединенія всѣхъ частей Россіи... Два дня я

убѣждалъ правиителя (въ) необходимости Земсобора. Онъ выдвигалъ вопросъ (объ) отреченіи въ пользу Деникина. Я высказался противъ отреченія. (Въ) вопросѣ (о) Земсоборѣ я остаюсь непреклоннымъ. Иного выхода нѣтъ. Вчера я и командармъ, учитывая грозную обстановку и то, что остается (въ) нашемъ распоряженіи нѣсколько дней, послали верховному правителю на ст. Судженку телеграмму (съ) настояніемъ изданія указа о созывѣ Зем. Соб.,[1]) назначивъ срокъ для отвѣта. Опредѣленнаго отвѣта нѣтъ. Я больше не нахожу возможнымъ оставаться на посту предсовмина („П. Дн.“ 148).

„Мы не были увѣрены — вспоминаетъ Гинсъ — что Пепеляевъ не совершитъ какого-нибудь насилія надъ верховнымъ правителемъ. Поступки и телеграммы премьера казались дикими. Мы отправили ему въ отвѣтъ рѣзкую отповѣдь“ (II, 465). Пепеляевъ, дѣйствительно, „почти вымогалъ рѣшеніе.“ Естественно, что адмиралъ протестовалъ, такъ какъ рѣшенія Пепеляева не были вовсе рѣшеніями совѣта министровъ, а результатомъ мѣстной оріентировки, т. е. вліянія закулисныхъ дирижеровъ въ пепеляевской арміи [2]).

Колчакъ поручаетъ ген. Мартьянову выяснить у Пепеляева смыслъ его ультиматума (Пепеляевы находились на ст. Тайга). Верховный правитель принципіально соглашается на обсуждніе въ совминѣ послѣ пріѣзда въ Иркутскъ поставленнаго Пепеляевымъ вопроса. „А посему — спрашиваетъ Мартьяновъ — какъ прикажете понимать вашу телеграмму: какъ ультиматумъ или пред-

[1]) „Умоляемъ васъ въ послѣдній разъ о немедленномъ изданіи акта о созывѣ сибирскаго Зем. Собора, въ лицѣ котораго народъ возьметъ въ свои руки устройство Сибири. Мы дѣйствуемъ исключительно во имя защиты родины отъ большевиковъ... Мы ждемъ согласія до 24 часовъ девятаго декабря... Время не ждетъ, и мы говоримъ вамъ теперь, что во имя родины мы рѣшимся на все. Насъ разсудитъ Богъ и народъ“ (Ib. 146)

[2]) Пепеляевъ, по словамъ Гинса, „забылъ о всѣхъ текущихъ дѣлахъ, не доложилъ адмиралу ни одного изъ присланныхъ нами законопроектовъ и вмѣсто расширенія правъ и демократизаціи состава Гос. Зем. Сов. потребовалъ созыва Зем. Собора.“ Изъ этихъ словъ вытекаетъ, что проектъ указа, предложенный Колчаку Пепеляевымъ отъ имени совѣта министровъ, таковымъ не былъ.

ставленіе главы кабинета, а также, что означаютъ ваши слова въ телеграммѣ, что „во имя родины вы рѣшились на все и что васъ разсудитъ Богъ и народъ?“ Пепеляевъ даетъ какую-то странную по своей уклончивости реплику: „я отвѣчу черезъ нѣкоторое время“. Въ концѣ концовъ отвѣтъ гласилъ: „Нашу телеграмму, отбрасывая юридическую ея природу, нужно понимать, какъ послѣднюю попытку спасти верховнаго правителя, помимо его воли, и все дѣло. Больше я ничего не могу сказать.“

Гинсъ даетъ такое объясненіе нѣсколько непонятному поведенію Пепеляева: „Пепеляевъ обладалъ психикой, напоминающей взрывчатое вещество... Долго горѣть ровнымъ пламенемъ онъ не могъ. Его телеграмма была взрывомъ.“ Объясненіе можно найти, дѣйствительно, только въ крайне нервной обстановкѣ подъ вліяніемъ „безумнаго выступленія кучки офицеровъ.“ Пепеляевы хорошо относились къ адмиралу и едва ли могли принять участіе въ заговорѣ противъ него [1]). Пепеляевъ, пропагандировавшій отъѣздъ Колчака, въ то же время былъ рѣшительнымъ противникомъ его отставки. Вѣроятно, не только чувство чести говорило въ немъ, но и сознаніе, что съ отставкой верховнаго правителя крушилась бы идея борьбы съ большевиками, отъ которой Пепеляевъ не отходилъ ни на минуту. Я думаю, что мысль объ отъѣздѣ Колчака вытекала изъ его намѣренія привлечь на командный постъ Дитерихса, который ставилъ условіемъ выѣздъ верховнаго правителя.

Остывъ, Пепеляевъ сообщаетъ верховному правителю:

„Ген. Каппель передалъ мнѣ желаніе в. в., чтобы я прибылъ въ Иркутскъ. Для этого я долженъ быть

[1]) У меня имѣются данныя, указывающія на то, что жел.-дор. рабочіе Омска присылали къ ген. Пепеляеву делегацію съ предложеніемъ встать во главѣ движенія и обѣщали его поддержать. Пепеляевъ отказался.

увѣренъ, что Зем. Соборъ пріемлемъ для васъ, хотя принципіально. Конецъ моей телеграммы могъ быть понятъ невѣрно, если забыть основную идею моей дѣятельности, въ силу которой я ни теперь, ни когда-либо ничего не предприму противъ носителя верховной власти. Мои слова значатъ слѣдующее: по моему мнѣнію, государственность, въ случаѣ непринятія указаннаго мною шага, погибнетъ...“ („П. Дн.“ 149).

Колчакъ никакой оппозиціи проектамъ Пепеляева не оказывалъ, какъ свидѣтельствуютъ его переговоры съ Третьяковымъ, находившимся въ Иркутскѣ, и хотѣлъ лишь выяснить мнѣніе совѣта министровъ по столь важному вопросу. Послѣдній не стоялъ на позиціи Пепеляева и склонялся къ сохраненію старой конструкціи земскаго совѣщанія при условіи исключенія членовъ по назначенію и приданія ему законодательныхъ функцій. „Все это совершенно совпадаетъ съ моими взглядами“ — отвѣчалъ Колчакъ. Только государственное совѣщаніе должно носить мѣстный „сибирскій“ характеръ.(Jb.150) Соглашался Колчакъ и на увольненіе Сахарова, указывая, однако, совѣту министровъ на то, что „формулировать обвиненіе можно только по окончаніи разслѣдованія.“ Верховный правитель предлагалъ назначить чрезв. слѣдственную комиссію, чтобы тѣмъ самымъ „прекратить взаимныя обвиненія фронта и правительства [1]).

Тактика совѣта министровъ довольно элементарна. При „демократическомъ“ курсѣ надлежало вину свалить на наиболѣе одіозныя фигуры. Къ числу ихъ принадлежалъ, напр., Сукинъ. Въ новомъ министерствѣ Сукина уже не было. Повидимому, предполагалось привлечь его къ отвѣтственности, какъ и Гойера. Сукинъ былъ даже подвергнутъ домашнему аресту. Но Кол-

[1]) Совѣтъ министровъ (телеграмма Третьякова 9 декабря) предъявлялъ Сахарову обвиненіе въ томъ, что онъ „сдалъ“ врагу городъ, служившій центромъ возрождающейся Россіи... и нанесъ ударъ всему національному дѣлу.“ По мнѣнію совмина, Сахаровъ подлежалъ суду для справедливой отвѣтственности передъ родиной по всей тяжести законовъ военнаго времени“ („П. Дн.“, 149).

чакъ телеграфировалъ: „Я не допускаю придавать ознакомленію совѣта министровъ съ нашей политикой характера какого-то слѣдствія. Бывшему управляющему министерствомъ надлежитъ дать всѣ необходимыя разъясненія. И. И. Сукинъ исполнялъ указанія только мои и Сазонова, и я требую, чтобы вопросъ этотъ (в) совѣтѣ министровъ не выходилъ изъ рамокъ освѣдомленія“ („П. Дн.“, 144). Позиція совѣта еще можетъ быть понята у новыхъ его членовъ—Третьякова, Червенъ-Водали, Бурышкина, но она нѣсколько наивна со стороны старыхъ членовъ кабинета: вѣдь первое разслѣдованіе надлежало бы направить по адресу бывшаго министра внут. дѣлъ, т. е. самого премьера реорганизованнаго кабинета.

Колчакъ въ эти дни проявилъ все благородство своей натуры. По красотѣ духа человѣкъ познается именно въ такіе моменты.

* * *

Увольненію Сахарова предшествовало довольно необычное обстоятельство. Главнокомандующій еще до своей отставки былъ арестованъ братьями Пепеляевыми. Иркутское „Дѣло Народа“ (№ 390) объясняло арестъ чрезвычайно просто. Сахаровъ де съ момента отъѣзда изъ Омска все время пьянствовалъ. Поэтому и былъ арестованъ Пепеляевымъ.. На этомъ инцидентѣ Сахаровъ, естественно, останавливается довольно подробно. По его словамъ онъ предложилъ реорганизовать первую армію въ неотдѣльный корпусъ и подчинить его Войцеховскому.

„Адмиралъ поморщился — разсказываетъ Сахаровъ — и началъ уговаривать меня отложить эту мѣру, такъ какъ она можетъ-де вызвать большое неудовольствіе даже волненія, а то и открытое выступленіе. — „Вотъ“, — добавилъ онъ, — „и то мнѣ Пепеляевы уже говорили, что Сибирская армія въ сильнѣйшей ажитаціи, и

они не могутъ гарантировать, что меня и васъ не арестуютъ"...

Верховный правитель не соглашался. Тогда я поставилъ вопросъ иначе и спросилъ, находитъ ли онъ возможнымъ такъ ограничивать права главнокомандующаго, не лишаетъ-ли онъ этимъ меня возможности осуществить тотъ планъ, который мною составленъ и адмираломъ одобренъ...

Колчакъ сталъ очень мягко уговаривать пойти на компромиссъ; здѣсь онъ, между прочимъ, сказалъ, что оба Пепеляева и такъ уже выставляли ему требованіе смѣнить меня и назначить главнокомандующимъ опять ген. Дитерихса...

— „Хорошо, сказалъ адмиралъ, — „только я предварительно утвержденія этого приказа хочу обсудить его съ Пепеляевыми. Это мое условіе"...

Сначала Пепеляевы, видимо, растерялись, но затѣмъ генералъ оправился и заговорилъ повышеннымъ, срывающимся въ тонкій крикъ, голосомъ:

— „Это невозможно, моя армія этого не допуститъ"...

Верховный правитель вспыхнулъ. Готова была произойти одна изъ... гнѣвныхъ сценъ... Но черезъ мгновеніе адмиралъ переборолъ себя. Лицо потемнѣло. Потухли глаза, и онъ устало опустился на спинку дивана.

Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго молчанія, послѣ котораго верховный правитель отпустилъ насъ всѣхъ.

— „Идите, господа," сказалъ онъ утомленнымъ и тихимъ голосомъ, — „я подумаю и приму рѣшеніе. Ваше превосходительство," обратился онъ... — „этотъ приказъ подождите отдавать!!!"

На другой день, 9 декабря, поѣздъ Сахарова на ст. Тайга былъ окруженъ пепеляевскими егерями, а самъ Сахаровъ объявленъ арестованнымъ [1]). Такимъ образомъ, тѣ, которые поднимали знамя введенія принципа законности, начинали съ явнаго беззаконія. Арестъ главноко-

---

[1]) Въ письмѣ къ Колчаку 27 декабря Сахаровъ, излагая подробно исторію своего ареста, самъ просилъ о всестороннемъ гласномъ и широкомъ разслѣдованіи его дѣятельности. (Приложеніе къ „Б. за Ур." 348).

мандующаго, конечно, лишь демонстрировалъ начавшійся развалъ [1])... Верховный правитель, начавъ переговоры съ Дитерихсомъ, временно главнокомандующимъ назначилъ Каппеля [2]).

Премьеръ Пепеляевъ между тѣмъ совсѣмъ „остылъ.“ Онъ догналъ поѣздъ адмирала и, слѣдуя за нимъ по пятамъ, не только не проявлялъ никакого расхожденія съ верховнымъ правителемъ, но скорѣе поддерживалъ его (Гинсъ, II, 466). Судьба ихъ связала и обоихъ обрекла на смерть.

* * *

Не только Пепеляевъ „вымогалъ“ рѣшеніе у верховнаго правителя. Въ роли „вымогателя“ выступилъ и представитель ат. Семенова, полк. Сыробоярскій. Въ отношеніи его этотъ терминъ былъ употребленъ самимъ адмираломъ.

Выступленіе Семенова на анансцену какъ бы вытекало изъ программы Пепеляева, намѣченной еще въ Омскѣ и предполагавшей возможность активной поддержки со стороны Японіи. У Семенова въ Забайкальѣ была реальная неразложившаяся военная сила. Нетрудно было уже предвидѣть, что центральнымъ событіямъ предстоитъ разыграться въ Иркутскѣ, гдѣ у командующаго войсками Артемьева не было своихъ силъ. Нужна была помощь Семенова. Пассивная поддержка Японіи могла бы парализовать опору, которую находили революціонныя силы у чехо-словаковъ, и распутать запутанный клубокъ. Вѣроятно, таковы были разсужденія многихъ изъ тѣхъ, кто стоялъ за болѣе тѣсный союзъ съ Японіей, который выдвигалъ на первыя роли забайкаль-

[1]) Сахаровъ былъ освобожденъ подошедшимъ отрядомъ Каппеля. И, повидимому, у Каппеля произошло рѣзкое объясненіе съ Пепеляевымъ.

[2]) Первоначально вновь Колчакъ хотѣлъ назначить на этотъ постъ Войцеховскаго, но тотъ, по словамъ Сукина, отказался.

скаго атамана. Но верховный правитель слишкомъ хорошо сознавалъ отрицательную сторону семеновской „атаманщины“ и отнюдь не склоненъ былъ потворствовать демагогіи Семенова и поддерживавшихъ его обществен. круговъ. Отсюда вытекала большая настороженность въ отношеніи забайкальскаго атамана. Сахаровъ разсказываетъ, что въ дни пребыванія верховнаго правителя въ Ново-Николаевскѣ въ его вагонѣ происходилъ рядъ совѣщаній (193). По словамъ Сахарова, намѣчалось два выхода: использованіе Забайкалья или отходъ на югъ въ Алтайскій край на соединеніе съ Анненковымъ и Дутовымъ. Адмиралъ „отвергъ второй планъ совершенно и остановился на первомъ“, причемъ, однако, „категорически отказался отправить золото въ Читу“ [1]). Съ Семеновымъ шли переговоры о возможности занятія имъ Иркутска „на случай предупрежденія возможныхъ событій“. Семеновъ отвѣтилъ, что выполненіе этого онъ можетъ взять на себя „только при полномъ подчиненіи ему всѣхъ вооруженныхъ силъ Д.-Востока и полосы отчужденія“. Колчакъ запросилъ главнокомандующаго союзными войсками на Д. Востокѣ, ген. Оой не вызоветъ ли назначеніе Семенова протестъ державъ. Можетъ быть, подобный запросъ являлся простой оттяжкой отвѣта, на которомъ настаивалъ представитель ат. Семенова. Это какъ будто бы вытекаетъ изъ доклада, который Сыробоярскій представилъ Семенову послѣ посѣщенія верховнаго правителя:

...Не могу же я здѣсь въ пути въ поѣздѣ отдавать такой серьезный и важный приказъ, — отвѣтилъ Колчакъ на домоганіе Сыробоярскаго, — а главное, — я

[1]) Семеновъ захватилъ въ свои руки первый эшелонъ съ золотомъ, отправленный въ сентябрѣ во Владивостокъ (Будбергъ XV, 316). Это самоуправство могло объясняться предвидѣніемъ паденія Омска и желаніемъ обезпечить себя деньгами. Только полная неосвѣдомленность ген. Жанена можетъ объяснить всѣ его разсужденія о передачѣ Колчакомъ золота Семенову. Мы уже отмѣчали ту щепетильность, которую въ отношеніи золотого запаса проявлялъ все время верховный правитель.

совершенно не вижу, что можетъ... это назначеніе... измѣнить въ реальныхъ дѣйствіяхъ атамана? Я считаю, что, если ат. Семеновъ имѣетъ реальныя силы, то онъ и безъ этого приказа можетъ захватить Иркутскъ и воздѣйствовать на чеховъ, а если нѣтъ, то и приказъ не поможетъ съ его высокими правами и полномочіями" („П. Дн." 159).

Наконецъ, Колчакъ не выдержалъ: „это просто какое то вымогательство" даннаго назначенія...

Но событія не ждали. Въ Черемховѣ, близъ Иркутска, 21 декабря произошло возстаніе по директивамъ Пол. Центра. 23 декабря Колчакъ получаетъ телеграмму военнаго министра Ханжина: „Иркутскій гарнизонъ... не (въ) состояніи выдѣлить достаточнаго отряда въ Черемхово для возстановленія порядка. Необходима немедленная присылка войскъ Забайкалья... Временное подчиненіе Иркутскаго округа ат. Семенову необходимо" (Ib. 168). Въ отвѣтъ Семеновъ получилъ назначеніе главнокомандующимъ вооруженными сисами Д. Востока. Очевидно, что безъ такого назначенія Семеновъ не двинулся бы на помощь правительству.

Гинсъ пытается быть конституціоналистомъ до конца. Въ своей книгѣ онъ пишетъ:

„...Верховный Правитель, разговаривая со мной и ген. Артемьевымъ и выяснивъ положеніе въ Иркутскѣ, принялъ рѣшеніе, котораго не сообщилъ ни мнѣ, ни генералу, а именно: назначить ат. Семенова главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами Дальняго Востока.

По существу едва ли Верх. Правитель могъ найти иное рѣшеніе. Положиться на военныя силы ген. Артемьева не представлялось возможнымъ, подавленіе мятежа въ Иркутскѣ могло быть произведено только при содѣйствіи войскъ Забайкалья; отсюда логически вытекало назначеніе ат. Семенова командующимъ всѣми войсками. Нельзя, съ другой стороны, упрекать несчастнаго адмирала, человѣка глубоко патріотичнаго, честнаго и чуткаго, но исключительно военнаго по психологіи, не привыкшаго и не умѣвшаго усвоить пріемовъ управле-

нія черезъ министровъ, въ томъ, что онъ въ такой тревожный моментъ не запросилъ предварительно мнѣнія Совѣта министровъ... Назначеніе ат. Семенова главнокомандующимъ безъ вѣдома Совѣта министровъ и безъ точнаго опредѣленія правъ главнокомандующаго поставило правительство въ чрезвычайно неловкое и затруднительное положеніе" (II, 473—4).

Итакъ, „по существу" Колчакъ былъ, по мнѣнію Гинса, правъ — „оставалось спасти остатки государства на Д. Востокѣ". Помощь Семенова была необходима. Такъ разсуждалъ и Совѣтъ миниетровъ, иначе замѣститель предсѣдателя Третьяковъ не поѣхалъ бы въ Читу разговаривать съ Семеновымъ. Слѣдовательно, какъ будто бы Колчакъ дѣйствовалъ въ полномъ соотвѣтствіи съ намѣреніями Совѣта министровъ. Разговаривать же по проводу съ министрами послѣ 23-яго было невозможно: у поѣзда адмирала „связи съ Иркутскомъ уже не было". При Колчакѣ былъ самъ предсѣдатель Совѣта. Пожалуй, претензіи на несоблюденіе въ такихъ условіяхъ „конституціи" чрезмѣрны. Въ сущности съ 23 дек. никакого Совѣта министровъ фактически въ Иркутскѣ уже не было — 8 министровъ были въ отсутствіи. Но главнѣйшее въ томъ, что Гинсъ не зналъ или забылъ о процитированной выше телеграммѣ военнаго министра. Слѣдовательно только на послѣдняго могли бы претендовать тѣ министры, которые не были освѣдомлены о проектѣ назначенія Семенова. Кстати, можно думать, что и для командующаго войсками Артемьева ничего неожиданнаго не было въ назначеніи Семенова, такъ какъ 24-го ат. Семеновъ былъ запрошенъ о срочной высылкѣ войскъ въ Иркутскъ въ связи съ появленіемъ „революціоннаго штаба" въ Глазковскомъ предмѣстьѣ („П. Дн." 168). Семеновъ сообщилъ, что войска его будутъ въ Иркутскѣ 28-29 декабря и что они примутъ энергичныя мѣры къ подавленію возстанія. Правительство облегченно вздохнуло и выпустило даже прокламацію, въ которой говорилось уже не о семеновскихъ войскахъ, а

о войскахъ Японіи, которыя идутъ изъ Забайкалья и будутъ охранять Иркутскій военный округъ.

Маленькое отступленіе о неконституціонныхъ дѣйствіяхъ верховнаго правителя достаточно характерно. Слишкомъ легко рождаются обвиненія у современниковъ и слишкомъ легко со страницъ мемуаровъ попадаютъ они на страницы исторіи: у Милюкова Колчакъ въ данномъ случаѣ „по привычкѣ“ игнорируетъ совѣтъ министровъ. Это одинъ изъ примѣровъ того, какъ создаются историческія легенды. А вотъ и другой — изъ дневника ген. Жанена:

„Иркутскъ, 11 декабря. ...Вильтонъ, прибывшій съ ген. Дитерихсомъ, приходилъ поговорить вчера и сегодня. Мы согласны въ томъ, что адмиралъ одержимъ маніей величія и обладаетъ наивнымъ лукавствомъ безумныхъ. Стало извѣстно, что онъ сносился съ Семеновымъ по прямому проводу, побуждая его продвинуться до-сюда, чтобы перевѣшать министровъ, и предлагая ему даже часть поѣздовъ съ золотомъ, которые онъ тащитъ за собой“. („M. Sl.“ 25, III, 353—4).

Назначеніе Семенова еще болѣе обострило отношеніе чеховъ лично къ верховному правителю. Причиной послужила телеграмма, яко-бы посланная Колчакомъ окружнымъ путемъ Семенову и предписывавшая ему въ цѣляхъ воздѣйствія на чехо-словаковъ воспрепятствовать продвиженію ихъ эшелоновъ черезъ Забайкалье, не останавливаясь даже передъ взрывомъ тунелей на Кругобайкальской жел. дор. Страннымъ образомъ текстъ этой телеграммы—на нее любятъ ссылаться всѣ иностранные свидѣтели и особенно чешскіе мемуаристы—я нигдѣ не нашелъ. О телеграммѣ изъ русскихъ упоминаетъ только Сахаровъ, относя ее къ ноябрю мѣсяцу (186)... Думаю, что телеграмма эта — одинъ изъ многихъ апокрифовъ [1]). Угроза непропуска эшелоновъ

[1]) Существованіе такой телеграммы рѣшительно опровергаетъ подчасъ хорошо освѣдомленный въ закулисныхъ сибирскихъ дѣлахъ Ганъ (Гутманъ) въ „Бѣломъ Дѣлѣ“ (III, 174).

раздалась со стороны Семенова, но едва-ли не по собственной его иниціативѣ. Это былошумное выступленіе, адресованное всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, (въ томъ числѣ и адмиралу Колчаку), въ которомъ забайкальскій „братъ“ обращался къ чехо-словакамъ во имя „общеславянскихъ идей“, призывая ихъ помочь „послѣдней борьбѣ за Россію“ и заканчивая требованіемъ безпрепятственнаго пропуска до Иркутска поѣздовъ съ русскимъ командованіемъ, ранеными воинами, семьями бойцовъ и цѣнностями: „въ случаѣ неисполненія вами этого требованія я, съ болью въ сердцѣ пойду и всей имѣющейся въ моемъ распоряженіи вооруженной силой заставлю васъ исполнить вашъ долгъ передъ человѣчествомъ и замученной сестрой — Россіей“. (Парфеновъ 116).

3. Возстанія.

По плану „бюро военныхъ организацій,“ предсѣдатель котораго Калашниковъ давно уже находился въ Иркутскѣ, въ пепеляевской арміи, отводимой въ тылъ, должны были одновременно, въ моментъ разрухи отступленія, вспыхнуть возстанія: въ Томскѣ, Ново-Николаевскѣ, Красноярскѣ и Иркутскѣ. Частично этотъ планъ и получилъ осуществленіе, но не въ томъ видѣ, какъ предполагали зачинщики переворота.

Началось въ Ново-Николаевскѣ 6 декабря. Предсѣдатель совѣта министровъ въ своей телеграммѣ въ Иркутскъ характеризовалъ его, какъ „безумное выступленіе кучки офицеровъ подъ лозунгомъ мира съ большевиками“. По словамъ Сахарова, возстаніе было какъ-бы провоцировано Ан. Пепеляевымъ въ цѣляхъ воздѣйствія на Колчака. Предположеніе это, конечно, неосновательно. Но выступленіемъ полк. Ивакина Пепеляевы воспользовались для того, чтобы охарактеризовать настроеніе первой сибирской арміи и вынудить у верхов-

наго правителя рѣшеніе объявить о созывѣ Земскаго Собора: „идея земскаго собора—говорилъ Пепеляевъ въ томъ же сообщеніи совѣту министровъ — ультимативно развита первой арміей". Совершенно правъ, однако, Сахаровъ, когда говоритъ, что самочинное дѣйствіе войскъ подъ начальствомъ полк. Ивакина было инспирировано и подготовлено тѣми эс-эрами или эс-эрствующими, которые гнѣздились въ военной тайной организаціи при штабѣ Пепеляева. Прокламаціи сибирскзго военно-соціалистическаго союза поразительно совпадаютъ съ творчествомъ якушевской группы во Владивостокѣ — это были эс-эровскія прокламаціи [1]). Одна изъ прокламацій съ чрезвычайной наглядностью показываетъ, что иниціаторы возстаній разсчитывали не столько на идейное содержаніе своихъ воззваній, сколько на психологію усталости отъ гражданской войны, при которой призывъ къ окончанію борьбы могъ найти откликъ даже въ офицерской массѣ. Въ воззваніи, выпущенномъ отъ анонимной „офицерской группы", прямо говорилось:

„Что намъ до спасенія Россіи, когда 99% не хочетъ ея, а кто хочетъ, онъ желаетъ сдѣлать цѣною тысячъ жизней другихъ, но никакъ не своей... Будетъ, ни капли крови больше — и начнемъ переговоры съ большевиками о мирѣ въ залитой братской кровью Россіи. Этимъ мы въ тысячу разъ сдѣлаемъ лучше для Россіи, чѣмъ то, что хочетъ кучка болтуновъ-созидателей великой Россіи. Бояться нечего: наши требованія поддержатъ народъ и братья чехо-словаки... Медлить нечего: начнемъ съ Томска. Эти возванія разсылаются во всѣ части гарнизона и начальники частей... должны собрать офицеровъ и взводныхъ 6 декабря" [2])...

Въ изображеніи Сахарова, иниціаторъ новониколаевскаго возстанія — наивный 26 лѣтній офицеръ, увѣрен-

[1]) Многихъ могло ввести въ заблужденіе то обстоятелъство, что военная эс-эровская организація приняла старое большевицкое наименованіе въ Сибири — военно-соціалистическаго союза.

[2]) „Посл. Дн." 85. О возстаніи въ Томскѣ передъ захватомъ его Красной арміей я, къ сожалѣнію, никакихъ характерныхъ деталей не могъ найти.

ный, что вся сибирская армія „эс-эровская“, и рапортующій объ этомъ даже главнокомандующему (188). Сахаровъ разсказываетъ, что до Колчака дошли слухи, что этотъ „полу-мальчикъ“, начальникъ дивизіи собирается его арестовать. Колчакъ вызываетъ къ себѣ Ивакина и около часа говоритъ съ нимъ. Тѣмъ не менѣе Ивакинъ при поддержкѣ губернскаго земства выступаетъ 6 декабря, пытается арестовать командующаго второй арміей ген. Войцеховскаго, захватываетъ съ Барабинскимъ полкомъ первой сибирской дивизіи городъ, образуетъ „комитетъ спасенія родины“ и объявляетъ о прекращеніи борьбы съ Совѣтами. При столкновеніи, однако, съ полкомъ 5 польской дивизіи возставшія части Ивакина положили оружіе. Самъ Ивакинъ былъ убитъ.

* * *

Красноярское выступленіе имѣло свои специфическія черты. Во главѣ возстанія какъ бы всталъ командующій первымъ сибирскимъ корпусомъ ген. Зиневичъ. Но въ сущности это — простая пѣшка въ рукахъ образовавшагося „комитета общественной безопасности“.

Заговоръ подготовлялся давно въ „офицерскихъ собраніяхъ“ — въ дѣйствительности же въ редакціи оффиціальной корпусной газеты „На стражѣ свободы“, гдѣ устраивались совѣщанія „при участіи Колосова и большевиковъ“ [1]). Самъ редакторъ газеты, Сабашниковъ, — бывш. большевикъ, секретарь Мищенковъ — „плехановецъ“, ставшій скоро большевикомъ. Таковъ весь руководящій персоналъ газеты, выпустившей въ моментъ нахожденія поѣзда адмирала въ Красноярскѣ (здѣсь произошла задержка на 6 сутокъ изъ-за недоразумѣній съ чехами) воззваніе отъ имени „группы демократическихъ организацій“ съ призывомъ къ миру съ большевиками и къ неподчиненію верховному правителю. Эту кампа-

[1]) „Послѣдніе дни колчаковщины“. „Красн. Лѣт.“, X, 218.

нію Зиневичъ посвящаетъ въ свои планы созыва Земскаго Собора. Затѣмъ Зиневичъ созываетъ собраніе „демократическихъ организацій“, которое отъ себя уже посылаетъ делегацію къ начальнику повстанческой арміи Кравченко. Отъ имени этихъ организацій начинаются переговоры съ чехами и французами о задержкѣ верховнаго правителя въ Нижнеудинскѣ. Въ цѣляхъ умиротворенія мѣстныхъ элементовъ командующій войсками ген. Марковскій передаетъ командованіе Зиневичу. Вступивъ 23 декабря въ командованіе, Зиневичъ передаетъ управленіе гражданской частью комитету общественныхъ организацій.

Сумбурному, ничего не понимающему генералу кажется, что онъ своими дѣйствіями предотвратилъ взрывъ въ пороховой бочкѣ, остановилъ параличъ власти и спасъ фронтъ (фактически своими дѣйствіями Зиневичъ прервалъ связь адмирала съ арміей). У комитета нѣтъ еще „полной“ платформы, не урегулировано еще отношеніе его съ верховной властью. Зиневичъ обращается съ открытымъ письмомъ къ адмиралу. Какъ „честный солдатъ, чуждый всякой политической авантюры и политическихъ интригъ“, Зиневичъ предлагаетъ Колчаку не цѣпляться за власть и передать ее Земскому Собору — выразителю воли русской демократіи.

Обстановка въ Красноярскѣ показательна. Мы можемъ пойти на митингъ рабочихъ жел.-дор. депо, на которомъ предсѣдательствуетъ коммунистъ Михайловъ, а докладчиками выступаютъ ген. Зиневичъ, с.-р. Колосовъ и лѣвый с.-р., вскорѣ коммунистъ, Левиновъ. „Братья-труженники“ — начинаетъ свою рѣчь Зиневичъ. „Сними сначала погоны“... — кричатъ ему. Большевицкій ораторъ предлагаетъ не вѣрить Колосову. Власть должна быть совѣтская...

Заканчивается красноярская эпопея образованіемъ большевицкаго революціоннаго комитета и арестомъ „братьями-труженниками“ революціоннаго генерала. Зи-

невичъ нервно заболѣлъ. Но это было уже позже [1]). Раньше, 2 января, Колосовъ и Зиневичъ ведутъ переговоры съ военно-политическимъ комиссаромъ наступающей бригады красной арміи — съ тов. Грязновымъ. Небезинтересно начинается разговоръ:

Грязновъ. ...Завтра мы займемъ Красноярскъ. Третья армія нами отрѣзана. Ни на какія соглашенія не пойдемъ.

Колосовъ. А информацію не желаете получить?

Грязновъ. Пожалуйста.

Колосовъ информируетъ о задачахъ Пол. Центра въ Иркутскѣ и о переговорахъ съ краевымъ комитетомъ партіи большевиковъ и о желательности переговоровъ съ Совѣтской властью. Комиссаръ спрашиваетъ объ условіяхъ. Колосовъ увиливаетъ.

Грязновъ. Меня удивляетъ, что вы, видный политическій представитель, не можете, хотя схематически, угадать точки соприкосновенія съ нами, какъ съ революціонной демократіей... Намъ нужны конкретные шаги.

Колосовъ... Сибирское Народное Собраніе должно опредѣлить программу мира. Я говорить за него не могу, но не потому, что не имѣю политической платформы. Наша основная цѣль — созывъ сибирскаго У. С. для окончательнаго установленія формы власти. Но мы... не закрываемъ глаза, что у насъ нѣтъ фронта, и мы не имѣемъ силъ его создать противъ совѣтской Россіи. У насъ есть фронтъ на востокѣ противъ реакціи... Я думаю, что на немъ придется сосредоточить всѣ силы, объединивъ ихъ въ одномъ стремленіи. Я знаю, что вы отнесетесь отрицательно къ идеѣ У. С... Конечно, вы побѣдители, и намъ необходимо въ этомъ пойти на уступки... необходимо создать въ борьбѣ съ реакціей единый фронтъ...

Грязновъ. Переговоры и политика сближенія для совмѣстной борьбы съ капиталомъ всѣхъ соціалистическихъ группировокъ до сихъ поръ кончались или неудачей или простой недобросовѣстностью, предательскимъ поведеніемъ центра и правыхъ соціалистическихъ партій... Мы надѣемся выйти побѣдителями въ міровой

[1]) Зиневичъ былъ разстрѣлянъ большевиками.

борьбѣ... пролетаріатъ... достаточно пострадалъ отъ этихъ... блокированій...

Колосовъ. Здѣсь много говорили объ измѣненіи политической физіономіи коммунистовъ и о томъ, что они теперь совсѣмъ иные. На этомъ многіе не только изъ мелкобуржуазной среды строили свои упованія. Слушая васъ, я вижу, какъ много въ этомъ наивности... Будемъ продолжать разговоръ въ Красноярскѣ лично... Еще два слова: въ Енисейскѣ состоялось соглашеніе земства съ отрядомъ Бабкина, вышедшимъ съ тасѣевскаго фронта, на условіи признанія совѣтской власти. Еще разъ желаю вамъ... полнаго самообладанія, дабы не слишкомъ быть опьяненными побѣдой („П. Дн." 179—82).

Затѣмъ идутъ переговоры съ Зиневичемъ о сдачѣ красноярскаго гарнизона. Начбригъ былъ очень разочарованъ, узнавъ, что „бандиты" Каппеля не собираются сдаваться, и что миръ съ Пол. Центромъ вовсе еще не означаетъ ликвидаціи „восточнаго фронта".

Красноярскъ былъ сданъ. Такъ закончился переворотъ „въ пользу Полит. Центра". Первая сибирская армія положила оружіе. Остатки ея Пепеляевъ распустилъ „до лучшихъ временъ". Его послѣдній приказъ гласилъ: „Сибирская армія не погибла, а съ нею вмѣстѣ не погибло и освобожденіе Сибири отъ ига красныхъ тирановъ. Мечъ возстанія не сломанъ, онъ только вложенъ въ ножны. Сибирская армія распускается по домамъ для тайной работы — до того времени, пока грозный часъ всенароднаго мщенія не позоветъ ее вновь для борьбы за освобожденіе Сибири. Я появлюсь въ Сибири среди вѣрныхъ и храбрыхъ войскъ, когда это время наступитъ, и я вѣрю, что это время скоро придетъ"...

Около Каппеля объединяется все, что сохраняетъ еще организованность и бодрость духа.

11 декабря Колчакъ въ телеграммѣ въ Иркутскъ такъ характеризуетъ состояніе арміи:

„Первая сибирская армія, отведенная въ глубокій

тылъ и составляющая стратегическій резервъ фронта, подверглась вліянію пропаганды, и многія части находятся въ состояніи полнаго разложенія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ опредѣленно высказываются требованія заключенія мира съ большевиками и обычные эсеровскіе лозунги. Подтвержденіемъ служитъ сдача сорокъ третьяго и сорокъ шестого полковъ въ полномъ составѣ повстанческимъ бандамъ и задавленный въ его началѣ бунтъ въ нѣкоторыхъ частяхъ ново-николаевскаго гарнизона. Слѣдуетъ отмѣтить, что часть офицеровъ также затронута этой пропагандой и даже выступаетъ активно.

Вторая армія находится на фронтѣ и, хотя имѣетъ слабую сопротивляемость, но еще не обнаруживаетъ тѣхъ признаковъ разложенія, какъ первая армія. Въ нее вливаются небольшія добровольческія части, которыя, быть можетъ, поднимутъ ея боеспособность.

Третья армія находится въ лучшемъ состояніи. Многія ея части, несмотря на огромныя потери и рядъ тяжелыхъ боевъ, все же сохранили полную боеспособность.

Эти части состоятъ преимущественно изъ добровольцевъ и оренбургскихъ казаковъ". („П. Д." 86).

* * *

21 декабря произошло возстаніе въ Черемховѣ — это была уже прелюдія къ иркутскимъ событіямъ. Началось возстаніе по прямому телеграфному предписанію Пол. Центра. Мы имѣемъ описаніе черемховскихъ событій въ видѣ доклада, представленнаго уполномоченнымъ П. Ц. Устюжаниномъ-Алко.

Возстаніе вылилось въ форму выступленія гарнизона, среди котораго въ ноябрѣ была создана соотвѣтствующая организація „военно-соціалистическаго союза" („П. Дн." 165). Большевики дѣлаютъ поправку, утверждая, что переворотъ произвелъ не комиссаръ Алко, а черемховскіе рабочіе, руководимые коммунистами („Сиб. Ог." 22, II, 85). Это, пожалуй, вѣрнѣе. Во всякомъ слу-

чаѣ коммунистическія организаціи играли первенствующую роль [1]).

Алко въ докладѣ говоритъ, что была опасность срыва возстанія рабочими, несмотря на „полную договоренность съ краевыми коммунистическими организаціими“ представителей Пол. Центра. Договоренность заключалась въ признаніи невозможности „выкидывать совѣтскія знамена“ при наличіи международныхъ силъ. Рабочіе, среди которыхъ было много коммунистовъ, неохотно подчинились такимъ директивамъ. Алко утверждаетъ, что организаторы возстанія избѣгали привлекать въ широкомъ масштабѣ черемховскихъ рабочихъ въ виду специфичности ихъ состава. Русскихъ рабочихъ вообще было немного, причемъ все это были случайные элементы, пришедшіе изъ деревни на заработокъ. Основную массу составляли китайцы и плѣнные мадьяры — черта, отмѣченная еще Уордомъ (58) [2]) Между послѣдними и русскими организованными рабочими (коммунистами) существовала довольно тѣсная связь. Вооруженіе русскихъ предрѣшало вопросъ о вооруженіи мадьяръ. Это представлялось опаснымъ въ виду остраго антагонизма между мадьярами и чехами. Можно было ожидать столкновеній съ чехословацкими частями, стоявшими въ городѣ и на станціи. Очевидно, однако, въ разсчетѣ на эту рабочую силу предполагалось начать возстаніе именно въ Черемховѣ.

Движеніе подъ руководствомъ военно-соціалисти-

---

[1]) При выступленіи, между прочимъ, былъ убитъ начальникъ милиціи Малиновскій, старый членъ партіи с.-р.

[2]) Надо имѣть въ виду, что это явленіе, въ той или иной степени, присуще было всей Сибири. У меня нѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ, но показательно, что на одномъ Уралѣ къ концу 1916 года исчислялось на общую цифру рабочихъ въ 178.630 человѣкъ, 53.434 военноплѣнныхъ и 10 тыс. китайцевъ. На нѣкоторыхъ крупныхъ предпріятіяхъ процентъ военноплѣнныхъ доходилъ до 44. (К. Сидоровъ. „Рабочее движеніе въ Россіи въ годы имперіалистической войны“. Очерки по исторіи окт. революціи“ т. I, 216). Несомнѣнно, все это не могло не оказывать вліянія на нѣсколько специфическій характеръ сибирскаго „пролетаріата“.

ческаго союза происходило въ полномъ и „строгомъ“ соотвѣтствіи съ платформой Пол. Центра — утверждаетъ Алко. Согласно декларацiи П. Ц. органомъ политической власти на мѣстахъ должны были явиться земскія и городскія самоуправленія. Но „борьба съ черными силами реакціи“ фактически заставила въ Черемховѣ создать по иному образцу органъ коллективной власти. Черемховскій революціонный комитетъ на началахъ паритетнаго представительства былъ возглавленъ членами партіи с-р., соц-дем. и большевиковъ-коммунистовъ. Такимъ образомъ открыто уже былъ осуществленъ принципъ „единаго фронта[1]).

Кругъ замкнулся. Сибирское движеніе началось подъ лозунгомъ единаго соціалистическаго фронта. Подъ тѣмъ же лозунгомъ для „революціонной демократіи“ оно заканчивалось послѣ двухъ лѣтъ кровавой борьбы съ большевиками[2]).

---

[1]) Въ г. Зимѣ составъ комитета былъ исключительно коммунистическимъ („П. Дн.“197).

[2]) Я не останавливаюсь на разрозненныхъ выступленіяхъ въ отдѣльныхъ городахъ, не имѣвшихъ непосредственной организаціонной связи съ общимъ планомъ, который пытались осуществить „революціонные“ кадры. Пользовались каждымъ поводомъ для того, чтобы внести сумятицу въ тылу. Напр., поводомъ для возстанія 12 декабря въ Верхоленскѣ послужилъ приказъ объ избраніи делегатовъ на Государственное Совѣщаніе. Возстаніемъ руководилъ представитель эсэровской партіи. Мѣстные коммунисты (около Верхоленска) немедленно, конечно, примкнули къ возстанію (свѣдѣнія заимствованы изъ № 1 „Зем.-Нар. Газ.“ въ Иркутскѣ).

ГЛАВА III.

„Политическій Центръ“.

1. Подъ лозунгомъ мира.

Непосредственный участникъ всѣхъ событій того времени, пристрастный свидѣтель, к-д. Кроль страницы своихъ воспоминаній о „Пол. Ц“. заканчиваетъ нѣсколько неожиданнымъ признаніемъ, что „массы не осознали насущной необходимости для нихъ подлиннаго демократизма“. „Если навязывать силой диктатуру пролетаріата, коммунизмъ безнадежное стремленіе „загнатьословъ дубиной въ рай“ (по удачному выраженію покойнаго А. И. Шингарева)“ — продолжаетъ Кроль — „то прямо химера попытка заставить народъ противъ его воли бороться за народовластіе“. Тѣ, которые считали только себя въ Сибири истинными представителями народа, отнюдь не собирались призывать этотъ народъ къ борьбѣ за немедленное народовластіе — ихъ лозунгомъ являлись призывы къ прекращенію гражданской войны. Они базировались не на активной волѣ страны къ дѣйствію, а на пассивномъ чувствѣ безразличія и апатіи, которое постепенно охватывало не только массы, но и значительный кругъ квалифицированныхъ борцовъ антибольшевицкаго лагеря: „выставляя лозунгомъ миръ съ большевиками — говоритъ коммунистъ Ширямовъ — Пол. Ц. правильно учитывалъ, что солдатскія массы охотно

пойдутъ на любое возстаніе, обѣщающее имъ этотъ миръ" („Б. за Ур." 283). Призывъ къ прекращенію гражданской войны и къ миру съ совѣтской Россіей красной нитью проходитъ черезъ всю агитаціонную литературу военно-соціалистическаго союза и на практикѣ воплощается въ томъ соглашеніи съ большевиками о признаніи единаго съ ними фронта, которое мы отмѣчали въ первыхъ возстаніяхъ. Завершеніе свое онъ получилъ въ Иркутскѣ, гдѣ находился руководившій возстаніями органъ.

Надо думать, что къ концу ноября военныя организаціи Калашниковскаго бюро объединились уже около Пол. Центра [1]). „Сиболдумскій" этапъ съ „земскимъ соборомъ" былъ пройденъ. Движеніе брала въ свои руки организованная общественная сила въ лицѣ партійныхъ комитетовъ, а не отдѣльныхъ и случайныхъ ихъ представителей, дѣйствовавшихъ больше за свой страхъ и рискъ и „снюхавшихся", по образному выраженію Ракова, съ такимъ „архиавантюристомъ", какъ Гайда." Декабрьская декларація Пол. Центра, отпечатанная въ нелегальной типографіи всесибирскаго краевого комитета партіи с.-р., была подписана этимъ комитетомъ, бюро организаціи соц.-дем.. земско-политическимъ бюро и цент. ком. объединеннаго трудового крестьянства (все тѣ-же эс-эры).

Послѣ введенія большевицкаго пошиба о „военно-буржуазной диктатуры" колчаковскаго правительства, которое, спекулируя на войнѣ съ большевиками, декларируя лицемѣрно борьбу за демократическій строй и „опираясь на союзъ реставраціонныхъ военныхъ кастъ съ паразитической... буржуазіей", готовило при поддержкѣ „другихъ реакціонныхъ имперіалистическихъ странъ" священный союзъ міровой реакціи—послѣ всѣнъ

[1]) С.-р, „Воля" позже (1 января 28 г,) сообщаетъ, что краевымъ комитетомъ была выбрана пятерка для диктаторскаго руководства всей партійной работой на время подготовки и проведенія возстанія.

этихъ словъ и „революціонныхъ“ фразъ, П. Ц. объявляя, что принимаетъ на себя руководство въ борьбѣ съ реакціей и ставитъ себѣ цѣлью организацію временной революціонной власти, въ задачу которой входитъ прежде всего (пунктъ первый) „прекращеніе состоянія войны съ совѣтской Россіей“ [1]). Далѣе говорилось о созывѣ сибирскаго Народнаго Собранія, составленнаго изъ представителей органовъ мѣстныхъ самоуправленій, крестьянъ и рабочихъ на основѣ положенія о выборахъ, принятыхъ П. Ц., и объ установленіи „договорныхъ отношеній съ революціонными(?) государствами въ цѣляхъ совмѣстной самозащиты отъ міровой реакціи“. Декларація подчеркивала, что П. Ц. „категорически отвергаетъ всякую возможность учрежденія на урѣзанной территоріи Сибири власти, претендующей на всероссійское представительство. Для сибирской демократіи остается одинъ путь — путь созданія мѣстной власти и установленія договорныхъ отношеній съ государственно-демократическими (курс. мой) образованіями, возникшими на территоріи Россіи“ (П. Дн.“ 123-5) [2]).

[1]) Спрашивается, какимъ образомъ могъ Зензиновъ 17 января 20 года въ „Pour la Russie (№ 12) категорически заявлять о лживости телеграммы Колчака, будто-бы эс-эры въ Иркутскѣ хотятъ мира съ большевиками. Зензиновъ писалъ: „имя партіи“ с-р, которая „первая(?!) подняла знамя борьбы противъ большевизма“ гарантируетъ отъ подобнаго шага. Такой телеграммы въ эти дни Колчакъ, конечно, давать не могъ въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ былъ поставленъ. Надо думать, что здѣсь имѣется въ виду или сообщеніе Червенъ-Водали 26 декабря о томъ, что „эс-эровщина только прикрытіе большевизма“ или съ запозданіемъ проникшая въ печать телеграмма Сукина 20 ноября, въ которой говорилось, что лозунгомъ противоправительственнаго движенія является „начатіе мирныхъ переговоровъ съ большевиками“. Зензиновъ въ то время проявилъ лишь неосвѣдомленность и непониманіе своихъ партійныхъ единомышленниковъ въ Сибири. Краковецкій, напр., въ своемъ „покаянномъ“ письмѣ (Сиб. Огн.“ 22. I. 189) усиленно подчеркиваетъ, что, принимая участіе совмѣстно съ коммунистами въ двухъ возстаніяхъ, онъ держался коммунистическихъ взглядовъ уже въ 1919 г.

[2]) Экономическая платформа заключала, между прочимъ, пунктъ о „коллективизаціи тѣхъ отраслей промышленности, которыя могутъ быть обобществлены при настоящемъ уровнѣ... народнаго хозяйства“ и регулированіе земельныхъ отношеній на основѣ закона о землѣ Учр. Собр. По поводу этой декларации „Чех-Сл. Дн.“ (№ 231) писалъ:

Но вопросъ шелъ не только о прекращеніи гражданской войны, „разбивающей демократію на два лагеря“ (рѣчь Калашникова на засѣданіи иркутской городской Думы). Прекращеніе борьбы съ большевиками возможно было лишь при низверженіи власти „реакціи“. Въ этихъ цѣляхъ надлежало всѣ враждебныя антиправительственныя теченія свести въ одно русло — дѣйствовать „единымъ фронтомъ“ съ коммунистами. Понятно, почему на ноябрьское „земское“ совѣщаніе въ Иркутскѣ приглашаются и коммунисты („Сиб. Ог.“ 27, V, 95). Приходится признать, что большевики были послѣдовательнѣе. Ширямовъ разсказываетъ:

„Наша организація считала моментъ еще недостаточно подходящимъ для самостоятельнаго выступленія съ лозунгами совѣтской власти... Политцентръ попытался вступить въ переговоры съ иркутской организаціей партіи и привлечь ее къ участію въ возстаніи подъ лозунгами, выставляемыми Политцентромъ. Вначалѣ эти переговоры велись довольно интенсивно. Но въ ноябрѣ въ Иркутскѣ состоялось совѣщаніе сибирскихъ организацій партіи (3 съѣздъ...). Выбранный на совѣщаніи сибирскій комитетъ... запретилъ не только выступленія, совмѣстныя съ буржуазными партіями, проводимыя не подъ лозунгами совѣтской власти, но и выступленія въ губернскихъ городахъ вообще, не связанныя съ одновременными дѣйствіями красной арміи... Сибирскій комитетъ ставилъ задачею... сдѣлать совершенно непроходимою ту пропасть, которая отдѣляетъ... партіи с-р и меньшевиковъ отъ массъ... Представитель иркутскаго комитета былъ отозванъ изъ Политцентра и переговоры прервались. Не входя въ Политцентръ, наша организація готовилась, конечно, принять въ возстаніи самое активное участіе.

Прежде всего надо было достать денегъ. Съ этой цѣлью рѣшено было потрясти крупныя кооперативныя

„Мы серьезно сомнѣваемся въ томъ, что Сибирь въ данный моментъ является зрѣлой для чисто соціалистическаго правительства“. Чешскій органъ указывалъ представителямъ россійской „революціонной демократіи“ на то, что конструкція классоваго представительства, намѣчаемаго ими, противорѣчитъ представленію о демократіи.

организаціи... Центросоюзъ, Закупсбытъ, Потреб. О-во служащихъ Забайк. ж. д. и др. Предложили имъ дать Комитету „заимообразно", до возстановленія Соввласти, но на всякій случай предупредили, что въ случаѣ отказа не остановимся передъ эксомъ. Такимъ способомъ было собрано до милліона руб."... („Б. за Ур," 283-4).

Пол. Центръ высказалъ „искреннее сожалѣніе" по поводу ухода коммунистовъ и продолжалъ съ ними держать „контактъ", причемъ представитель коммунистовъ посѣщалъ для „информаціи" заговорческія собранія.

Такимъ образомъ, въ постановкѣ Пол. Ц. заключалось нѣсколько больше, нежели простое замалчиваніе борьбы съ большевиками, какъ мягко отмѣчалъ въ связи съ „декларацією" авторъ статей въ „Чех-Сл. Дн." (№ 231), склонный поддерживать эс-эровщину, но враждебный къ совѣтщинѣ. Дѣло было даже не въ томъ, что сибирскіе эс-эры и эс-деки, поднимая знамя „активной борьбы съ колчаковщиной", м о г л и сыграть въ руку большевиковъ. Они съ самаго начала работали противъ „колчаковщины" рука объ руку съ большевиками, отвергая формально эту коалицію.

2. Иркутскіе бои.

Подготовительная дѣятельность П. Ц. протекала въ благопріятной обстановкѣ, несмотря на весь правительственный „терроръ". [1]) Иркутскъ сталъ для „революціонной" демократіи „роднымъ городомъ". „Легкость атмосферы" — по признанію Ракова — притянула туда чуть не всѣхъ сибирскихъ эс-эровъ [2]). И тѣмъ не менѣе

[1]) Достаточно прочитать отчетъ объ „очередной субботкѣ" въ клубѣ Патлыхъ 6 декабря, на которой собравшейся публикѣ была доложена „живая газета" № 3. Это было сплошное издѣвательство не только надъ властью, но и надъ неудачами на фронтахъ (докладъ контръ-разв. отд. — „П. Д" 70).

[2]) Раковъ объясняетъ эту „легкость атмосферы" дѣятельностью Яковлева и промежуточнымъ(!!) географическимъ положеніемъ Иркутска между Колчакомъ и Деникинымъ.

возстаніе задерживалось. Въ Черемховѣ, гдѣ подняли возстаніе по предписанію изъ центра, лишь недоумѣвали, почему въ Иркутскѣ „начало“ затягивается. Затяжка объяснялась полной неувѣренностью въ своихъ силахъ.

Тянула и власть. Яковлевъ доказывалъ Третьякову, что борьба невозможна, что „противъ 4.500 человѣкъ гарнизона, разложеннаго агитаціей... одинъ Щетинкинъ имѣлъ 11 тысячъ хорошо организованныхъ партизанъ при двухъ десяткахъ пулеметовъ и двухъ-трехъ орудіяхъ“. Спасеніе было какъ будто бы только въ подходѣ семеновскихъ частей. Для выясненія вопроса о реальности этой помощи Третьяковъ выѣхалъ въ Читу.

Передъ угрозой прибытія семеновцевъ и въ связи съ арестомъ 22 декабря 17 членовъ революціоннаго штаба власть, наконецъ, рѣшила приступить къ ликвидаціи Пол. Центра [1]). 24 декабря была сдѣлана попытка начать возстаніе. Вечеромъ этого дня въ казармахъ 53 полка, расположенныхъ въ глазковскомъ предмѣстьѣ, которое примыкаетъ къ желѣзнодорожному вокзалу и отдѣляется отъ города Ангарой, появился шт.-кап. Калашниковъ съ приставленнымъ къ нему отъ Пол. Ц. комиссаромъ Мерхелевымъ. 53 полкъ считался наиболѣе распропагандированнымъ. Здѣсь и была провозглашена власть Полит. Центра.

Въ основу послѣдующаго изложенія событій я возьму разсказъ N, дающій поденную запись. Она наиболѣе точна по сравненію съ другими источниками [2]). Буду этотъ разсказъ дополнять, а иногда и исправлять другимъ имѣющимся матеріаломъ. Конечно, представляетъ интересъ освѣщеніе, которое даетъ коммунистическая литература. Ширямовъ тотчасъ же вводитъ въ изображеніе глазковскаго захвата характерную деталь: въ

---

[1]) О готовящемся возстаніи знали рѣшительно всѣ, говорили и объ участникахъ заговора вплоть до раскрытія псевдонимовъ (Іог. Фаустъ—Пав. Михайловъ.

[2]) Событія довольно точно изложены также у Гинса.

Глазковѣ орудуетъ одновременно и коммунистъ Марковъ, подъ руководствомъ котораго примыкаютъ къ возстанію желѣзно-дорожные рабочіе („Б. за Ур.“ 285). Ширямовъ въ другой статьѣ признаетъ, что силы возставшихъ были столь незначительны, что возстаніе легко было подавить („П. Дн.“ 26). Военныя власти, по словамъ N, и отнеслись къ этому событію „очень спокойно“. Ген. Артемьевъ передалъ командованіе нач. гарнизона Сычеву, который заявилъ, что „завтра же онъ все ликвидируетъ“. Успѣху въ Глазковѣ содѣйствовало случайное (а, можетъ быть и неслучайное) обстоятельство—21 декабря ледоходомъ сорвало понтонный мостъ, соединявшій городъ съ желѣзной дорогой. Гарнизонъ въ городѣ не примкнулъ къ возстанію, но въ силу указанной причины нельзя было двинуться противъ повстанцевъ. Чехо-словаки, владѣвшіе желѣзной дорогой,[1]) сохраняли наружный нейтралитетъ — они получили приказъ[2]) своего правительства абсолютно не вмѣшиваться (de ne pas bouger).

Собравшіеся ночью члены П. Ц. вызвали къ себѣ для переговоровъ Яковлева. Дѣло въ томъ, что „штабъ“ разсчитывалъ, что событія въ глазковскомъ предмѣстьѣ заставятъ Яковлева съ вѣрной ему милиціей выступить на сторонѣ П. Ц. Яковлевъ со своимъ отрядомъ особаго назначенія, составленнымъ изъ б. красноармейцевъ,

---

[1]) По словамъ Гинса, всѣ пароходы черезъ Ангару находились также въ рукахъ чехо-словацкаго отряда.

[2]) Интервью чешскаго представителя въ Марселѣ („Matin“ 16-го іюня 20 г.). Гинсъ въ декабрьской телеграммѣ Колчаку не такъ опредѣленно рисуетъ мѣстную чешскую политику: „чехи, понимая безвыходность положенія, не желая воевать, мечутся между эсерами и большевиками, боясь активныхъ дѣйствій, но опасаясь, въ случаѣ бездѣйствія, попасть подъ иго анархіи или оказаться лицомъ къ лицу съ большевиками. Ихъ выступленія типичны: они выражаютъ полное недовѣріе къ тому, что существующая власть способна остановить напоръ большевиковъ и уберечь страну отъ анархіи. Отсюда ихъ колебанія между преобразованіемъ власти и миромъ съ большевиками“(„П. Дн.“ 126). В. Ивановъ со словъ д-ра Гербека (пом. ред. „Чех.-Сл. Дн.“) говоритъ, что Калашниковъ наканунѣ переворота имѣлъ съ нимъ совѣщаніе. („Въ гражданской войнѣ“ 76).

и съ милиціей рѣшилъ, однако, держаться нейтралитета [1]). Такимъ образомъ, П. Ц., потерявъ значительную часть штаба (арестъ 17), остался въ сущности безъ арміи.

На другой день намѣреніе Сычева неожиданно встрѣтило рѣшительную оппозицію со стороны ген. Жанена. Получивъ сообщеніе, что Сычевъ пуститъ въ ходъ артиллерію, Жаненъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ прикажетъ чехамъ обстрѣлять городъ [2]).

Такимъ образомъ оказалось, что полоса, гдѣ сосредоточились повстанцы, становилась вообще нейтральной; повстанцы могли развивать свои дѣйствія, а гарнизону Иркутска, по справедливому замѣчанію Гинса, оставалось — или пребывать въ осадѣ, или отступать, или... разлагаться (II, 479). Коммунисты воспользовались благопріятной обстановкой и стали энергично дѣйствовать, назвавъ себя штабомъ рабоче-крестьянскихъ дружинъ и разославъ гонцовъ въ партизанскіе отряды съ приказомъ стягиваться въ городъ („Б. за Ур.“ 288). Оружіемъ „дружины“ были снабжены штабомъ Политцентра.

Въ городѣ контръ-развѣдка продолжала творить свое „темное дѣло“. Были произведены новые аресты среди военныхъ руководителей движенія. П. Ц. отсрочилъ выступленіе на „неопредѣленное время“.

Между тѣмъ Яковлевъ въ засѣданіи правительства выступаетъ съ предложеніемъ договориться съ губернской земскойу правой, которая де раздѣляетъ точку зрѣнія правительства на дальнѣйшую борьбу съ большевиками. Для того, чтобы договориться, нужна отставка

[1]) N сообщаетъ, что поздно ночью къ Яковлеву явился „представитель большевицкаго штаба“ Михайловъ, который просилъ Яковлева арантировать безопасность политическихъ заключенныхъ. Яковлевъ далъ такую гарантію, а взамѣнъ получилъ слово, что при переходѣ власти къ совѣтамъ ни солдаты, ни офицеры отряда и милиціи не будутъ преслѣдоваться за прошлую борьбу съ большевиками. Михайловъ, съ своей стороны, утверждаетъ, что съ просьбой прислать представителя для переговоровъ обратился въ иркутскій комитетъ коммунистовъ самъ Яковлевъ.

[2]) Дюбарбье объясняетъ это стремленіе чеховъ сохранить вокзалъ „нейтральной зоной“ желаніемъ обезпечить себѣ эвакуацію (442).

верховнаго правителя. Червенъ-Водали, замѣнявшій предсѣдателя, охотно пошелъ на переговоры въ цѣляхъ предотвращенія кровопролитія. „Миролюбіе Чер.-Водали — объясняетъ N.—объяснялось просто. Чехи заявили П. Центру, что семеновцевъ въ Иркутскъ они не пустятъ. И дѣйствительно отрядъ ген. Скипетрова, посланный на помощь Иркутску, завязъ гдѣ-то на линіи, задержанный союзниками, т. е. чехами. Чехи... умалчивали, что ген. Сыровой далъ по линіи приказъ своимъ войскамъ избѣгать всякихъ конфликтовъ съ семеновцами въ томъ случаѣ, если они будутъ поддерживаться японскими войсками".

Вечеромъ, 26-го, въ кабинетѣ предсѣдателя совѣта министровъ собрались земцы, городской голова и представители П. Ц.[1]) Соглашеніе, однако, никакъ не могло состояться изъ за вопроса о золотѣ: „земцы" желали сохранить его въ Иркутскѣ, „совѣтъ" министровъ, соглашаясь на передачу „земству" власти, требовалъ отправки золота на востокъ „подъ охрану союзниковъ, впредь до образованія единой общепризнанной власти въ Россіи".

27 утромъ Сычевъ получилъ телеграмму изъ с. Листвиничнаго отъ командира семеновскаго дивизіона броневыхъ поѣздовъ Арчегова: ...„ двигаемся къ ст. Иркутскъ и давно были бы тамъ, но союзники энергично протестуютъ. Вчера весь день не разрѣшали продвинуться дальше Михалево (30 верстъ отъ Иркутска). Силами располагаемъ... У насъ настроеніе бодрое, у всѣхъ желаніе итти впередъ.[2]) Сычевъ издаетъ привѣт-

---

[1]) Губернское земство было „цѣликомъ эс-эровское". Меньшевики называли его „с-р вотчиной" (Раковъ).

[2]) Б. И. Элькинъ, опубликовавшій этотъ документъ (изъ собранія „Кабинета русской культуры" въ Берлинѣ) въ „Голосѣ Минувшаго", приводитъ и телеграмму „Чех-Сл. Дн." 28 декабря о какой-то семеновской части, находившейся будто-бы на иркутскомъ вокзалѣ и частью сдавшейся повстанцамъ, а частью разбѣжавшейся. Автору представляется это сообщеніе „непонятнымъ". Оно просто невѣрно.

ственный приказъ „славнымъ войскамъ Забайкалья.“ У защитниковъ города поднимается духъ. „Соглашеніе,“ пожалуй, и не нужно.

Эти колебанія были „не безызвѣстны“ П. Ц. Чтобы оказать давленіе—разсказываетъ N—и сдѣлать его (правительство) болѣе сговорчивымъ Городская Дума рѣшила произвести вооруженную, но мирную демонстрацію силъ, стоящихъ на сторонѣ центра. Представители Думы заѣхали къ управляющему губерніей, прося его дать приказъ милиціи и отряду о выступленіи на площадь для демонстраціи. Зная, что это будетъ вызовъ ген. Сычеву, послѣ котораго немедленно начнется бой, считая, что это является актомъ не нейтральнымъ, а активнымъ, Яковлевъ отказалъ, и демонстрація не состоялась. Движеніе пошло другимъ путемъ. Въ 3 часа Яковлевъ, у котораго въ то время пили чай главари Центра Ходукинъ и Алексѣевскій, сообщилъ, что начальникъ его отряда, кап. Рѣшетинъ, „именемъ управляющаго губерніей“ приказалъ двумъ ротамъ отряда выступить противъ гостиницы „Модернъ,“ гдѣ находилось правительство. Яковлевъ поѣхалъ ихъ уговаривать. Шелъ уже бой. N рисуетъ жанровую картину:... „методически стучали пулеметы, а въ сторонѣ отъ боя звонили ко всенощной. Яковлевъ вышелъ изъ саней и пошелъ пѣшкомъ. У какого-то забора вдругъ остановился и тяжело разрыдался. А позади разросталось второе декабрьское кровопролитіе, которое онъ тщетно с т а р а л с я у с т р а н и т ь“...

Въ это „отчаянное время“ по байкальскому тракту подоспѣвала на грузовыхъ автомобиляхъ помощь въ лицѣ 112 семеновцевъ. Вѣсть объ ихъ прибытіи, распространившаяся среди сычевцевъ, „ожидавшихъ своего конца“, подняла ихъ настроеніе. Но надо было бросить ее и въ ряды возставшихъ. Это и было сдѣлано Яковлевымъ. Офицеры возставшихъ увели тогда свои войска въ казармы: „Молча расходились солдаты по ка-

зармамъ, не понимая, почему ихъ именемъ управляющаго то бросаютъ въ бой, то отзываютъ"...

Самъ Яковлевъ еще 25 подалъ въ отставку, мотивируя свой отказъ несогласіемъ съ новой оріентаціей правительства на Семенова. Но только 28-го Яковлевъ фактически осуществилъ свое намѣреніе, прося Чер.-Водали сообщить Пепеляеву, съ которымъ онъ былъ „въ особыхъ личныхъ отношеніяхъ," что „долгъ свой онъ исполнилъ до конца". Въ тотъ-же день Яковлевъ „исчезъ съ группой солдатъ и офицеровъ изъ Иркутска, проклинаемый правыми, какъ глава и организаторъ возстанія и нѣкоторыми лѣвыми, какъ провокаторъ, сорвавшій выступленіе 27 декабря своимъ сообщеніемъ о прибытіи семеновцевъ"...

Непонятна вся эта двойственная роль губернскаго комиссара, эс-эра, перваго предсѣдателя „революціоннаго иркутскаго земства". Его характеристику даетъ Гинсъ:

„Безусловно даровитый губернаторъ, соціалистъ по убѣжденіямъ, Яковлевъ всегда сочувствовалъ оппозиціи и покровительствовалъ ей. Яковлевъ — человѣкъ тонкій и лукавый. На каторгу онъ попалъ за участіе въ экспропріаціи, въ тюрьмѣ онъ сочинилъ кантату съ вѣрноподданническимъ мотивомъ, въ губернаторы попалъ при Павлѣ Михайловѣ, а довѣріемъ пользовался и у Пепеляева. Правительство всегда относилось къ Яковлеву съ сомнѣніемъ, но дорожило имъ... какъ представителемъ лѣвыхъ теченій, сближеніе съ которыми всегда являлось предметомъ вожделѣній омской власти... Я убѣжденъ, хотя и не могу этого доказать иначе, какъ косвенными уликами, что Яковлевъ принималъ участіе въ подготовкѣ переворота. Но онъ не могъ сочувствовать передачѣ власти большевикамъ, которые никогда не простили-бы ему службы омскому правительству... Ходъ событій привелъ къ мосту, переброшенному отъ омскаго правительства прямо къ большевикамъ. Поэтому Яковлевъ 28 декабря счелъ за благо уйти" (II, 485—6).

Двойственность Яковлева (онъ первый предупредилъ Пепеляева о заговорѣ) можетъ быть до нѣкоторой степени понята только въ томъ случаѣ, если предположить, что Яковлевъ, сочувствующій эс-эрамъ, считалъ ихъ тактику безнадежной и хотѣлъ дѣйствительно избѣжать кровопролитія[1]). И все-таки многое остается неяснымъ и страннымъ. Для проф. Легра Яковлевъ — вождь иркутскаго возстанія.

Дѣйствующимъ лицомъ на иркутской аренѣ оставался кап. Рѣшетинъ, вошедшій еще раньше, до возстанія, въ соглашеніе съ подпольной организаціей коммунистовъ. 28-го утромъ со своими большевицкими частями (это и была „національная сибирская революціонная армія"), Рѣшетинъ повелъ изъ Глазкова наступленіе на городъ, но былъ отброшенъ. Враги стали на берегахъ и такъ какъ силы были почти равны, то „борьба затянулась также, какъ и въ 1917 г., на 9 тяжелыхъ дней"... Въ это время „господа иностранные высокіе комиссары— заключаетъ авторъ иркутской лѣтописи — сидя въ своихъ вагонахъ на станціи, которую они предусмотрительно объявили нейтральной, наблюдали борьбу, ожидая развязки". 29-го бой продолжается. 30-го сычевскіе егеря переходятъ на сторону Рѣшетина, но на слѣдующій день возвращаются назадъ[2]). Судьба части ихъ была печальна—

[1]) По словамъ Ширямова, въ серединѣ е щ е д е к а б р я иркутскій комитетъ большевиковъ получилъ черезъ жену одного изъ партійныхъ работниковъ, Масину-Янсонъ, предложеніе отъ Яковлева командировать для переговоровъ съ нимъ представителя комитета. Имъ былъ Ширямовъ. „Предупредивъ меня — разсказываетъ послѣдній — что онъ былъ, остается и останется навсегда непримиримымъ врагомъ совѣтской власти, онъ сказалъ, что считаетъ не только дѣло Колчака проиграннымъ и дни его власти сочтенными по минутамъ, но и глупою и наивною попытку эсеровъ захватить власть... Онъ не вѣрилъ въ успѣхъ возстанія, но если бы даже оно удалось — ясно, это была бы власть на часъ." Комитетъ, разсмотрѣвъ предложеніе Яковлева — о гарантіи, что его помощники не будутъ преслѣдоваться совѣтской властью, постановилъ „никакихъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ Яковлевымъ не вести" („П. Дн." 25-6). Въ дни возстанія, однако, переговоры возобновились.

[2]) „Ихъ убѣдили въ казармахъ — говоритъ Гинсъ — что переворотъ дастъ миръ. Но когда революціонный штабъ предложилъ

они были перебиты во время перебѣжки; раненыхъ... никто не хотѣлъ убирать. И они замерзали, обращались въ комья, которыя топорами вырубались по окончаніи боевъ... 31-го начался бой съ подошедшими семеновцами[1]). Бой повелъ Калашниковъ во главѣ двухъ батальоновъ 53 полка и пулеметной команды подошедшаго партизанскаго отряда. Успѣхъ колебался. Въ это время желѣзнодорожники остановили броневой поѣздъ Семенова, пустивъ ему навстрѣчу паровозъ. Удачной атакой Калашниковъ захватилъ 70 чел. плѣнныхъ. „Иркутское возстаніе было спасено этой минутой“ — говоритъ обозрѣватель. Во время боя „на правомъ берегу Ангары сотни иркутянъ, собравшись у зданія университета, съ разными чувствами слѣдили за исходомъ.

— Семеновцы разбиты, семеновцы побѣжали — пошла молва по городу. Исчезли послѣднія надежды на спасеніе совѣта министровъ, исчезла послѣдняя угроза революціонному Иркутску.

— Но что же японцы?

— Ничѣмъ не могли помочь...

— Почему же? Союзники опять помѣшали?

— Нѣтъ. Смѣшно сказать, но ихъ четыре эшелона, слѣдовавшихъ въ Иркутскъ, напугавшіе чеховъ и русскихъ, оказались почти съ пустыми вагонами“.

Поведеніе семеновцевъ не совсѣмъ понятно — оно какъ то слишкомъ пассивно. Шведъ Эссенъ, проводившій этотъ день на вокзалѣ, опредѣляетъ число ихъ „на глазъ“ отъ 1500—2000 чел.[2]). Побѣдоносныя реляціи „нар.-рев. арміи“ первый же день боя представляютъ разгромомъ семеновцевъ: „потери убитыми и ранеными велики; у насъ одинъ убитъ и шесть ранены“. Въ чемъ секретъ этого страннаго отступленія и пассивности всѣхъ

имъ занять передовую линію, они опять перебѣжали“ (II, 488). Возможно, что на это рѣшеніе повліяло и прибытіе семеновскаго отряда.

[1]) Оперативная сводка „нар.-рев. арміи“ исчисляетъ эту помощь въ 600 чел. („II. Дн.“ 171).

[2]) Zwischen der Ostsee und dem Stillen Ozean.

дѣйствій? Или у Семенова не было большого стремленія спасать колчаковское правительство или его помощь встрѣтила слишкомъ большую оппозицію у Союзниковъ[1]), не всегда пребывавшихъ въ состояніи того „страннаго нейтралитета", о которомъ говорилъ въ Иркутскѣ Благошъ сотруднику Р. Т. А. 1 января Благошъ отмѣчалъ въ интервью, что семеновцы не были лояльны и не очистили жел. дороги, но чехи выступятъ только въ томъ случаѣ, если возстаніе приметъ „большевицкій характеръ" („Из. Р. Т. А." № 148). По словамъ того же Эссена, чехи не скрывали своихъ чувствъ: „было ясно видно, что симпатіи чеховъ принадлежали краснымъ" [2]). Въ значительной степени правъ Ганъ, утверждающій, что „нейтралитетъ" союзниковъ свелся къ недопущенію семеновцевъ соединиться съ правительственными войсками („Два возстанія" 174).

1 января разгорѣлся „самый упорный и самый жестокій уличный бой". „Ухали пушки, трещали въ морозномъ туманѣ пулеметы и ружья. Въ первый день новаго года братъ убивалъ брата, товарищъ товарища"— описываетъ все тотъ же современникъ: „Съ небывалымъ ожесточеніемъ обѣ стороны шли другъ на друга, добивая раненыхъ, не беря никого въ плѣнъ. На сторонѣ Рѣшетина дрались даже подростки 14—16 лѣтъ; у Сычева ихъ ровесники ученики кадетскихъ корпусовъ. Наступленіе снова и съ большими потерями было отбито отчасти и потому, что въ бою впервые приняли участіе семеновцы, прибывшіе съ тракта и на пароходѣ изъ Листвиничной съ Байкала".

Городская милиція продолжала держать нейтралитетъ; почти аналогичную позицію занимали и казаки. Надо было какъ-то разрубить узелъ запутывавшихся событій. На сцену выступаютъ „нейтральные" союзники.

[1]) Именно этимъ давленіемъ Дюбарье объясняетъ отходъ семеновцевъ (143).

[2]) На глазахъ очевидца-шведа застрявшіе семеновцы были выданы противнику.

3. Переговоры.

По разсказу N, иниціатива пришла отъ ген. Жанена, рѣшившаго подъ вліяніемъ якобы Сырового „кончить затянувшуюся борьбу, приведя обѣ стороны къ миру въ пользу П. Ц., представители котораго дневали и ночевали въ вагонѣ ген. Жанена". По словамъ Гинса и въ изображенін документа, носящаго названіе „Стенографическій отчетъ переговоровъ о сдачѣ власти омскаго правительства Пол. Центру въ присутствіи высокихъ комиссаровъ высшаго военнаго командованія Державъ, г. Иркутскъ (станція). Январь 1920 г." [1]), — иниціатива исходила отъ „троекторіи" (такъ называлось министерство Червенъ-Водали, Ханжина, Ларіонова, несшихъ еще „бремя власти").

Намъ предстоитъ вновь попасть на представленіе написанной въ торжественныхъ тонахъ лже-классицизма траги-комической пьесы, которая разыгрывалась на иркутскихъ подмосткахъ.

Картина первая представляетъ засѣданіе 2 янв. въ вагонѣ ген. Жанена. Присутствуютъ высокіе комиссары Франціи, Англіи, представители Соед. Штатовъ, Японіи и Чехіи (персонально Монгра, Ходсонъ, Гаррисъ, Като, Блосъ и др.). Ждутъ прибытія членовъ правительства адм. Колчака. Открывается засѣданіе. Жаненъ указываетъ на необходимость достигнуть если не соглашенія между противными партіями, то, по крайней мѣрѣ, мира и прекращенія кровопролитія. Для того, чтобы имѣть ясное представленіе о всемъ происходящемъ, необходимо выслушать обѣ стороны.

К а т о (нервно). О чемъ они будутъ просить?

Ж а н е н ъ (раздраженно). О пустякахъ. Вы можете быть въ этомъ увѣрены.

---

[1]) Изданъ въ Харбинѣ 1921 г. На изданіи имѣется помѣтка: стенографировано Эд. Джемсомъ. Кто же этотъ Джемсъ? Принимая во вниманіе присутствіе при переговорахъ маіора Марино, можно думать, что стенографистъ — одинъ изъ его агентовъ.

Затѣмъ Жаненъ говоритъ, что „войска Семенова абсолютно не способны защитить свое правительство... Они бы принесли гораздо больше пользы, если бы оставались спокойно въ Читѣ. Здѣсь же они только мѣшаютъ движенію (желѣзнодорожному)".

Монгра. Но вѣдь это революціонеры портятъ путь.

Де-Латуръ (маркизъ-маіоръ). Потому что тамъ войска Семенова...

Входитъ Червенъ-Водали. Рѣчь его носитъ странный характеръ въ передачѣ стенограммы Джемса. Она грубо элементарна — очевидно, въ цѣляхъ воздѣйствія на высокихъ комиссаровъ... Такая демагогія была, однако, въ корнѣ ошибочна. Червенъ-Водали говоритъ, что политика правительства была до сихъ поръ никуда негодной:

„Мы подѣлились нашими[1]) впечатлѣніями съ адм. Колчакомъ, но... онъ... не сдѣлалъ ничего другого, какъ только передалъ власть Пепеляеву. Это обстоятельство поставило насъ передъ слѣдующей дилеммой: или дать возможность образоваться совершенно реакціонному кабинету и отказаться войти въ него или же согласиться и сотрудничать съ Пепеляевымъ, чтобы попытаться по возможности улучшить положеніе". Лица, прибывшія съ юга Россіи, выбрали послѣднее. Дальше Чер.-Водали излагаетъ политику соглашенія съ земцами, но послѣдніе высказались въ пользу соглашенія съ большевиками. Такая точка зрѣнія была недопустима. „Вы, можетъ быть, думаете, что движеніе, которое теперь развертывается передъ вашими глазами, ни что иное, какъ движеніе соц.-рев. земства, но мы убѣждены, что это не такъ. Сегодняшнее возмущеніе направлено къ тому, что открыть дверь большевизму". Указывая, что оставшіеся министры намѣреваются предложить адмиралу передать титулъ верховнаго правителя Деникину, Червенъ-Водали ставитъ вопросъ: „можетъ ли правительство разсчитывать на поддержку въ борьбѣ съ возмущеніемъ".

[1]) Рѣчь идетъ о впечатлѣніяхъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей кадетскаго лагеря, которые прибыли съ юга.

Дипломатическіе делегаты и военные представители удаляются и затѣмъ сообщаютъ, что „не имѣютъ возможности дать окончательный отвѣтъ на предложенный вопросъ". [1]) Тогда Ч.-Водали указываетъ, что остается только просить о посредничествѣ и объ установленіи перемирія. Правительство готово принять слѣдующія условія:

1) „Военныя дѣйствія между обѣими сторонами должны быть немедленно прекращены. Чтобы гарантировать исполненіе этого перваго пункта, городъ, станція и предмѣстіе Глазково будутъ заняты войсками союзниковъ.

...Союзники... обезпечатъ свободный проѣздъ на Востокъ адм. Колчаку, предсѣд. Совѣта Пепеляеву, министру Устругову и другимъ военнымъ и политическимъ дѣятелямъ, желающимъ быть эвакуированными... Будетъ обезпечена быстрая эвакуація Иркутскаго гарнизона, который за недостатком подвижного состава отправится форсированнымъ маршемъ до Байкала, чтобы затѣмъ пароходомъ переправиться до Мысовой. Также будетъ разрѣшено Правительству, чиновникамъ правительств. учрежденій и ихъ семьямъ покинуть область. Кромѣ того, Союзное Командованіе обезпечитъ всему русскому золоту... эвакуацію на Востокъ. Золотой запасъ, находящійся въ поѣздахъ, долженъ считаться принадлежащимъ Всероссійскому Правительству и, слѣдовательно, не можетъ быть переданъ никакому частному Правительству, а только представителю всей страны, и все это подъ охраной междусоюзническихъ частей и при формальномъ удостовѣреніи Высокихъ Комиссаровъ...

[1]) Гинсъ отмѣчаетъ своеобразную черту въ поведеніи Жанена. Онъ заявляетъ протестъ противъ назначенія Каппеля безъ предварительнаго договора съ нимъ, какъ съ командующимъ союзными войсками (II, 498). Если союзъ не разорванъ, очевидно, ген. Жаненъ пренебрегъ первѣйшими своими обязанностями. Большевицкіе историки видятъ въ нейтралитетѣ союзниковъ фактическую поддержку возставшихъ. (Субботовскій 168). Во всякомъ случаѣ было ясно, что союзники не поддерживаютъ больше Колчака (Кроль). Не далека была отъ истины Гришина-Алмазова, писавшая въ своихъ воспоминаніахъ (Харбинскій „Русскій Голосъ", февраль 21 г.): „кап. Калашниковъ со всѣми его недисциплированными частями не посмѣлъ бы шевельнуть и пальцемъ при одномъ лишь твердомъ заявленіи со стороны иностраннаго командованія".

Что касается бумажныхъ денегъ... можно будетъ оставить... нѣкоторую часть новой власти, приблизительно... одну десятую...

Мы не желаемъ и не можемъ передать нашу Правительственную власть, т. к. считаемъ себя центральной властью всей Россіи, тогда какъ здѣсь составится только областная организація" (13—14).

Отвѣтъ „Союзныхъ Комиссаровъ" гласилъ:

„Союз. Выс. Комиссары были бы готовы оффиціально предложить услуги для того, чтобы установить отношенія между обѣими сторонами и, слѣдовательно, прозондировать членовъ Иркутскаго Полит. Центра на тотъ случай, если бы они были готовы начать переговоры съ Правительствомъ. Союзн. Представители, однако, считаютъ для себя невозможнымъ распространить свое вмѣшательство такъ далеко, а также не могутъ взять на себя отвѣтственность за исполненіе предложенныхъ условій, они должны обсуждаться непосредственно между делегатами обѣих сторонъ".

Запрашивается кап. Калашниковъ. Тотъ отвѣчаетъ:

„Хотя мы и располагаемъ достаточными силами, чтобы достичь хорошаго результата при помощи оружія, я присоединяюсь къ предложенію Гг. Выс. Комессаровъ намъ дружественныхъ Державъ, сдѣланному... во имя человѣколюбія и чтобы остановить кровопролитіе въ безполезной борьбѣ между гражданами одной страны".

Представители П. Ц., находившіеся въ это время въ штабѣ револ. войскъ, присоединяются къ декларації кап. Калашникова и назначаютъ трехъ делегатовъ для переговоровъ.

Такимъ образомъ устанавливается перемиріе на 24 часа.

Первое дѣйствіе закончено.

* * *

3 января.

Делегаты правительства собираются въ поѣздѣ ген. Жанена; представители П. Ц. въ поѣздѣ Ходсона. Про-

исходитъ обмѣнъ условіями, которыя пересылаются со смѣшной торжественностью въ запечатанныхъ конвертахъ. Отвѣтныя условія П. Ц. заключали слѣдующія пункты:

„1) Во время перемирія не должно быть предпринято ни одно военное дѣйствіе.

2) Въ настоящее время изъ Иркутска не могутъ быть вывезены или эвакуированы имущество и драгоцѣнные предметы Правительства.

3) Пароходы, какъ и всякая другая національная собственность, которые были увезены куда-либо правительствомъ Адм. Колчака, должны быть возвращены.

4) Войска Семенова должны отступить за предѣлы Иркутской губ.

5) Охрана тунелей и путей отъ Слюдянки до Иркутска будетъ поручена и немедленно передана войскамъ Націон. Революц. Арміи.

6) Юнкерскія школы и всѣ политическія организаціи, принимавшія участіе въ бою, будутъ разоружены.

7) Локомотивы и весь подвижной составъ Иркутской ж. д. сѣти должны остаться на мѣстѣ.

8) Адм. Колчакъ долженъ немедленно подать въ отставку.

9) Совѣтъ Министровъ долженъ подать въ отставку.

10) Ат. Семеновъ долженъ отказаться отъ всѣхъ должностей, которыя ему были пожалованы Адм. Колчакомъ.

11) Политическія личности, которыя виноваты въ настоящей гражданской войнѣ, должны быть переданы Новому Правительству.

12) Всѣ виновныя лица должны быть преданы суду“ (20—21).

Правительственная делегація проситъ враждебную партію отказаться отъ пунктовъ 11 и 12, указывая, что „правительство всегда пыталось найти мирный исходъ; въ конфликтѣ всецѣло виновны возставшіе“. Представители П. Ц. упорствуютъ:

„Отвѣты, данные Правительствомъ на 12 пунктовъ нашихъ условій перемирія, производятъ впечатлѣніе полнаго отсутствія искренности. Кажется, будто Правитель-

ство желаетъ выиграть время, чтобы возстановить свои силы и мобилизовать ихъ въ Забайкальѣ съ тѣмъ, чтобы продолжать гражданскую войну, отъ которой уже достаточно страдала страна. Согласно условіямъ, которыя намъ предложены, вновь установленная власть съ самаго начала была бы подъ угрозой отъ власти, находящейся въ Забайкалѣ. Не имѣя достаточно смѣлости, чтобы съ пользой провести задачу демократической реорганизаціи, которую власть хочетъ предпринять, эвакуація частей Сибирской Арміи открыла бы совершенно свободный доступъ въ страну Совѣтскимъ войскамъ (sic!). Къ тому же образованіе Новаго Государства въ Забайкальѣ заставило бы новое Правительство капитулировать передъ большевизмомъ. Эти отвѣты ни въ какомъ случаѣ не могутъ удовлетворить делегатовъ Политическаго Центра" (23).

Такъ или иначе, въ концѣ концовъ, делегаты обѣихъ сторонъ рѣшаютъ все-же собраться вмѣстѣ. Опять идутъ пренія о невывозѣ цѣнностей, о недопустимости эвакуаціи арміи, потому что предполагается организовать „буферное" государство и армія должна быть съ правительствомъ („демократическое правительство", по словамъ с.-д. Ахматова, „не покидаетъ мысли о борьбѣ съ большевизмомъ").

Предложено перемиріе продолжить еще на 12 часовъ.

* * *

4 января.

Налицо представители П. Ц. Члены правительства отсутствуютъ. Иваницкій-Василенко спрашиваетъ высокихъ комиссаровъ:

..."Мы достаточно сильны, чтобы отбросить реакцію, но мы безпокоимся за то, что можетъ произойти извнѣ. Вотъ почему мы обращаемся къ Вамъ, г. г. Выс. Комиссары, и надѣемся, что Вы дадите намъ искренній отвѣтъ, обращаясь не только къ намъ, но и ко всему народу въ странѣ и арміи, которые спрашиваютъ Васъ, не окажетъ ли союзное вмѣшательство въ видѣ союз-

ныхъ войскъ помощь для спасенія умирающаго правительства?"

Монгра. Я могу отвѣтить отъ имени Иностран. Представителей, что иностранныя войска сохранятъ полнѣйшій нейтралитетъ и не вмѣшаются въ борьбу П. Ц. противъ настоящаго Правительства.

Въ ожиданіи членовъ правительства засѣданіе не открывается[1]). „Это наводитъ на подозрѣніе относительно соблюденія перемирія" — безпокоится Ахматовъ. Союзные комиссары смотрятъ на часы и „качаютъ головою." Врывается новый персонажъ въ лицѣ какого-то казачьяго офицера. Снявъ папаху, онъ произноситъ довольно сумбурную (во всякомъ случаѣ по записи Джемса) рѣчь:

„Я представитель Казачьихъ Войскъ... Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы довести до свѣдѣнія г. г. представителей Полит. Центра, что у меня есть бумага, уполномачивающая меня (...) начать переговоры съ вами. Иркутскія войска, все время имѣющія въ виду борьбу съ большевиками, были искусственнымъ образомъ вовлечены къ употребленію оружія противъ Земствъ. Желая покончить возможно скорѣе эту борьбу, измѣннически замышленную Правительствомъ, мы рѣшили, что сегодня въ 12 ч. ночи, каково бы ни было принято рѣшеніе, протрубить сборъ всѣхъ нашихъ частей и объявить, что мы не желаемъ больше принимать участія въ борьбѣ. Къ тому-же... мы еще ставимъ въ извѣстность Полит. Центръ о слѣдующемъ: настоящая борьба больше продолжаться не можетъ, продолженіе ея только развиваетъ большевизмъ и возбуждаетъ страсти. На фронтѣ въ Канскѣ у насъ есть полкъ, который мы желаемъ эвакуировать и поставить въ безопасное мѣсто. Для этого мы обращаемся къ Полит. Центру, которому къ тому же объявляемъ, что мы не потерпимъ никакого вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла, рѣшаемыя выборными депутатами, избира-

[1]) Это опозданіе Дюбарбье объясняетъ переговорами правительства съ представителями Семенова въ поѣздѣ высокаго англійскаго комиссара (144). Члены правительства свое запозданіе объяснили сильнымъ туманомъ на Ангарѣ.

емыми среди казачьихъ войскъ и казачьяго народа. Я вамъ говорю это съ согласія Казачьяго Круга."

Послѣднія слова произвели „ошеломляющее впечатлѣніе" на всѣхъ присутствующихъ... нѣкоторое молчаніе... Казачій офицеръ стоитъ на мѣстѣ, ожидая отвѣта и желая подать свое ввѣрительное письмо... никто не беретъ его...

Отвѣчаетъ, наконецъ, Ахматовъ:

„Отъ имени Полит. Центра я прошу Васъ передать Казачьимъ Войскамъ и Народу, что мы благодаримъ ихъ за то... что они поняли... свое мѣсто. По отношенію къ нимъ мы исполнимъ обязательства, которыя мы на себя приняли. Они не будутъ преслѣдуемы, такъ какъ они были искуственно вовлечены въ борьбу. Мы ручаемся, что оставимъ неприкосновеннымъ образъ демократическаго историческаго Казачьяго Правленія, который казаки установили у себя уже такъ давно". (47).

Прибываютъ, наконецъ, члены правительства, и начинается словопреніе о сдачѣ власти:

„Ахматовъ. Сегодняшнее засѣданіе начинается съ большимъ запаздываніемъ, перемиріе близится къ концу и... ввиду того, что мы вчера обсудили политическую сторону всѣхъ вопросовъ, мы можемъ сегодня строго ограничиться практическимъ рѣшеніемъ и привести нашу работу къ двумъ пунктамъ:

1) Актъ отреченія Адмирала Колчака и отставка министровъ.

2) Передача власти Полит. Центру.

Я долженъ Вамъ, Господа заявить, что Политич. Центръ рѣшилъ ни въ коемъ случаѣ сегодня послѣ 12 часовъ ночи не продолжать перемиріе, и приказъ Полит. Центра послѣдовалъ Военному Командованію о возобновленіи военныхъ дѣйствій, если отъ насъ не поступитъ другой приказъ до 11 съ половиной часовъ.

Черв.-Водали. Позвольте мнѣ спросить по поводу перваго пункта? Распространится ли Ваша Власть на всю Россію или она будетъ только въ Сибири. Мнѣ кажется, что она скорѣе мѣстная ввиду своего примитивнаго характера. Разрѣшивъ этотъ вопросъ, мы легче

можемъ приступить къ другимъ. Мы совершенно согласны съ Вами относительно адмирала Колчака и... мы считаемъ, что созданное имъ правительство не можетъ быть возстановлено... тѣмъ не менѣе... идея общей власти должна быть сохранена. Колчакъ долженъ сойти со сцены и одновременно съ нимъ Совѣтъ министровъ. Онъ же передаетъ Вамъ всю Власть. Оставляя въ сторонѣ общую русскую Власть, Омское Пр-во, передавая всѣ свои права съ точки зрѣнія Сибири,... настоятельно желало бы, чтобы Власть на Всю Россію была бы передана единственному Представителю Русскаго Объединенія — Ген. Деникину. Я уже говорилъ объ этомъ съ моими коллегами, у насъ не было достаточно времени въ нашемъ распоряженіи для осуществленія этого желанія. Мнѣ кажется, что и теперь... это очень важно, чтобы не забылась... мысль объ единой Россіи. Мы полагаемъ, что Полит. Центръ не таитъ въ своихъ намѣреніяхъ никакой идеи сепаратизма, и что отдѣленіе Сибири лишь временное явленіе.

Ахматовъ. Мысль о передачѣ Власти, которая была въ рукахъ Адмирала, Ген. Деникину должна быть въ настоящее время оставлена. Отъ Адмирала до сихъ поръ не имѣется извѣстій. Насколько доходятъ сюда свѣдѣнія съ юга, участь Сибири постигнетъ и территорію Южнаго Пр-ва Деникина. Можно со спокойной душою сказать, что происходитъ самоликвидація всероссійскаго Пр-ва, основаннаго Адм. Колчакомъ и только, такъ какъ Союзники это Пр-во Всероссійскимъ не признавали. Мнѣ кажется, что Пр-во безъ территоріи въ гражданской войнѣ не есть Пр-во. Этого... Гг... не слѣдуетъ забывать. Образуя Сибирское Пр-во, мы не покидаемъ мысли объ Единой Россіи, но у насъ совершенно иные способы осуществить это, чѣмъ у Васъ. Мы желаемъ произвести объединеніе всѣхъ демократическихъ ячеекъ, которыя составились вокругъ совѣтской власти. Онѣ пріобрѣтутъ власть и примутъ всѣ вмѣстѣ взятыя единую Россію [1]). Отставка Колчака должна быть пол-

---

[1]) Эту тактику Ахматовъ болѣе подробно изложилъ въ предшествовавшемъ засѣданіи: „Антибольшевицкія массы скорѣе склонны оставаться пассивными. Если намъ удастся сообщить русскому крестьянину и солдату въ совѣтскихъ войскахъ о томъ, что мы дѣлаемъ на территоріи не занятой ими... если они узнаютъ, что мы даемъ на-

ная и совершенная, его министры также должны отказаться отъ власти въ Сибирскомъ Пр-вѣ.

Черв.-Водали. Я понялъ, что Власть Омскаго Пр-ва должна быть Вамъ передана въ смыслѣ Власти всей Россіи. Что касается Деникина, то не годится отклонять разрѣшенія этого вопроса, онъ... занимаетъ слишкомъ большое протяженіе территоріи и совершенно очевидно,... что наша отставка не можетъ означать его подчиненіе Вамъ... Лучше было не затрагивать этого вопроса"... (49-50).

Пол. Ц. желаетъ не только ликвидаціи правительства въ Иркутскѣ, но и преемственной передачи власти на всей территоріи Сибири:

„Черв.-Водали. ...Востокъ въ дѣйствительности... отъ насъ ускользнулъ. Было бы логичнѣе сказать, что мы перестаемъ существовать... прибавивъ, что въ теоріи власть должна быть передана Сибирск. Націон. Собранію, которое опредѣлитъ ея будущую форму.

Ахматовъ. По этому поводу мы можемъ принять рѣшеніе, которое мы формулируемъ такимъ образомъ: „Власть передается Націон. Собранію, которое будетъ созвано Полит. Центромъ или Правительственнымъ Органомъ, созданнымъ этимъ послѣднимъ и берущимъ на себя Власть до созыва Собранія". Это можно принять при условіи, что нѣкоторые другіе пункты

роду истинную демократическую власть, къ чему мы стремимся, и ихъ побѣдоносное наступленіе перейдетъ въ колебаніе и замѣшательство... (34).

...Мы хотимъ привлечь симпатію массъ съ обѣихъ сторонъ фронта, примѣнивъ къ исполненію два принципа: 1) Переходъ къ чисто демократической конституціи. 2) Дать всѣмъ возможность передохнуть для переобразованія арміи и страны. Между временемъ мы предпримемъ мирные переговоры съ Совѣтской Россіей, и солдаты будутъ знать, что передъ ними та демократія, противъ которой имъ нѣтъ смысла воевать. Войска, взявшія Омскъ, составлены изъ Уральскихъ и Пермскихъ крестьянъ, которые были Вами обмануты. Они однако, не большевики и зная, что мы либералы, и что Колчаковскій царизмъ больше не существуетъ, они начнутъ колебаться, ихъ духъ ослабѣетъ, намъ будетъ время вздохнуть. Вамъ, можетъ быть, кажется это высокой фантазіей, и Вы предпочитаете ѣхать къ Семенову... (37).

получать удовлетвореніе. Самое главное,... это отдать въ наши руки всѣ цѣнности, которыми располагаетъ Правительство". (57-54).

Нудно тянутся переговоры и неожиданно сразу обрываются. Приходитъ сообщеніе, что правительственныя войска уже оставили городъ. Тогда вмѣшивается Жаненъ и беретъ на себя охрану города. Но кап. Калашниковъ успѣлъ его предупредить и ввести въ городъ свои войска, — конечно, „по просьбѣ самого населенія".

Переговариваться уже не о чемъ. Всѣ расходятся, „не подписавъ ни протокола, ни порядка дня". 11 час. 25 мин. вечера. Делегаты враждебныхъ партій мирно бесѣдуютъ маленькими группами. Получается впечатлѣніе вечера, который заканчивается... Всѣ смѣются, даже раздаются шутки... Слышно, какъ на перронѣ вокзала разставляются караулы революціонныхъ войскъ... Всѣ эти штрихи зарегистрировала стенографическая запись.

Я думаю, самъ читатель дастъ оцѣнку этого изумительнаго документа и персонажа, въ немъ фигурирующаго. Только прочитавъ его цѣликомъ, можно понять всю бытовую красочность одной изъ послѣднихъ драмъ гражданской войны. Шутка и смѣхъ... могли быть жуткимъ предзнаменованіемъ личной судьбы Червенъ-Водали.

* * *

Въ дни „переговоровъ" при „нейтралитетѣ" союзниковъ въ пользу Пол. Ц., при отсутствіи активной помощи со стороны Семенова, при своеобразномъ нейтралитетѣ части русскихъ вооруженныхъ силъ дѣло правительства, очевидно, уже было проиграно. Это должно было быть ясно „троекратіи". Поэтому очень неблагопріятное впечатлѣніе производитъ фактъ посылка „Со-

вѣтомъ" министровъ 3 января телеграмма верховному правителю съ предложеніемъ отказаться отъ власти въ пользу Деникина:

..."Положеніе въ Иркутскѣ... заставляетъ насъ... рѣшиться на отходъ на востокъ, выговаривая черезъ посредство союзнаго командованія... переводъ на востокъ антибольшевицкаго центра, государственныхъ цѣнностей и тѣхъ изъ войсковыхъ частей, которыя этого пожелаютъ. Непремѣннымъ условіемъ вынужденныхъ переговоровъ объ отступленіи является ваше отреченіе, такъ какъ дальнѣйшее существованіе въ Сибири возглавляемой вами россійской власти невозможно. Совминъ единогласно постановилъ настаивать на томъ, чтобы вы отказались отъ правъ верховнаго правителя, передавъ ихъ ген. Деникину... Это дастъ возможность согласить идею единой всероссійской власти, охранить государственныя цѣнности и предупредить эксцессы и кровопролитіе, которыя создадутъ анархію и ускорятъ торжество большевизма на всей территоріи. Настаиваемъ на изданіи вами этого акта, обезпечивающаго отъ окончательной гибели русское дѣло. О необходимости обезпечить передачу верховной власти Деникину телеграфировалъ уже раньше Сазоновъ" („П. Дн." 162-3). [1])

Это былъ ненужный уже жестъ. Его возможно объяснить только полной растерянностью иркутской власти и слабой надеждой, такимъ путемъ воздѣйствовавъ на ген. Жанена и Сырового, совершить ту эвакуацію на востокъ, о которой говорила вторая половина посланной адмиралу телеграммы. [2])

---

[1]) Это обращеніе Сазонова 2 января я нашелъ пока только у Грондижа; дѣло идетъ, очевидно, о кооператорѣ Сазоновѣ. Обращеніе Сазонова заканчивалось словами: „Кончите ненужное кровопролиніе, покиньте власть и передайте возстановленіе Россіи именемъ народа." „Что иное выражаетъ эта тирада, — добавляетъ отъ себя Грондижъ — какъ не констатированіе слабости правительства, которому нанесенъ въ спину ударъ кинжаломъ" (545). Авторъ правъ въ этой оцѣнкѣ. И приходится лишь пожалѣть, что Сазоновъ поддался настроеніямъ, измѣнилъ своей послѣдовательной линіи поведенія и проявилъ слабость въ такой тяжелый для Колчака моментъ. Точно ли, однако, Грондижъ передалъ обращеніе Сазонова?

[2]) Можетъ быть, вліяло и сознаніе того, что при „злобномъ" отношеніи къ адмиралу (Гинсъ II, 497) безъ такого отказа нельзя будетъ

Жизнь всегда разбиваетъ утопіи. Гинсъ говоритъ, что онъ предупреждалъ „троекторію“, что „заключеніе перемирія до принятія противникомъ предварительныхъ условій и безъ полученія отъ союзниковъ письменной гарантіи, что они будутъ поддерживать основныя условія, было равносильно предательству“ (492). Гинсъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что фактически „передачи“ власти Пол. Ц. не произошло и что „согласія на такую передачу никогда оффиціально заявлено не было“. „Политическая смерть — заключаетъ онъ — лучше измѣны убѣжденіямъ“...

По внѣшности легкую побѣду П. Ц. дало бѣгство ген. Сычева. Одна деталь объясняетъ поведеніе начальника иркутскаго гарнизона. Въ моментъ обсужденія въ „совѣтѣ“ министровъ вопроса о передачѣ власти, Чер.-Водали вызвалъ Сычева и заявилъ ему, что правительство уже рѣшило сдать власть (Гинсъ II, 496). Сычеву послѣ этого ничего не оставалось болѣе, какъ отдать приказъ о стягиваніи остатковъ войскъ въ опредѣленное мѣсто для отступленія: вѣдь „виновники“ борьбы подлежали отвѣтственности.

Отступленіе остатковъ сычевскаго гарнизона сопровождалось вывозомъ арестованныхъ раньше участниковъ возстанія въ количествѣ 31 человѣка [1]). Попавъ позже въ руки отряда ген. Скипетрова, они, какъ сообщалось, погибли ужасной смертью. Эту гибель сдѣлали демагогическимъ средствомъ агитаціи противъ Колчака. Парижская „Pour la Russie“, не колеблясь, приписала и здѣсь отвѣтственность лично верховному правителю: онъ взялъ изъ Иркутса „заложниковъ“ и передалъ ихъ Семенову, а проф. Легра не только отмѣтилъ эту отвѣтственность въ дневникѣ (это было бы еще понятно), но и черезъ 10 лѣтъ твердо стоитъ на своей по-

гарантировать выѣздъ Колчака. Послѣдній прислалъ согласіе на отреченіе въ Верхне-Удинскѣ.

[1]) „Pour la Russie“ (№ 19—6 марта) исчисляла число „заложниковъ“ въ 80 человѣкъ — цифра никѣмъ другимъ не устанавливаемая.

зиціи. (Причемъ здѣсь Колчакъ, изолированный и фактически „арестованный“ въ Нижне-Удинскѣ?). Въ дѣйствительности это было, конечно, однимъ изъ безумій гражданской войны, вызваннымъ чувствомъ мести со стороны тѣхъ безотвѣтственныхъ, огрубѣлыхъ и примитивныхъ людей, которыхъ было такъ много въ Сибири. „Садическій разгулъ агентовъ забайкальскаго атамана предрѣшилъ судьбу адм. Колчака“ — констатируетъ Парфеновъ, но никто, кажется, потомъ не поднималъ голоса протеста противъ разгула появившагося въ Иркутскѣ партизанскаго отряда Каландарашвили, который жестоко расправлялся съ учениками кадетскихъ корпусовъ, участвовавшими въ бояхъ.

Обстановка, при которой произошла забайкальская расправа, можетъ быть, даже снимаетъ долю отвѣтственности за нее и съ непосредственныхъ начальниковъ семеновскихъ отрядовъ. Послѣ конфликта 1 января съ чехами (на ст. Байкалъ семеновскіе солдаты были обстрѣляны чехами изъ пулеметовъ) семеновцы прервали движеніе на жел. дорогѣ (сдѣлали это возможно, и не семеновцы). Для чехо-словаковъ перерывъ пути былъ зарѣзомъ. Они потребовали очищенія кругобайкальской жел. дор. отъ семеновскихъ войскъ. Такой ультиматумъ былъ предъявленъ Семенову черезъ японцевъ дипломатическимъ корпусомъ.

За ультиматумомъ послѣдовало 8 января насильственное разоруженіе отряда Скипетрова, причемъ по извѣщенію Пол. Ц. („Бюллетень“ № 7) операціями противъ семеновскихъ войскъ на Байкалѣ руководилъ самъ ген. Жаненъ. Въ такой обстановкѣ и п р о и з о ш л о убійство „заложниковъ“ 6 января—передъ этимъ были частично неожиданно разоружены отдѣльныя семеновскія части. Между тѣмъ самое разоруженіе оффиціально мотивировалось только фактомъ убійства заложниковъ.[1]) Спе-

[1]) Дюбарбье отмѣчаетъ, что семеновцами былъ обстрѣлянъ поѣздъ французской военной миссіи (146). Возможно, это и послужило

ціальная комиссія, организованная 13 января П. Ц. и разслѣдовавшая (при участіи представителей военныхъ миссій французской, британской, чешской и японской) условія гибели „заложниковъ“ на ледоходѣ „Ангара“, установила, что „звѣрское убійство на Байкалѣ было произведено по распоряженію начальника читинской контръразвѣдки Черепанова“. По свѣдѣніямъ комиссіи было убито 31 чел.: 13 соц.-рев. максималистовъ, 6 коммунистовъ-большевиковъ, остальные—сторонники Пол. Ц. Среди погибшихъ были такъ много сдѣлавшіе въ первый періодъ борьбы съ большевиками члены У. С. эс-эры П. Михайловъ и Б. Марковъ.[1]) Убійства задѣвали самолюбіе Жанена, потому что онъ до нѣкоторой степени гарантировалъ безопасность арестованныхъ (обращеніе П. Ц. къ комиссарамъ иностранныхъ державъ въ „Пос. Д.“ 179). Это не помѣшало генералу съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ при переговорахъ съ П. Ц., требовавшимъ выдачи виновныхъ въ расправѣ (они были арестованы чехами), заявить: „не будь меня, эти люди были бы въ Читѣ. Надо сдѣлать такъ, чтобы преступники получили надлежащую кару возмездія. Это надо обсудить въ военныхъ союзныхъ миссіяхъ“...

Но въ дѣйствительности „отцы крестные“ новой власти стремились только поскорѣе уѣхать изъ злосчастнаго Иркутска. „Содружество союзныхъ армій — говоритъ Грондижъ—распалось вслѣдствіе паденія Омскаго правительства. Онѣ разбились на разсѣянныя національныя группы, каждая изъ которыхъ, обуреваемая страхомъ запутаться въ сибирскихъ препятствіяхъ, пыталась съ этого момента бѣжать изъ Пандемоніума за свой страхъ, не взирая на сосѣда“ (548). Дополняетъ картину Гинсъ описаніемъ иркутской обстановки: „Едва

причиной энергичныхъ дѣйствій ген. Жанена. Впослѣдствіе чешскіе писатели отмѣчали, что, ликвидируя семеновскія войска, они уничтожали опасность, которая съ этой стороны грозила сибирской демократіи (Штейдлеръ. Československ. hnuti 106).

[1]) Отчетъ комиссіи напечатанъ въ сб. „Борьба за Уралъ.“ 368-72.

только закончилась катастрофа, какъ загудѣли гудки, ожила станція, зашевелились эшелоны. Спѣшно, одинъ за другимъ, мчались на востокъ поѣзда иностранныхъ представителей, грузились миссіи, эвакуировались иностранные подданные, какъ будто бы новая власть, народившаяся при благожелательной поддержкѣ иностранцевъ, была имъ врагомъ, а не другомъ... Нѣкоторые иностр. эшелоны оказывали гостепріимство отдѣльнымъ политическимъ дѣятелямъ. Вывезли многихъ американцы, кое-кого изъ офицеровъ — французы, но больше всего, цѣлыми поѣздами, вывозили русскихъ японцы" (II. 502).

4. „Волею народа".

„Власть россійскаго правительства адм. Колчака, власть реакціи сметена волею возставшаго народа" — торжественно вѣщало сообщеніе П. Ц. 5 января. („П. Д." 175). „Народныя массы встрѣтили сверженіе колчаковскаго ига восторженно" — добавляютъ оффиціальныя „Извѣстія Инф. Бюро" (№ 2). Неоффиціально итоги подводились иныя. „Вечеромъ 5 января у одного изъ мѣстныхъ эс-эровъ — разсказываетъ N — былъ обѣдъ, на которомъ присутствовало большинство „центропупа" (такъ окрестила демократія новую власть съ перваго дня ея существованія). Итакъ вы власть — сказалъ одинъ чехъ, присутствовавшій на обѣдѣ. Надолго? — Не знаемъ сами — откровенно кто-то отвѣтилъ изъ членовъ". Власть перешла „ко всему народу", власть „должна быть устроена самимъ народомъ". Но такъ какъ въ условіяхъ „переживаемой дѣйствительности и непрерывающейся борьбы съ темными силами реакціи" не было возможности „скоро созвать органъ вполнѣ и совершенно выявляющій народную волю", Пол. Ц. объявилъ 5 января созывъ на 12-ое „Временнаго Совѣта сибирскаго Народнаго Собранія", которому и обѣщалъ передать власть по его сформированіи. Въ составъ времен-

наго совѣта должны были войти: 8 членовъ отъ Пол. Ц; 6 членовъ, избранныхъ отъ земства, 3 отъ городскихъ самоуправленій, 3 отъ кооперації, 3 отъ „трудового крестьянства“, 3 отъ „проф. раб. объединеній„ („П. Дн.“ 176). Чрезвычайно характерно, что обѣщанное раньше казачье представительство совершенно исчезло.

Одновременно, очевидно, той же „волею народа“ создавались городскія и уѣздныя слѣдственныя комиссіи „для разсмотрѣнія дѣлъ о лицахъ, арестованныхъ въ періодъ сверженія власти правительства Колчака во внѣсудебномъ порядкѣ, а равно для производства, въ случаѣ неотложной необходимости, въ связи съ происшедшимъ государственнымъ переворотомъ, новыхъ арестовъ и обысковъ въ томъ же порядкѣ. Слѣдственныя комиссіи получили право освобождать задержанныхъ „безъ достаточныхъ къ тому основаній за исключеніемъ лицъ, занимавшихъ „отвѣтственныя должности“ или видное положеніе въ органахъ свергнутой власти“ (Ib. 177-8).

„П. Ц.“ увѣдомилъ представителей иностранныхъ державъ, что власть низвергнута „въ значительной части незанятой совѣтскими войсками Сибири“ народнымъ движеніемъ „подъ лозунгомъ демократической государственности“. По привычкѣ дѣятели П. Ц. спѣшатъ надѣть тогу самого „послѣдовательнаго демократизма“, которая такъ мало подходила ко всей ихъ дѣятельности, и заявить:

„...Въ этой борьбѣ съ пережиткомъ автократическаго строя П. Ц. и объединенная имъ демократія не ищутъ вооруженной помощи извнѣ, считая недопустимымъ и пагубнымъ для самой идеи истинно демократической государственности вмѣшательство иноземныхъ силъ въ разрѣшеніе внутреннихъ конфликтовъ, переживаемыхъ страной и народомъ. Однако, П. Ц... долженъ констатировать, что иностранныя правительства... проводятъ политику систематическаго и послѣдовательнаго вмѣшательства, нарушая суверенитетъ страны... Однимъ изъ фактовъ, грубо нарушающихъ суверенныя права

русскаго народа, является нейтрализаціи жел. дор. линіи... При этомъ самая форма нейтрализаціи выражается въ систематическомъ препятствованіи... оперативнымъ дѣйствіямъ народной арміи П. Ц. и къ предоставленію свободы ат. Семенову и его наемнымъ войскамъ въ борьбѣ съ демократіей...

...Усматривая въ политикѣ союзныхъ державъ стремленіе насильственно навязать Россіи чуждый народному правосознанію антидемократическій строй, П. Ц. настаиваетъ на немедленномъ прекращеніи гибельной для страны поддержки реакціонныхъ отрядовъ... всякую политику вооруженнаго вмѣшательства со стороны иностранныхъ державъ онъ будетъ разсматривать какъ объявленіе войны русской демократіи... („П. Дн.“ 174).

Вся эта помпа была какой-то „демократической“ забавой.

Фактическіе союзники П. Ц. въ иркутскихъ бояхъ считали, что воля то народа у нихъ, но временно полагали нужнымъ еще сохранить состояніе „вооруженнаго нейтралитета“. Это съ самаго начала создало въ Иркутскѣ двоевластіе. Посылая своихъ представителей во Врем. Сов. Нар. Упр., губернскій совѣтъ проф. союзовъ доводилъ до свѣдѣнія П. Ц., что „единственной твердой, выражающей волю трудящихся, формой власти является совѣтская конституція, осуществляющая диктатуру пролетаріата и крестьянства“. Совѣтъ посылалъ своихъ представителей „съ наказомъ о скорѣйшемъ осуществленіи совѣтской конституціи, какъ обязательной побѣды надъ реакціей, и замѣны ею власти П. Ц.“ (Ib 190).

Въ манифестѣ „къ населенію“ П. Ц. говорилъ: „власть П. Ц., власть гражданскаго мира, предпринимаетъ немедленные шаги къ установленію перемирія на совѣтскомъ фронтѣ и начинаетъ переговоры съ совѣтской властью“ („Б. за Ур“ 289). Съ этой цѣлью въ Ревсовѣтъ 5 совѣтской арміи въ Томскъ была отправлена особая делегація во главѣ съ меньшевикомъ Ахматовымъ, къ которому долженъ былъ присоединиться вед-

шій въ Красноярскѣ переговоры с.-р. Колосовъ [1]). Съ делегаціей ѣхалъ коммунистъ Краснощековъ. Делегація должна была достигнуть признанія со стороны большевиковъ „буфернаго" демократическаго государства и заключить совмѣстный союзъ для борьбы съ реакціей.

Пока велись переговоры въ Томскѣ, иркутскіе коммунисты открыто собирали свои силы. Положеніе П. Ц., по мнѣнію иркутскаго коммуниста Ширямова, „почти съ перваго же дня ничѣмъ не стало отличаться отъ положенія только что свергнутаго правительства:

„Почти вся область была уже совѣтской, и только Иркутскъ долженъ былъ занятъ выжидательную политику, вслѣдствіе присутствія въ городѣ чеховъ и союзниковъ... Мы поставили себѣ двѣ цѣли: добиться созыва совѣта раб. деп. и создать для него вооруженную силу, достаточную для отпора чехамъ... Опираясь на дружины, мы съ перваго же дня возстанія легализировали свою работу. Объявили запись въ партію, съ 7 января стали издавать газету „Сиб. Правда"... „Сиб. Пр." рѣзко нападая на Полит. Центръ, открыла кампанію за Совѣты и вызывала ежедневные запросы чеховъ Политцентру о ея правахъ на существованіе... Политцентръ вынужденъ былъ принять это требованіе (созывъ Совѣта р. д.), была образована спеціальная избирательная комиссія и созывъ совѣта былъ назначенъ на конецъ января. Одновременно шло накопленіе нашихъ вооруженныхъ силъ... Спѣшно проводились новыя формированія, къ Иркутску были подтянуты нѣкоторые изъ партизанскихъ отрядовъ; одинъ изъ нихъ, отрядъ Каландарашвили, стоялъ подъ самымъ городомъ. Еще въ дни возстанія къ намъ присоединились лѣвые эсеры. Они занимали въ арміи и въ штабѣ Политцентра рядъ командныхъ должностей; при ихъ посредствѣ ни одно распоряженіе штаба не ускользало отъ нашего вниманія. Мы стремились собрать вокругъ себя достаточно силъ для борьбы за Совѣты, не противъ Политцентра, который никакой силы не представлялъ, а противъ чеховъ... Въ сущности, съ перваго

[1]) Переговоры изложены Смирновымъ въ „Сиб. Огн." 27 г. № 5 и въ органѣ всесибирскаго с.-р. краевого комитета „Воля" (№ 2).

же дня послѣ занятія города и широковѣщательнаго манифеста Политцентра, началось и его разложеніе. Вступить въ него мы отказались, но представителя комитета послали съ мандатомъ „присутствовать на засѣданіяхъ съ информаціонной цѣлью“ („Б. за Ур.“ 290-I) [1]).

Центр. Ком. партіи с.-р. успѣлъ принять постановленіе, въ которомъ выражалось „глубокое моральное удовлетвореніе“ по поводу происшедшихъ событій. Московскіе руководители партіи усматривали „въ нихъ осуществленіе въ жизни рѣшенія IX совѣта партіи—перенести центръ тяжести борьбы противъ контръ-революціи на территорію этой послѣдней, взрывая ее изнутри и борясь противъ нея не подъ знаменемъ большевиковъ, а самостоятельно и независимо отъ нихъ, въ первыхъ рядахъ самого возстающаго народа“. ЦК „горячо“ привѣтствовалъ „товарищей, сумѣвшихъ выполнить долгъ чести партіи по отношенію къ Сибири и къ правительству Колчака, предательски задушившему въ Поволжьѣ (?), Уралѣ и Сибири дѣло Учредительнаго Собранія“. Въ то же время ЦК одобрялъ „примирительную тактику по отношенію къ наступающимъ большевицкимъ силамъ“ и возлагалъ„ всю отвѣтственность за дальнѣйшія внутреннія смуты и роковыя международныя осложненія... всецѣло на совѣсть безотвѣтственныхъ диктаторовъ правящей партіи“ (постановленіе 28 января — „П. Дн. 187-8).

Когда принято было только что процитированное постановленіе, „соціалистическаго“ правительства въ Иркутскѣ уже не существовало. За время своего кратковременнаго функціонированія оно успѣло лишь въ области экономической принять ассигнованіе на покрытіе расходовъ по организаціи возстанія Пол. Центра ($10^1 j_2$

[1]) Характерно, что уже 8 января Главнокомавдующій сѣверо-восточнымъ фронтомъ совѣтскихъ войскъ, Звѣревъ, доносилъ въ Москву Совнаркому: „Колчакъ арестованъ, находится въ надежныхъ рукахъ... Совѣтъ министровъ въ полномъ составѣ въ нашихъ рукахъ... Въ Иркутскѣ образовалась единая соціалистическая партія, стоящая на защитѣ платформы Совѣтовъ“ („П. Дн.“ 172).

мил. руб.) и Воен. Соц. Союза ($2^1/_2$ мил.), объявить врагомъ народа верховнаго правителя и возстановить смертную казнь [1]), при чемъ въ законопроектѣ о военно-полевыхъ судахъ наказанію до смертной казни включительно подлежали виновные въ нападеніи на жел. дор., на мѣста заключенія, въ убійствахъ и т. д. („Бюл. П. Ц". № 9—17 января).

---

[1]) Только трое изъ членовъ Совѣта Нар. Упр. — въ числѣ ихъ Патушинскій — по словамъ Гинса, голосовали противъ смертной казни (II, 543).

ГЛАВА IV.

Гибель.

1. Выдача.

Въ иркутскіе дни верховный правитель, оторванный отъ арміи и правительства, безпомощно прикованный къ своимъ литернымъ поѣздамъ, находился въ Нижнеудинскѣ. „Я задерживаюсь въ Нижнеудинскѣ, гдѣ пока все спокойно“ — телеграфируетъ онъ 27-го Каппелю. „Чехи получили приказаніе Жанена не пропускать даже моихъ эшелоновъ въ видахъ ихъ безопасности“ („П. Д.“ 170). „Адмиралъ жестоко страдалъ морально — говоритъ сопровождавшій Колчака ген. Занкевичъ — отъ постоянныхъ недоразумѣній съ чехами въ продолженіи своего пути, начиная со ст. Тайги („Б. Д“. II, 149). Отношеніе къ поѣзду верховнаго правителя Россіи „казалось издѣвательствомъ“ — такъ характеризуетъ положеніе Гинсъ“ (III, 531).

Каковы бы ни были перспективы будущаго, все-же Колчакъ оставался еще „верховнымъ правителемъ“. Это само по себѣ обязывало къ нѣкоторому, по крайней мѣрѣ, такту со стороны иностранцевъ на чужой территоріи. Къ сожалѣнію, такого такта соблюдено не было, какъ свидѣтельствуетъ хотя-бы обращеніе ген. Сырового, объясняющее „братьямъ“ причины недоразумѣній на жел. дорогахъ. Упоминая, что эвакуація чехо-

словацкаго войска была рѣшена еще 28 августа, „совершенно независимо отъ положенія на сибирскомъ фронтѣ“, Сыровой говорилъ, что „десятокъ русскихъ эшелоновъ, отходящихъ въ паническомъ страхѣ изъ Омска по обоимъ путямъ, грозили прервать не только планомѣрное проведеніе нашей эвакуаціи, но завлечь насъ въ арьергардные бои съ большевиками“. Пришлось отказаться отъ первоначальнаго намѣренія проводить „свою и русскую эвакуацію съ русскими властями“.

„Поэтому я распорядился остановить отправку эшелоновъ на линіи отъ Николаевска на востокъ, пока не пройдутъ наши эшелоны въ первую очередь, только такимъ образомъ мы выбрались оттуда. Это нисколько (!?) не повредило движенію поѣздовъ по отправкѣ на фронтъ и для снабженія. Между задержанными о ч у т и л с я и адмиралъ Колчакъ со своими семью поѣздами и сталъ жаловаться союзникамъ и Семенову на наше войско... Ген. Каппель даже вызвалъ меня на дуэль, будто за оскорбленіе, нанесенное сибирской арміи, задержаніемъ поѣздовъ Колчака и другихъ бѣженцевъ [1]). Не отвѣчаю на этотъ вызовъ, какъ слѣдовало-бы, единственно въ виду тяжелаго душевнаго состоянія ген. Каппеля“... Касаясь угрозы Семенова, Сыровой заключалъ: „наше войско не позволитъ... чтобы его возвращеніе на родину кто бы то ни было подвергалъ опасности“. („Нашъ счетъ“ 23—24).

[1]) Каппель въ своемъ открытомъ письмѣ 19 декабря Сыровому требовалъ „извиненія“ и немедленнаго пропуска поѣзда адмирала, считая, что задержкой въ Красноярскѣ, насильственнымъ отобраніемъ паровозовъ нанесено оскорбленіе арміи. „Я не считаю себя въ правѣ,— писалъ Каппель—вовлекать измученный русскій народъ... въ новое испытанія, но, если Вы, опираясь на штыки тѣхъ чеховъ, съ которыми мы вмѣстѣ выступали и, взаимно уважая другъ друга, дрались во имя общей идеи, рѣшились нанести оскорбленіе русской арміи и ея верховному главнокомандующему, то я, какъ главнокомандующій, требую отъ васъ удовлетворенія путемъ дуэли со мной. Къ барьеру генералъ.“ (Парфеновъ. „Послѣдніе дни правит. Колчака“. „Сиб. Ог.“ 27. V. 92; J. Skacel „S generálem Syrovym u Sibiri“ — здѣсь текстъ всей переписки. Стр. 111—119.) Черезъ два дня послѣ письма у самого Каппеля былъ отобранъ паровозъ.

На рядовую войсковую массу ничего не могло произвести большаго впечатлѣнія, чѣмъ угроза помѣшать эвакуаціи. Отсюда растетъ враждебность къ адмиралу. Молва усиленно муссируетъ несуществующіе приказы Колчака о взрывѣ байкальскихъ тунеллей (молву повторяетъ и самъ Жаненъ) и о провѣркѣ имущества чеховъ во Владивостокѣ [1]).

Многія подробности предпослѣдней какъ бы страницы жизни Колчака еще не ясны, такъ какъ мы не знаемъ во всѣхъ подробностяхъ закулисной стороны. Но стоустая молва, мало, конечно, считавшаяся съ фактами, подогрѣвала и такъ уже достаточно разгоряченную атмосферу.

Только быстрый пріѣздъ Колчака въ Иркутскъ могъ бы спасти, если не дѣло, то во всякомъ случаѣ жизнь адмирала. Въ этомъ отношеніи Гронджижъ правъ (533). Вмѣсто этого, началось длительное двухнедѣльно́е „нижнеудинское сидѣніе“, при чемъ Колчакъ, фактически арестованный, въ послѣднее время почти былъ отрѣзанъ отъ внѣшняго міра, получая случайную информацію отъ чехо-словацкой стражи. Для этой страницы, которую намъ надо вписать въ біографію Колчака, мы имѣемъ довольно хорошій источникъ — подробное показаніе ген. квартирмейстера Занкевича, напечатанное въ кн. II „Бѣл. Дѣла“ [2]). Когда адмиральскій поѣздъ прибылъ въ Нижнеудинскъ (станція была занята чешской пѣхотой и артиллеріей), явился командиръ чешскаго ударнаго батальона, майоръ Гассекъ, съ заявленіемъ, что, по распоряженію штаба союзныхъ войскъ въ Иркутскѣ, поѣздъ адмирала и поѣздъ съ золотымъ запасомъ должны быть задержаны до дальнѣйшаго распоряженія и что онъ намѣренъ разоружить конвой адмирала. Послѣ

[1]) Объ этомъ приказѣ говоритъ и Гутманъ („Б. Д.“ III, 176). Никакого намека на такой приказъ, посланный де окольнымъ путемъ и попавшій въ руки чеховъ, я не нашелъ.

[2]) Въ № 3 „Б. Д.“ Гутманъ помѣстилъ нѣкоторое опроверженіе, но фактически ничего существеннаго онъ не опровергаетъ.

протеста Занкевича, маіоръ Гассекъ, получивъ дополнительныя инструкціи отъ Жанена, сообщилъ, что

„1. Поѣзда адмирала и съ золотымъ запасомъ состоятъ подъ охраной союзныхъ державъ.

2. Когда обстановка позволитъ, поѣзда эти будутъ вывезены подъ флагами Англіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, Японіи и Чехо-Словакіи.

3. Станція Нижнеудинскъ объявляется нейтральной. Чехамъ надлежитъ охранять поѣзда адмирала и съ золотымъ запасомъ и не допускать на станцію войска вновь образовавшагося въ Нижнеудинскѣ правительства.

4. Конвой адмирала не разоружать.

5. Въ случаѣ вооруженнаго столкновенія между войсками адмирала и нижнеудинскими разоружить обѣ стороны; въ остальномъ предоставить адмиралу полную свободу дѣйствій. Послѣдній пунктъ ясно указывалъ, что союзники уже не разсматривали адмирала, какъ верховнаго правителя.

„Одновременно съ этимъ маіоръ Гассекъ — продолжаетъ Занкевичъ — передалъ мнѣ телеграмму ген. Лохвицкаго на имя адмирала, въ которой ген. Лохвицкій совѣтовалъ адмиралу пріостановить дальнѣйшее движеніе въ Иркутскъ". (Вскорѣ по оставленіи Омска, ген. Лохвицкій былъ посланъ адмираломъ въ Иркутскъ съ порученіемъ организовать войска иркутскаго гарнизона (150-1).

Такимъ образомъ, какъ будто выходитъ, что задержка поѣзда объяснялась заботами о безопасности адмирала. Что въ дѣйствительности это было далеко не такъ, показываетъ вышецитированный отчетъ уполномоченнаго „Пол. Цен." Алко: „остановить мѣстными силами движеніе эшелона Колчака (Алко сообщалъ фантастическія свѣдѣнія о размѣрахъ его) возможности не представлялось, пропустить же его въ тылъ обложившимъ Иркутскъ революціоннымъ войскамъ было недопустимо. Пришлось повести дипломатическіе переговоры съ чехами, пригрозивъ разрушеніемъ линіи дороги,

на предметъ остановки его въ Нижнеудинскѣ". („П. Д". 166). Мы видимъ, что Гинсъ совершенно точенъ въ своихъ воспоминаніяхъ, когда утверждаетъ, со словъ одного изъ офицеровъ колчаковскаго конвоя, что силы „нижнеудинской республики" были столь слабы, что одинъ конвой адмирала могъ бы справиться съ „республикой", если-бы чехословаки не закрыли доступа въ городъ (512) [1]). Поѣздъ адмирала свободно могъ бы двигаться впередъ. Совершенно непонятна при такихъ условіяхъ рѣчь ген. Жанена, обращенная къ Червенъ-Водали, при иркутскихъ переговорахъ. По стенографической записи Джемса, Жаненъ спрашивалъ Ч.-Водали, имѣетъ-ли онъ какія либо свѣдѣнія, касающіяся адмирала:

„Третьяго дня я получилъ отъ чешскаго Коменданта изъ Нижнеудинска телеграмму, гдѣ говорится, что въ этомъ городѣ объявлена республика. Эта республика хотѣла потребовать отъ адмирала его отреченія и передачи всѣхъ цѣнностей, имѣющихся въ его распоряженіи, новымъ мѣстнымъ властямъ, за исключеніемъ золота, которое должно быть передано сюда Главному революціонному Правительству... Возможно, что уже поздно говорить съ адмираломъ, такъ какъ, вѣроятно, ему уже предъявленъ ультиматумъ отъ представителей республики въ Нижнеудинскѣ. Во всякомъ случаѣ Господа Высокіе Комиссары рѣшатъ, что возможно сдѣлать. Имѣйте только въ виду, что положеніе уже не то, что было недѣлю назадъ..." („Отчетъ" 9-11).

Или Жаненъ необычайно плохо былъ освѣдомленъ, или онъ былъ чрезвычайно неискрененъ.

Охраняющіе адмирала чехи, дѣйствительно, получили новую инструкцію: „если адмиралъ желаетъ, онъ можетъ быть вывезенъ союзниками, подъ охраной чеховъ въ одномъ вагонѣ, вывозъ же всего адмиральскаго поѣзда не считается возможнымъ. [2])

[1]) То же въ „Св. Край" № 421.

[2]) Характерно, что въ „Чех-Сл. Д." (№ 3, 1920) вопросъ становится нѣсколько по иному: „Союзники, конечно, не думаютъ отказать Колчаку въ личной безопасности, если онъ обратится къ нимъ съ

Это новое распоряженіе — говоритъ Занкевичъ — поставило адмирала въ чрезвычайно трудное положеніе:

„Въ поѣздѣ адмирала находилось около 60 офицеровъ (конвоя, штаба, чиновники) и около 500 солдатъ ковоя. Ясно, что размѣстить всѣхъ этихъ людей въ одномъ вагонѣ возможнымъ не представлялось. Ясно также, что адмиралъ, человѣкъ въ высшей степени благородный, не могъ бросить своихъ подчиненныхъ на произволъ судьбы.

По приказанію адмирала, мною была послана высокому комиссару Японіи, г-ну Като, телеграмма приблизительно такого содержанія: „Адмиралъ настаиваетъ на вывозѣ всего поѣзда, а не одного только его вагона, такъ какъ онъ не можетъ бросить на растерзаніе толпы своихъ подчиненныхъ. Въ случаѣ невозможности выполнить просьбу, адмиралъ отказывается отъ вывоза его вагона и раздѣлитъ участь со своими подчиненными, какъ бы ужасна она ни была".

Тогда—продолжаетъ Занкевичъ—возникла мысль искать спасенія въ походѣ въ Монголію: „Адмиралъ былъ горячимъ сторонникомъ этой идеи. Я долженъ былъ принять на себя начальствованіе этой экспедиціей. Переговоривъ, конфиденціально, по порученію адмирала съ маіоромъ Гассекомъ, я получилъ отъ него завѣренія, что со стороны чеховъ никакихъ препятствій нашей экспедиціи сдѣлано не будетъ; мало того, чехи дали намъ свѣдѣнія о силахъ большевиковъ, занимавшихъ трактъ, въ предвидѣніи нашей попытки пробиться въ Монголію. Адмиралъ глубоко вѣрилъ въ преданность солдатъ конвоя. Я не раздѣлялъ этой вѣры тѣмъ болѣе, что большевики Нижнеудинска засыпали конвой прокламаціями, требуя его перехода на ихъ сторону. Адмиралъ собралъ чиновъ конвоя и въ короткой рѣчи сказалъ имъ, что онъ не уѣзжаетъ въ Иркутскъ, а остается здѣсь, предложилъ желающимъ остаться съ нимъ, остальнымъ онъ предоставляетъ полную свободу дѣйствій. На другой день всѣ солдаты конвоя, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, перешли въ городъ къ большевикамъ. Измѣна конвоя нанесла огромный моральный ударъ адмиралу, онъ какъ-то весь посѣдѣлъ за одну ночь. Рѣшено

соотвѣтственной просьбой. Возможно, что потомъ онъ могъ бы подъ охраной союзниковъ быть вывезенъ куда-нибудь въ безопасное мѣсто, дальше отъ средней Сибири, которая такъ разрушила его нервы".

было пробиваться въ Монголію съ одними только офицерами. Поздно вечеромъ я собралъ старшихъ офицеровъ въ вагонѣ адмирала, чтобы отдать распоряженія для похода, который былъ рѣшенъ на слѣдующую ночь. Когда распоряженія были отданы, и я уже хотѣлъ отпустить офицеровъ съ разрѣшенія адмирала, одинъ изъ старшихъ морскихъ офицеровъ (моряки обслуживали броневикъ, охранявшій поѣздъ адмирала) обратился къ адмиралу со словами: Ваше высокопревосходительство, разрѣшите доложить".—„Пожалуйста".—„Ваше высокопревосходительство, вѣдь союзники соглашаются Васъ вывезти?" — „Да".—„Такъ почему бы Вамъ, ваше высокопревосходительство, не уѣхать въ вагонѣ; а намъ безъ васъ гораздо легче будетъ уйти, за нами одними никто гнаться не станетъ, да и для васъ такъ будетъ легче и удобнѣе".—„Значитъ вы меня бросаете", вспылилъ адмиралъ.—„Никакъ нѣтъ, если вы прикажете, мы пойдемъ съ вами".

Когда мы остались одни, адмиралъ съ горечью сказалъ: „Всѣ меня бросили". Послѣ долгаго молчанія онъ прибавилъ: „Дѣлать нечего, надо ѣхать". Потомъ онъ сказалъ: „Продадутъ меня эти союзнички". Я отвѣтилъ адмиралу, что отданныя союзниками до сего времени распоряженія не даютъ основаній для такихъ предположеній, но что если у него есть сомнѣнія, я самымъ настойчивымъ образомъ совѣтую ему этою же или ближайшею ночью переодѣться въ солдатское платье и, взявъ съ собою своего адъютанта, лейтенанта Трубчанинова, скрыться въ одномъ изъ проходившихъ чешскихъ эшелоновъ. (Эвакуировавшіеся чехи безпрепятственно принимали и вывозили въ своихъ эшелонахъ спасавшихся отъ большевиковъ нашихъ офицеровъ). Для большей вѣрности, я предлагалъ адмиралу въ теченіе 48 часовъ скрывать отъ всѣхъ его исчезновеніе. Адмиралъ задумался и послѣ долгаго и тяжелаго молчанія сказалъ: „Нѣтъ, не хочу я быть обязаннымъ спасеніемъ этимъ чехамъ" (151—2) [1]).

Занкевичъ составилъ телеграмму на имя Като съ

[1]) По словамъ Гришиной-Алмазовой („Рус. Гол.", февраль 21 г.), противъ побѣга высказался Пепеляевъ, считавшій достаточной гарантію союзниковъ. Если Колчакъ остро воспринималъ слова окружавшихъ, то это не даетъ еще права говорить, что онъ былъ, дѣйствительно, всѣми покинутъ (утвержденіе Гронджа—538).

увѣдомленіемъ, что адмиралъ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, согласенъ на выѣздъ въ одномъ вагонѣ. Колчакъ согласился на полное разоруженіе и отклонилъ предложеніе окружающихъ припрятать пулеметы (Гинсъ 512).

Изъ своего вагона съ 60 офицерами адмиралъ перешелъ въ вагонъ второго класса подъ флагомъ англійскимъ, американскимъ, японскимъ, французскимъ и чешскимъ. Занкевичъ увѣряетъ, что въ инструкціи, которую получилъ начальникъ чешскаго эшелона маіоръ Кровакъ, помимо пункта объ охранѣ вагона союзными державами и порученія чехамъ конвоировать адмирала до Иркутска, значилось: „въ Иркутскѣ адмиралъ будетъ переданъ Высшему Союзному Командованію".

„Путешествіе до Иркутска — по словамъ Занковича — длилось 6 или 7 дней и сопровождалось большими трудностями. На всѣхъ главнѣйшихъ станціяхъ большевики собирались въ значительныхъ силахъ, требуя отъ чеховъ выдачи адмирала; большевицкія банды изъ Тайги угрожали взрывомъ желѣзнодорожнаго пути и нападеніемъ на эвакуировавшіеся чешскіе эшелоны, желѣзнодорожники забастовкой; по мѣрѣ приближенія къ Иркутску возбужденіе на линіи и въ самомъ Иркутскѣ все росло и росло. При такихъ условіяхъ было ясно, что чехи не повезутъ насъ дальше Иркутска. Но мы знали, что въ Иркутскѣ находятся два батальона японцевъ и твердо разсчитывали, что дальнѣйшее конвоированіе вагона съ адмираломъ будетъ возложено на японцевъ. Такъ же думали и чехи, насъ сопровождавшіе" (153) [1]). При приближеніи къ Иркутску (ст. Иннокентьевская) нач. эшелона предупредилъ Занкевича, что въ данное время происходятъ какіе-то переговоры между ген. Сыровымъ и Жаненомъ и что онъ не знаетъ, пойдетъ-ли вагонъ адмирала дальше Иркутска. Позже онъ передалъ,

[1]) Занкевичъ отмѣчаетъ предупредительность чеховъ, охранявшихъ адмирала.

что вопросъ объ адмиралѣ рѣшенъ и что рѣшеніе онъ сообщитъ по прибытіи поѣзда въ Иркутскъ. По словамъ Занкевича, онъ не о чемъ не догадывался — такъ мысль его была далека о возможности какого-либо предательства. Наконецъ и Иркутскъ.

„Начальникъ эшелона почти бѣгомъ направился къ Сыровому. Спустя короткое время онъ вернулся и съ видимымъ волненіемъ сообщилъ мнѣ, что адмирала рѣшено предать Иркутскому революціонному правительству.

Между 5—7 часами вечера многимъ офицерамъ, сопровождавшимъ адмирала, удалось уйти изъ его вагона, пользуясь темнотой и тѣмъ обстоятельствомъ, что окружавшіе вагонъ адмирала чехи безпрепятственно пропускали всѣхъ выходившихъ изъ вагона офицеровъ, вооруженные большевики держались въ это время еще поодаль, и отъ нихъ было не трудно скрыться на забитой вагонами станціи“ (156).

На вокзалѣ спѣшно составлялся актъ передачи верховнаго правителя и предсѣдателя Совѣта министровъ Политическому Центру [1]). Это происходило 15 января въ 9 час. 55 мин. Арестованныхъ приняли чл. „П. Ц.“ Фельдманъ, пом. ком. народ.-рев. арміи кап. Нестеревъ, уполном. при арміи Мерхалевъ, нач. гарниз. Петелинъ. Отвозилъ верховнаго правителя въ тюрьму нарядъ изъ большевицкой дружины подъ командой члена большевицкаго штаба (Ширямовъ „Б. за Ур.“ 292). Присутствовавшіе японцы, по словамъ Гинса, молчаливо наблюдали.

2. Предательство или безсиліе.

„Принимая близко къ сердцу трагическую участь адмирала — разсказываетъ Занкевичъ въ своей записи 1920 г. — я приложилъ много стараній, чтобы выяснить причины неожиданной для насъ всѣхъ выдачи адмирала.

[1]) Техника передачи была заранѣе установлена особымъ соглашеніемъ между Благошемъ и Косьминскимъ.

Опросомъ ряда лицъ—русскихъ, французовъ, чеховъ—мнѣ удалось до извѣстной степени возстановить картину этого печальнаго событія, но, не имѣя никакихъ документальныхъ подтвержденій, приводимыхъ мною ниже фактовъ, я не могу ручаться за ихъ достовѣрность. Рѣшивъ „принципіально“ спасти адмирала, высокіе комиссары — говоритъ Занкевичъ — возложили вывозъ Колчака изъ Сибири на Жанена. Послѣдній отдалъ приказъ чехамъ вывезти адмирала въ Иркутскъ и вошелъ въ переговоры съ иркутскимъ правительствомъ о безпрепятственномъ его пропускѣ. Соглашеніе было достигнуто [1]), но вслѣдствіе „недоразумѣній съ войсками Семенова и звѣрствъ ими произведенныхъ“, члены иркутскаго правительства взяли свое рѣшеніе назадъ и отказались подписать актъ о безпрепятственномъ пропускѣ адмирала. Фактъ вывоза чехами Колчака вызвалъ „сильное противъ нихъ движеніе среди большевиковъ и желѣзнодорожниковъ“. Тогда чехи отказались выполнить приказъ Жанена, и Жаненъ счелъ себя вынужденнымъ санкціонировать рѣшеніе о выдачѣ адмирала... По прибытіи Колчака въ Иркутскъ помощникъ Жанена, полк. Марино, обратился къ японцамъ съ предложеніемъ принять адмирала отъ чеховъ. Они отказались, ссылаясь на неимѣніе на то инструкцій.

Таковы выводы разслѣдованія Занкевича. „Если изложенные мною факты вѣрны — заключаетъ авторъ — остается пожалѣть, что союзники (или ген. Жаненъ) съ самаго начала не заявили адмиралу просто и прямо, что мѣры къ его спасенію ими принимаются, но они далеко не увѣрены, что имъ удастся спасти адмирала“! Вѣдь въ этомъ все дѣло. Поведеніе союзниковъ въ отношеніи Колчака потому и становится особо прекарнымъ, что до Иркутска верховный правитель былъ

[1]) О томъ, что члены П. Ц. много разъ обѣщали безпрепятственно пропустить адмирала Колчака говорятъ и Дюбарбье и Грондижъ и др.

убѣжденъ, что ѣдетъ подъ международной охраной: „При принятомъ же союзниками образѣ дѣйствій и при полномъ отсутствіи связи съ ними, адмиралъ, несмотря на овладѣвавшія имъ сомнѣнія, все-же имѣлъ вполнѣ, какъ казалось, обоснованную надежду, что онъ не будетъ выданъ своимъ врагамъ на растерзаніе“ (Занкевичъ). Не будь такой увѣренности, Колчакъ во всякомъ случаѣ дѣйствовалъ бы на свой рискъ: едва-ли бы онъ распустилъ свою охрану, едва-ли бы разоружилъ оставшихся и едва-ли бы перешелъ въ вагонъ подъ союзническими флагами [1]). Можетъ быть, судьба его была бы еще ужаснѣе, но человѣкъ, дѣйствующій за свой страхъ, рискуетъ своей жизнью по собственной волѣ.

Предпринимая нѣкоторыя мѣры для „спасенія“ Колчака, союзныя миссіи не сдѣлали все-таки того, что сдѣлать были обязаны. И менѣе всего сдѣлалъ это ген. Жаненъ. Онъ просто уѣхалъ за нѣсколько дней до прибытія верховнаго правителя [2]) и тѣмъ самымъ далъ право бросить ему обвиненіе, по меньшей мѣрѣ, въ политикѣ Понтія Пилата, — „умывая руки, онъ уѣхалъ, чтобы не запятнать себя непосредственнымъ предательствомъ адмирала“. („Сиб. Ог.“ 27. V. II). [3].

Во фрагментахъ дневника Жанена, опубликованныхъ въ „Monde Slave“ (24, XII, 239), имѣется болѣе поздняя запись 23 января, гдѣ авторъ оправдываетъ себя и обвиняетъ „высокихъ комиссаровъ“:

---

[1]) Полк. Верже изображаетъ дѣло такъ, что чехо-словаки дали адмиралу свой эскортъ тогда, когда Колчакъ былъ оставленъ своей сибирской охраной. Это де и вызвало негодованіе противъ чехо-словаковъ (155). Книга этого автора: „Avec les thecoslovaques“ (Парижъ 1926) мало чѣмъ отличается отъ другихъ описаній иностранцевъ. Въ свое время она ускользнула отъ моего вниманія. Отмѣчу, что во главѣ „Coupè“ можно найти преувеличенныя свѣдѣнія объ участіи въ сибирской борьбѣ нѣмецкихъ военноплѣнныхъ.

[2]) Конечно, въ Иркутскѣ, пока тамъ были чехи, ему ничто не угрожало.

[3]) Также характеризуетъ роль Жанена и авторъ воспоминаній подъ буквой N. Отмѣтимъ, что Занкевичъ тщетно искалъ въ это время возможности свиданія съ Жаненомъ.

„...серія телеграммъ съ сокрушеніемъ по поводу Колчака. Есть отъ высокихъ комиссаровъ, переданныя черезъ Фукуду, отъ Будберга и отъ моего стараго друга Лохвицкаго. Эти два сановника, мирно (живущіе) во Владивостокѣ или въ Харбинѣ, откуда они издали заботливо слѣдили за судьбою адмирала, проявляя трогательное негодованіе при мысли, что я не далъ за него на убой чеховъ. Бюксеншутцъ пишетъ имъ нѣсколько суровыхъ словъ, чтобы сказать, что если они были преданы Колчаку, то должны были защищать его на мѣстѣ, а не на концѣ телеграфнаго провода. Что касается высокихъ комиссаровъ, то я пополняю новой телеграммой то, что послано уже вчера".

Эта раздраженная запись мало убѣдительна и нисколько не оправдываетъ личнаго поведенія Жанена. Шендриковъ въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ шанхайскомъ „Русскомъ Эхо" (12 дек. 22 г.) утверждаетъ, что Жаненъ въ личной бесѣдѣ съ нимъ (въ мартѣ—апрѣлѣ 1920 въ Харбинѣ), заявлялъ, что предлагалъ верховному правителю полную гарантію личной безопасности при проѣздѣ черезъ Иркутскъ при непремѣнномъ условіи, что Колчакъ прослѣдуетъ, какъ простой смертный. По мнѣнію Жанена, нельзя было вѣрить обѣщанію адмирала отречься въ Верхнеудинскѣ. Слѣдовательно, приходится предполагать, что адмиралъ готовъ былъ на словахъ итти на отказъ для того, чтобы миновавъ „революціонный" Иркутскъ, попасть въ предѣлы территоріи атамана Семенова, гдѣ онъ былъ бы свободенъ отъ принятыхъ обязательствъ. Такъ изображаетъ дѣло Дюбарбье (146). Почему верховный правитель держался за Верхнеудинскъ? Мы точно не знаемъ. Мнѣ кажется, что Колчакъ внутренне уже опредѣлилъ для себя, что его роль въ Сибири кончена. Но отреченіе въ условіяхъ вынужденія, когда предсѣдатель совѣта министровъ былъ съ нимъ, а его замѣститель въ Читѣ, когда въ Иркутскѣ находилось лишь меньшинство членовъ совѣта министровъ, дѣйствовавшихъ въ ненормальныхъ условіяхъ возстанія, — такое отреченіе казалось Колчаку чрева-

тымъ послѣдствіями. Мнѣ кажется, что верховный правитель долженъ былъ понимать, что его гласное отреченіе въ пользу Деникина означало бы полную ликвидацію правительства и передачу власти Пол. Ц., на что Колчакъ, конечно, пойти не могъ уже потому, что эта власть первымъ своимъ условіемъ ставила переговоры съ большевиками. Колчакъ поступилъ въ данномъ случаѣ послѣдовательно и логично. Имѣются указанія на то, что онъ предлагалъ свои функціи временно передать ген. Каппелю. Но съ ген. Каппелемъ снестись онъ не могъ. Адмиралъ былъ сознательно изолированъ. Даже Жаненъ 24 декабря записалъ, что снестись съ Колчакомъ сложно, такъ какъ это возможно только черезъ посредство чешскихъ телеграфистовъ.

Фактически нежеланіе верховнаго правителя подписать отреченіе отъ власти до Верхнеудинска никакой роли играть не могло, такъ какъ у противной стороны не было силъ задержать Колчака въ Иркутскѣ. Въ концѣ концовъ, несмотря на отказъ, адмиралъ все же былъ легко вывезенъ изъ Нижнеудинска, и трудности, о которыхъ Жаненъ говорилъ Червенъ-Водали, оказались преувеличенными. Путь отъ Иркутска до Владивостока былъ свободенъ. Но допустимъ, что эти трудности были непреодолимы — вѣдь въ распоряженіи ген. Жанена никакихъ своихъ войскъ не было...[1]) Если такъ, то Жанену надлежало бы просто признать свое безсиліе. Безсиліе не всегда можетъ служить объективнымъ оправданіемъ, но оно снимаетъ, по крайней мѣрѣ, моральное осужденіе... Что можно было сказать Жанену, когда онъ въ бесѣдѣ съ Третьяковымъ 15 декабря о пропускѣ адмиральскаго поѣзда рекомендовалъ ему обратиться къ представителямъ чехо-словакскаго войска? Къ сожалѣнію, въ опубликованныхъ фрагментахъ дневника

[1]) Судя по телеграммѣ Крупенскаго Сазонову 1 января, междусоюзное командованіе обращалось къ Японіи съ просьбой отправить 12 дивизію въ Иркутскъ, но Японія отвѣтила отказомъ.

ген. Жаненъ не проявилъ должнаго чувства мѣры. Весь тонъ его мемуаровъ мало подходитъ къ описанію того драматическаго эпизода, однимъ изъ активныхъ участниковъ котораго сдѣлала его судьба. Казалось, элементарный тактъ долженъ былъ бы подсказать ему неумѣстность опубликованія сужденій, въ родѣ того, которое имѣется въ записяхъ 14 декабря: окруженіе Колчака ищетъ утѣшенія въ винѣ (en buvant) [1]).

Тона дневника ген. Жанена держатся нерѣдко и другіе члены французской военной миссіи въ своихъ воспоминаніяхъ. Особенно претенціозенъ Дюбарбье. Онъ, напримѣръ, негодуетъ, какъ смѣютъ эти „бѣлые русскіе“ въ Сибири („collection digne d'un jeu de massacre“) обвинять французскаго генерала въ предательствѣ (139). Сейчасъ же готово и объясненіе: легенда о предательствѣ Колчака, конечно, германо-большевицкаго происхожденія. Дюбарбье сообщаетъ только „строгую истину“ — самъ Дитерихсъ будто бы сказалъ: „разстрѣлъ Колчака справедливъ, это надо было бы сдѣлать, если бы онъ могъ прибыть въ Верхнеудинскъ“. Дюбарбье цитируетъ письмо Занкевича Жанену, въ которомъ тотъ признаетъ, что Жаненъ сдѣлалъ все, чтобы спасти адмирала, но обстоятельства оказались сильнѣе (149). Мы не знаемъ, насколько точно цитируетъ Дюбарбье письмо Занкевича, но мы знаемъ, что самъ Занкевичъ опубликовалъ въ „Бѣломъ Дѣлѣ“. Сужденія Дюбарбье характерны не только для него одного. Легра, возражая мнѣ, писалъ:

„Признаюсь, что, если бы ген. Жаненъ помогъ захвату большевиками Колчака, поступокъ этотъ былъ бы некрасивъ, но все равно сожалѣнію о немъ мѣста

---

[1]) „Monde Slave“. 1925. III. 355. Если вѣрить сообщенію читинскаго „Восточн. Курьера“ (19 января), Жаненъ на завтракѣ у японскаго генерала въ Верхнеудинскѣ поднималъ бокалъ за несчастнаго верховнаго правителя: адмиралъ самъ виноватъ, онъ не слушалъ въ послѣднее время доброжелательныхъ совѣтовъ Жанена и находился въ дурномъ окруженіи.

не было бы. Однако, генералъ въ этомъ дѣлѣ не при чемъ. Г-нъ Мельгуновъ... могъ бы съ пользой для себя прочесть два фельетона въ „Gazette de Prague“ отъ 22-го и 26-го сентября 1923 г. Онъ бы изъ нихъ узналъ, что о выдачѣ Колчака и говорить не приходится (que Koltcàk a si peu été livré), такъ какъ „онъ добровольно пріѣхалъ въ Иркутскъ и отказался бѣжать переодѣтымъ во время пути, что предлагали ему чехи“ („M. Sl.“ 26. VII, 119).

Мнѣнія объ адмиралѣ Колчакѣ, конечно, могутъ быть различны, но къ вопросу о его выдачѣ субъективныя оцѣнки эти не могутъ имѣть никакого отношенія. Только моральной аберраціей можно объяснить то удивленіе, которое высказывало „Pour la Russie“ по поводу негодованія „Eclair“ и „Temps“ на дѣйствія ген. Жанена. Эс-эровская газета находила самый поводъ для негодованія маловажнымъ — арестована незначительная личность печальной памяти диктатора. А въ № 14 газеты Миноръ опредѣленно уже заявлялъ: „Антанта должна оставить всякія хлопоты объ освобожденіи Колчака, находящагося въ рукахъ революціоннаго правительства, которое будетъ его судить“. Такіе голоса, правда, были сравнительно рѣдки среди русской общественности. Л. Кроль, какъ мы знаемъ, не большой поклонникъ Колчака, находившійся въ дни выдачи адмирала Политическому Центру въ Иркутскѣ, пишетъ: „этого уже никто не ожидалъ“. Приведя постановленіе верховныхъ комиссаровъ, онъ говоритъ: „выдать при такихъ условіяхъ человѣка было актомъ высшаго позора, къ которому съ презрѣніемъ отнеслись даже тѣ, кому выдали адмирала“. (207).

* * *

Проф. Легра съ легкостью бросилъ мнѣ упрекъ въ томъ, что я берусь судить „sans rien connaitre de la question“. Конечно, меня не было въ Сибири. Я могу судить только по воспоминаніямъ очевидцевъ и по до-

кументамъ. И требовалось бы со стороны опровергающихъ опубликованіе прежде всего документовъ, хотя бы полностью дневника ген. Жанена за время переговоровъ съ Политическимъ Центромъ и выдачи Колчака. Многое еще остается неяснымъ, такъ какъ приходится реконструировать бывшее по отдѣльнымъ намекамъ и документальнымъ фрагментамъ, попавшимъ уже въ печать. Полемизируя, иностранные свидѣтели молчатъ о главномъ. Русскіе противники Колчака также молчатъ до сихъ поръ.

У ген. Жанена замѣтна нѣкоторая склонность сложить вину на чеховъ. Не могъ же онъ вмѣшательствомъ въ пользу Колчака рисковать жизнью тѣхъ, за кого онъ отвѣчалъ. Въ интервью, напечатанномъ 16 іюля 1920 г. въ „Matin", верховный командующій союзными войсками въ Сибири подчеркивалъ, что чехи не могли спасти адмирала, такъ какъ по распоряженію своего правительства должны были избѣгать какихъ либо новыхъ осложненій. Но одно дѣло — непротивленіе злу, другое — активное или даже пассивное въ немъ участіе. Возможно, что у чеховъ не было никакого стремленія спасать верховнаго правителя. Возможно, что это было естественно при сгущенной атмосферѣ враждебнаго чувства, тѣмъ болѣе, что, если вѣрить Дюбарбье, изъ Праги чехословацкой делегаціей будто бы получена была особая телеграмма: „не пещись о личной безопасности адмирала-авантюриста" (140). Но нѣтъ никакого сомнѣнія — утверждаетъ Грондижъ — что чехи могли бы спасти Колчака, если бы захотѣли. Но какими жертвами? Какія репрессіи они навлекли бы на 200 эшелоновъ, медленно двигавшихся на западъ? Это, по крайней мѣрѣ, жизненная точка зрѣнія — эфемерная честь и воинскій долгъ должны быть принесены въ жертву реальнымъ потребностямъ. Чтобы доказать противное, въ свое время чешскій полк. Швецъ покончилъ самоубійствомъ. Эту слишкомъ практическую точку зрѣнія

можно оспаривать. Колчакъ былъ выданъ не большевикамъ, а Полит. Центру. Власть еще не перешла въ руки большевиковъ. Выдача Колчака отнюдь не остановила послѣдующихъ столкновеній съ совѣтскими войсками, слѣдовательно, совсѣмъ не измѣнила status quo. „Дѣйствительно ли положеніе было въ такой степени опаснымъ — пишетъ Рютгеръ Эссенъ — что на лицо не было иной возможности спасенія, какъ согласіе на такую одіозную выдачу съ нарушеніемъ даннаго слова — это другой вопросъ... Такъ или иначе чехи считали, что другого выхода нѣтъ и, если бы ген. Жаненъ на это не согласился, то это, несомнѣнно, вызвало бы бунтъ“ (120). Итакъ, выдача Колчака была мѣрою „необходимою для безопасности чешскаго войска“ [1]). Хуже, когда житейская проза облекается какими то принципіальными мотивами: „Адм. Колчакъ, — писалъ „Чех. Сл. Д.“ 29 января (№ 22) — былъ переданъ правительству Полит. Центра, потому что каждый гражданинъ подлежитъ за свои дѣянія законному суду. Адм. Колчакъ не могъ расчитывать на право политическаго убѣжища у чеховъ, въ отношеніи которыхъ онъ допустилъ прямое преступленіе тѣмъ, что далъ приказъ атаману Семенову, что бы тотъ препятствовалъ эвакуаціи, не останавливаясь передъ взрывомъ ж. д. и тунелей“. Трудно понять, почему авторъ статьи въ чешскомъ оффиціозѣ говоритъ о правѣ политическаго убѣжища въ Россіи для верховнаго правителя. У чеховъ была, правда, фактическая экстерриторіальность. Если бы Колчакъ осуществилъ предложеніе Занкевича и скрылся въ чехословацкій эшелонъ, то съ нѣкоторой еще натяжкой можно было бы говорить о томъ политическомъ убѣжищѣ, которое чехословаки и американцы давали во Владивостокѣ представителямъ разныхъ политическихъ теченій, какъ во время

[1]) Легра можетъ видѣть, что не одни „большевики“ высказываютъ такія сужденія. Монтандонъ передаетъ аналогичныя сужденія, которыя онъ слышалъ въ Сибири (69). Слова осужденія Жанену нашлись и въ исторіи гражданской войны Милюкова.

гайдовскаго возстанія, такъ и позже при японскомъ выступленіи 5 апрѣля 1920 г. (штабъ кр. арміи, эс-эры, меньшевики и коммунисты — всѣ нашли тогда убѣжище у д-ра Гирсы (Парфеновъ, 144). Крейчи въ своей работѣ и не скрываетъ, что Колчакъ былъ выданъ „съ разрѣшенія Жанена“ подъ „давленіемъ — какъ онъ говоритъ — простой необходимости“ [1]). Зная, что „земцы“ и эс-эры изъ П. Ц. были противниками смертной казни, чехи были увѣрены, что жизнь верховному правителю гарантирована (270) [2]).

3. „Въ плѣну“.

Хотя дѣятели Полит. Цент. и были „смущены“ выдачей Колчака, тѣмъ не менѣе верховный правитель для нихъ былъ слишкомъ выгодной добычей. „Плѣненный“ [3]) Колчакъ могъ сыграть крупную роль въ переговорахъ съ большевиками. „Это былъ — говоритъ Ширямовъ— одинъ изъ главныхъ козырей Политцентра, доказывавшій якобы благожелательное отношеніе къ новой власти со стороны союзниковъ. Онъ долженъ былъ побудить быть болѣе сговорчивыми упрямыхъ большевиковъ“ („П. Д.“, 35). Большевики считали себя уже побѣдителями, и мы знаемъ, что Звѣревъ доносилъ въ Москву: Колчакъ въ „надежныхъ рукахъ“. А Политцентръ внѣшне продолжалъ играть въ демократизмъ.

[1]) Черезъ 10 лѣтъ д-ръ Патейдль уже опредѣленно весь одіумъ возлагаетъ на ген. Жанена. См. его статью въ чешскомъ оффиціозѣ „Prager Presse“ 14 декабря 30 г.: „Десятилѣтіе возвращенія легіонеровъ“.

[2]) У Эссена, однако, не было „ни малѣйшаго сомнѣнія“ въ судьбѣ, которая ожидала арестованныхъ (119). Невольно хочется эту эпопею сопоставить съ отвѣтомъ, который 3 апрѣля 19 г., въ критическій моментъ оставленія Одессы, далъ ген. д'Ансельмъ представителямъ совѣта профсоюзовъ, требовавшимъ выдачи всѣхъ добровольческихъ офицеровъ. „Отвѣтъ неумнаго ген. д'Ансельма - разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ офицеръ - коммунистъ Марти — былъ типиченъ: „Я — честный французскій солдатъ, и не могу выдать русскихъ офицеровъ, находящихся подъ покровительствомъ французскаго флага“ („Черноморское возстаніе“. „Новый Міръ“ 1925, кн. V, 85).

[3]) Терминъ „плѣнъ“ былъ употребленъ даже заграничной делегаціей партіи с-р. („Гол. Рос.“ 14 марта 22 г.).

По словамъ Гинса, даже было заявлено, что объявленный „врагомъ народа“ Колчакъ будетъ преданъ гласному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (II, 509)[1]). Демократъ Кроль не очень вѣрилъ этому демократизму или въ его долговѣчность. Онъ подумывалъ объ отъѣздѣ изъ Иркутска. Знакомые эс-эры урезонивали его, говоря, что въ немъ „реакціонера“ не видятъ, что большевики прибудутъ въ Иркутскѣ „уже вегетаріанцами“ — (еще бы! вѣдь Совнаркомъ въ тотъ моментъ, какъ Политцентръ вводилъ смертную казнь, вновь торжественно отмѣнилъ примѣненіе высшей мѣры наказанія къ врагамъ народа), а можетъ быть, что вѣрнѣе, и совсѣмъ не придутъ, такъ какъ согласятся на созданіе „буфера“ (Кроль 208). Но Кроль предпочелъ все-таки уѣхать. „Реакціонеръ“ Червенъ-Водали, оставшійся послѣ переговоровъ въ поѣздѣ Жанена, въ отвѣтъ на упрекъ „демократіи“, что онъ „бѣжалъ“, бросивъ все на произволъ судьбы, счелъ нужнымъ явиться въ Пол. Ц. и заявить, что онъ не намѣренъ бѣжать и готовъ предстать предъ судомъ народной совѣсти. Въ результатѣ арестъ, стоившій ему потомъ жизни. Арестованы были и другіе министры и ихъ товарищи, находившіеся въ Иркутскѣ: Красновъ, Морозовъ, Ларіоновъ, Шумиловскій, Преображенскій, Граціановъ и др.. Всего изъ „соратниковъ“ Колчака въ Иркутскую тюрьму попало 112 человѣкъ, среди нихъ женщины — близкій другъ адмирала, Темирева, и жена покойнаго Гришина-Алмазова,—та, у которой былъ „монархическій“ салонъ въ Омскѣ („Д. Нар.“ №№ 292—93). Одновременно изъ тюремъ были освобождены всѣ большевики.

[1]) Очевидно, имѣлся въ виду учрежденный Верховный Народный Судъ, который долженъ былъ разсматривать дѣла съ участіемъ 12 присяжныхъ засѣдателей, выбираемыхъ Иркутскимъ городскимъ самоуправленіемъ, земствомъ, кооперативами, проф. союзами, комитетомъ трудового крестьянства. Предсѣдатель и 4 члена подлежали назначенію Совѣтомъ Нар. Упр. Спецефической чертой этого суда являлось — недопущеніе обжалованія и квалифицированное большинство ($^2/_3$) для смертнаго приговора. Такова была теорія.

Союзники чувствовали себя все же не въ своей тарелкѣ. Грондижъ со словъ японскаго полк. Фукуды сообщаетъ о слѣдующемъ фактѣ:

„Когда адм. Колчакъ былъ выданъ повстанцамъ, — разсказывалъ полк. Фукуда, — я разыскалъ ген. Сырового и предложилъ ему, даже въ этотъ моментъ (15 января), взять на себя перевозку адмирала, если чехи извлекутъ его изъ тюрьмы. (Я не могъ подвергнуть уличному бою нашъ маленькій отрядъ). Ген. Сыровой отказалъ, говоря, что эта запоздалая услуга всетаки подвергла бы его войска мести... которой онъ хотѣлъ избѣжать, выдавая адмирала „трибуналу русскаго народа“. Позже полк. Фукудѣ, просившему у властей С. Р. гарантіи жизни адмирала, было отвѣчено: „Мы не можемъ высказаться по поводу исхода суда, но до тѣхъ поръ жизнь его для насъ священна“ (552).

Членъ Пол. Центра Косминскій „дважды увѣрялъ чехословацкаго представителя въ полной безопасности адмирала“. Очевидно, оказывали свое дѣйствіе протесты, шедшіе съ разныхъ сторонъ. Напр., въ постановленіи харбинскаго комитета партіи народной свободы выдача Колчака называлась „совершенно безпримѣрнымъ по своей вѣроломности актомъ предательства“. Харбинскіе к. д., полагая, что „священнымъ долгомъ чести союзнаго командованія... являлось принять... мѣры къ не допущенію предательской выдачи“, выражали надежду, что „представители союзныхъ державъ... не останутся глухими къ голосу возмущенной русской общественности“.

Все, однако, шло своимъ чередомъ. Уже 9 января Политцентръ создалъ особую чрезвычайную слѣдственную комиссію для разслѣдованія преступленій колчаковскихъ министровъ. Въ вѣдѣніе этой комиссіи были перечислены всѣ арестованные. Въ вѣдѣніе этой комиссіи попалъ и верховный правитель [1]) и его послѣдній предсѣдатель совѣта министровъ. Почему Л. Кроль, выѣхав-

[1]) Колчакъ въ тюрьмѣ былъ помѣщенъ въ нижнемъ этажѣ, въ одиночной камерѣ № 56. Пепеляевъ сидѣлъ во второмъ этажѣ.

шій изъ Иркутска въ день убійства Колчака, называетъ эту комиссію большевицкой — совершенно неизвѣстно. Только формально, сохранивъ весь свой составъ, она сдѣлалась таковой съ момента передачи П. Ц. власти коммунистамъ. Это произошло черезъ недѣлю послѣ ареста адмирала.

* * *

Въ свое время Будбергъ (запись 12 сентября) правильно опредѣлилъ положеніе: „эс-еровское правительство... не удержится и десяти недѣль и будетъ слопано большевиками безъ всякаго труда". Срокъ только Будбергъ далъ слишкомъ большой. Центральная совѣтская власть, съ которой велись переговоры [въ] надеждѣ на признаніе „демократическаго буфера" въ Иркутскѣ, дѣйствительно склонна была итти на уступки; иркутскіе же коммунисты, реально учитывавшіе обстановку, спѣшили захватить власть въ свои руки.

20 января совѣтскія организаціи въ Иркутскѣ выпустили декларацію [1]), гдѣ заявляли, что они пришли къ заключенію, что

„1) П. Ц. не имѣетъ опоры въ массахъ и состоитъ изъ представителей такихъ партійныхъ группировокъ, програмныя требованія которыхъ не отвѣчаютъ классовымъ интересамъ пролетаріата и трудового крестьянства.

2) П. Ц., лишенный поддержки низовъ, не желающихъ итти подъ лозунгомъ Учредительнаго Собранія, не способенъ къ рѣшительной борьбѣ съ реакціей, идущей какъ съ востока, такъ и съ запада, въ видѣ семеновскихъ и каппелевскихъ бандъ.

3) П. Ц. не въ силахъ гарантировать массамъ сохранность и неприкосновенность тѣхъ цѣнностей, которыя захвачены иностранцами и могутъ быть увезены на Востокъ.

---

[1]) Коммунисты, лѣвые эс-еры и штабъ раб.-крестьянскихъ дружинъ.

4) Компромиссная и соглашательская тактика П. Ц. въ отношеніяхъ съ союзниками не только не устраняетъ союзной интервенціи, губительной для трудовыхъ массъ страны, но даже, наоборотъ, власть П. Ц. превращается въ одно изъ проявленій данной интервенціи.

5) Несмотря на декларацію П. Ц. и его заявленіе о рѣшительной борьбѣ съ реакціей, имъ фактически для этого ничего не сдѣлано" („П. Д." 192).

Естественно, что „объединенное засѣданіе" означенныхъ организацій признало, что организовать вооруженный отпоръ союзнымъ интервентамъ можетъ только совѣтская власть, которая является наиболѣе цѣлесообразной формой классовой диктатуры пролетаріата и трудового крестьянства и признается единственной законной всероссійской властью. Поэтому декларація совѣтскихъ организацій объявляла о созывѣ 25 января въ 12 час. дня Совѣта Раб. и Солд. и Кр. Деп. и предлагала Политцентру передать власть этому совѣту. Но такъ какъ оставалось еще нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ „бѣлогвардейскія банды" могли занять важные въ военномъ отношеніи пункты, предлагалось передать власть немедленно Военно-Револ. Комитету, въ составѣ коммунистовъ и лѣвыхъ с.-р. Авторы декларації не сомнѣвались въ томъ, что „предложеніе" ихъ будетъ принято. Они заявляли отъ имени К. Рев. Ком., берущаго въ свои руки власть, что:

„1) В. Рев. Ком. немедленно сложитъ свои полномочія, какъ только будетъ созванъ Совѣтъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

„2) В. Рев. Ком. гарантируетъ чехамъ безпрепятственный проѣздъ на Востокъ съ оружіемъ въ рукахъ при условіи передачи В. Рев. Ком. золота и безусловно полнаго невмѣшательства ихъ въ русскія дѣла.

„3) В. Рев. Ком. гарантируетъ полную неприкосновенность той демократіи, которая съ оружіемъ въ рукахъ боролась противъ колчаковской власти.

„4) В. Рев. Ком. гарантируетъ полную неприкосно-

новенность личнаго состава Политическаго Центра. („П. Д." 193).

Послѣдній пунктъ говоритъ не о соглашеніи, а о сдачѣ власти. И происходитъ нѣчто удивительное. Послѣ всѣхъ пышныхъ фразъ во время переговоровъ съ представителями прежней власти въ вагонѣ высокихъ комиссаровъ, послѣ Томскаго договора 19 января о государствѣ-буферѣ власть не только капитулировала передъ большевиками, но призываетъ населеніе всецѣло ихъ поддержать:

„Пол. Цен., вступая на путь активной борьбы съ реакціей, своей первѣйшей задачей ставилъ прекращеніе гражданской войны, разслабляющей силы революціонной демократіи и создающей почву для торжества реакціи.

„Силами, объединенными Пол. Цент., власть правительства Колчака низвергнута. Но на смѣну ей идетъ новая опасность съ Дальн. Востока, опасность злѣйшей реакціи въ лицѣ ат. Семенова и тѣхъ силъ, которыя поддерживаютъ его и руководятъ имъ.

„Передъ лицомъ этой опасности должны сомкнуться всѣ силы революціонной демократіи. И территорія Вост. Сибири, не обладающая достаточными боевыми и матеріальными рессурсами для активной и успѣшной борьбы за самостоятельность революціонной Россіи, должна объединить свои силы съ силами всей Россіи, должна передъ грядущей реакціей стать единымъ и мощнымъ революціоннымъ фронтомъ.

„Учитывая все это, Врем. Сов. Сиб. Нар. Упр. считаетъ необходимымъ и въ этотъ отвѣтственный для страны моментъ въ цѣляхъ сплоченія силъ революціонной демократіи для борьбы съ реакціей во избѣжаніе раскола въ ея рядахъ, а также для упроченія гражданскаго мира, — передать власть сорганизовавшемуся въ Иркутскѣ Воен.-Рев. Комитету.

„Слагая свои полномочія, Совѣтъ Нар. Упр. и Пол. Цент. призываютъ демократію къ дѣйственной поддержкѣ новой власти въ ея борьбѣ съ остатками реакціи, пытающейся разорвать единое тѣло революціонной Россіи". („П. Д." 195)

Позорный конецъ для власти! Позоръ этотъ не можетъ прикрыть декларативная мишура[1]). Получивъ власть „по соглашенію“ съ Полит. Центромъ, военно-рев. комитетъ предписывалъ „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ“:

...„2. Арестовать лицъ, контръ-революціонная дѣятельность которыхъ угрожаетъ революц. порядку, и вообще принять всѣ мѣры къ обезпеченію этого порядка...

„4. Принять всѣ мѣры къ ликвидаціи двигающихся съ запада остатковъ колчаковскихъ бандъ и скорѣйшему продвиженію совѣтскихъ войскъ къ Иркутску.

„5. Способствовать продвиженію на Востокъ чешскихъ людскихъ эшелоновъ, поскольку они не будутъ противодѣйствовать Ревкомамъ въ осуществленіи ими своихъ задачъ...

„6. Производить самый строгій фактическій контроль всѣхъ проходящихъ поѣздовъ и эшелоновъ съ цѣлью изъятія изъ нихъ контръ-революціонеровъ и русскихъ подданныхъ вообще, не нарушая движенія чешскихъ эшелоновъ“ („П. Д.“ 196).

22-го Воен. Рев. Комитетъ гарантировалъ всѣмъ, кто немедленно и непрекословно сдастся, „персональное сохраненіе жизни при разборкѣ ихъ дѣла судомъ Республики“.

„Переворотъ, такимъ образомъ, былъ совершенъ съ пролитіемъ лишь небольшого количествя чернилъ — язвительно замѣтилъ Ширямовъ.[2]) Черезъ два дня изъ Москвы была получена телеграмма о согласіи на существованіе Политцентра. Но было „уже поздно“...

---

[1]) Поразительно, что самый текстъ соглашенія помѣченъ 22 января и что въ пункты соглашенія вводилось обязательство созыва Совѣта Р. С. К. Д., откуда заранѣе были исключены меньшевики и эс-эры („Бор. за Ур.“ 310). Военно-Рев. Ком. одновременно гарантировалъ пропускъ чехо-сл. войскъ, при условіи невмѣшательства и передачи золота (текстъ соглашенія у Ширямова, 296).

[2]) „Чехи добавляетъ авторъ — приняли извѣстіе о нашемъ оффиціальномъ появленіи спокойно... мы сообщили имъ о неизбѣжности переворота и получили отвѣтъ, что они сами видятъ все безсиліе П. Ц. и что ихъ здѣсь интересуетъ лишь сохраненіе въ силѣ ихъ соглашенія съ П. Ц. объ обезпеченіи имъ свободнаго выхода на Востокъ. Представитель чешскаго командованія присутствовалъ на засѣданіи, гдѣ рѣшался вопросъ о переходѣ власти, и мы оффиціально подтвердили соглашеніе“. (296).

Позже, 6 апрѣля, Ц. К. партіи с.-р. вынесъ резолюцію, въ которой признавалъ „правильнымъ отказъ отъ власти краевого комитета партіи и передачу власти коммунистамъ“. Ц. К. въ Москвѣ всю дальнѣйшую отвѣтственность возлагалъ на „авантюристическую политику“ большевиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ц. К. еще разъ привѣтствовалъ „товарищей сибиряковъ съ удачнымъ разрѣшеніемъ ими задачъ, поставленныхъ передъ партіей фактомъ существованія колчаковской контръ-революціонной диктатуры“. Эс-эровскіе центровики считали, что „одной только ликвидаціей колчаковщины товарищи въ Сибири выполнили уже основное заданіе, поставленное передъ ними IX Совѣтомъ партіи“.

* * *

Политцентръ призвалъ демократію къ дѣйственной поддержкѣ власти. Въ дѣйствительности, отвергнутые большевиками лидеры сибирскихъ эс-эровъ и меньшевиковъ плелись въ толпѣ, шествующей за колесницей побѣдителей. Только въ одномъ учрежденіи — въ реформированной большевиками чрезвычайной слѣдственной комиссіи, представителямъ демократіи суждено было играть видную роль. Здѣсь шелъ допросъ адмирала Колчака.

Составъ Комиссіи былъ неизмѣненъ до конца: предсѣдатель коммунистъ Поповъ[1]), замѣститель предсѣдателя с.-д. Денике, членъ комиссіи с.-р. Алексѣевскій и Лукьянчиковъ. Ревкомъ сознательно сохранилъ этотъ составъ: „при наличіи этихъ лицъ въ слѣдственной комиссіи больше развязывался языкъ у Колчака. Онъ не видѣлъ въ нихъ своихъ рѣшительныхъ и послѣдовательныхъ враговъ“ (предисловіе къ допросу).

---

[1]) Это характерно для Пол. Ц. Напомнимъ, что Поповъ — прис. пов., предсѣдатель Омскаго Совѣта, находившійся въ заключеніи въ періодъ „декабрьской драмы“.

Допросъ начался въ день передачи власти Политцентромъ — уже первый протоколъ былъ подписанъ предсѣдателемъ въ званіи замѣстителя предсѣдателя иркутской губернской Чеки (предсѣдателемъ послѣдней былъ Чудновскій).[1]) Такимъ образомъ, представители партіи с.-р. и с.-д. оффиціально и непосредственно участвовали какъ бы въ засѣданіяхъ большевицкой Ч. К.[2]). Предполагалось послѣ слѣдствія отправить Колчака „на судъ въ Москву".

О показаніяхъ Колчака мы говорили уже достаточно. Къ сожалѣнію, документъ оказался оборваннымъ, быть можетъ, на самомъ значительномъ мѣстѣ — тамъ, гдѣ началась, по признанію даже допрашивающихъ, „самая существенная часть". Послѣдній допросъ происходилъ 6 февраля, наканунѣ гибели верховнаго правителя. Чрезвычайно интересно, какъ сами политическіе враги характеризуютъ показанія и поведеніе верховнаго правителя въ дни допроса. „Въ общемъ и цѣломъ" эти показанія были въ достаточной мѣрѣ откровенны. Колчакъ ихъ давалъ не столько для допрашивавшей его власти, сколько для буржуазнаго міра. Онъ зналъ, что его ожидаетъ. Ему не было нужды что либо скрывать для своего спасенія. Спасенія онъ не ждалъ, ждать не могъ и не дѣлалъ ради него попытки хвататься за какія бы то ни было соломинки"... ("Допросъ", VI.)

Въ своей откровенности Колчакъ проявлялъ, однако, большую осторожность, остерегаясь „малѣйшей возможности дать матеріалъ для обвиненія отдѣльныхъ лицъ, которыя попали или могли еще попасть въ руки возстановителей совѣтской власти". Попову (редактору показаній) только не нравится, что Колчакъ „никакъ

[1]) Со второго засѣданія онъ принимаетъ участіе въ допросахъ, но подписываетъ протоколы Поповъ.

[2]) Это не помѣшало Алексѣевскому, не вызывая протеста ни съ чьей стороны, принять въ 1921 г. участіе въ эмигрантскомъ уже парижскомъ съѣздѣ бывшихъ членовъ Учредительнаго Собранія 1917 года.

даже въ отношеніи далекаго прошлаго не хочетъ признать себя монархистомъ. И свой монархизмъ, монархическія цѣли борьбы съ большевиками онъ прикрываетъ флеромъ устремленій демократическихъ". Какъ держался Адмиралъ на допросахъ? „Держался, какъ военно-плѣнный командиръ проигравшей кампанію арміи, и съ этой точки зрѣнія держался съ полнымъ достоинствомъ. Этимъ онъ рѣзко отличался отъ большинства своихъ министровъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло въ качествѣ слѣдователя по колчаковскому дѣлу колчаковскаго правительства. Тамъ была, за рѣдкимъ исключеніемъ, трусость, желаніе представить себя невольными участниками кѣмъ-то другими затѣянной, грязной исторіи, даже изобразить себя чуть не бойцами противъ этихъ другихъ, превращеніе изъ вчерашнихъ властителей въ сегодняшнихъ холоповъ передъ побѣдившимъ врагомъ. Ничего этого въ поведеніи Колчака не было". (VII.)

А каковы были слѣдователи? Кроль разсказываетъ, что по „доходившимъ безспорно точнымъ свѣдѣніямъ адмиралъ импонировалъ не только членамъ П. Ц., но и большевицкой комиссіи, допрашивающей его. По всѣмъ даннымъ къ адмиралу относились хорошо, съ уваженіемъ" (208). Въ сущности, главную роль при допросѣ играетъ Алексѣевскій — онъ главный слѣдователь. Поповъ, Чудновскій, Денике, — сравнительно рѣдко вмѣшиваются, ихъ реплики носятъ по преимуществу формальный характеръ. Два-три раза роль допрашивающаго переходитъ какъ бы къ Денике. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ наиболѣе острые вопросы это ставитъ всегда Алексѣевскій; онъ подаетъ наиболѣе рѣзкія реплики; онъ съ наибольшимъ пристрастіемъ допрашиваетъ адмирала. Имя Лукьянчикова нигдѣ не фигурируетъ — онъ ни разу ни одного вопроса не задалъ Колчаку. Вѣроятно, с. р. Лукьянчиковъ и былъ тѣмъ членомъ Комиссіи, о которомъ упоминаетъ одинъ изъ иркутянъ, Мих. Струйскій, передающій такую подробность: „Чудновскій, за-

мѣтивъ, что Колчакъ съ большимъ удовольствіемъ пьетъ чай, рѣшилъ лишить его этого маленькаго удовольствія и приказалъ на слѣдующій разъ подать стаканы съ чаемъ лишь по числу членовъ Комиссіи. Одинъ изъ членовъ Комиссіи, видя, что Колчаку не дали чаю, передалъ ему свой стаканъ". („Н. Р. Сл." № 5700)

Допросъ происходилъ въ самой тюрьмѣ въ кабинетѣ начальника. Здѣсь же допрашивался и Пепеляевъ, но допрашивался рѣже, и его показанія пока еще скрыты для исторіи. Гришина-Алмазова, заключенная въ камеру рядомъ съ Пепеляевымъ и имѣвшая возможность переписываться съ нимъ, говоритъ, что онъ былъ „совершенно спокоенъ".

Гришина-Алмазова оставила намъ и описаніе быта тюрьмы. Исключенія для верховнаго правителя не было сдѣлано:

„Разъ въ недѣлю допускались передачи для заключенныхъ съ воли. Этими передачами только и можно было спасаться отъ голода, потому что тюремная пища была невыносима. Едва только на лѣстницѣ появлялся тюремный супъ, весь корпусъ наполнялся зловоніемъ, отъ котораго дѣлались спазмы. Къ счастью, я получала передачи, которыми дѣлилась съ Темиревой и адмираломъ. Впослѣдствіи они стали такъ же получать передачи отъ своихъ друзей. Разносили пищу и убирали камеры уголовные, которые относились довольно радушно къ новымъ арестантамъ, хотя и были довольны переворотомъ, сулившимъ имъ близкое освобожденіе. Они охотно передавали письма, исполняли просьбы и порученія политическихъ заключенныхъ. Политическіе отвѣчали такимъ же дружелюбіемъ. Одинъ изъ уголовныхъ былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія, когда брился безопасной бритвой, данной ему Колчакомъ. Въ отвѣтъ на негодованіе начальства онъ простодушно возразилъ: „такъ вѣдь она безопасная" и добавилъ: „это — наша съ Александромъ Васильевичемъ". Надзиратели держались корректно. Служа издавна, они столько разъ видѣли, какъ заключенные становились правителями, а правители — заключенными, что старались ладить съ арестантами. Поэтому власти не довѣряли надзирателямъ,

въ тюрьму былъ введенъ красноармейскій караулъ. Часовые стояли у камеръ Колчака, Пепеляева и въ третьемъ этажѣ. Они не должны были допускать разговоровъ съ заключенными и передачу писемъ. Но кто не знаетъ русскаго солдата, который можетъ быть до изступленія свирѣпъ, но и до слезъ добръ! Очень скоро съ карауломъ завязалась дружба. Темирева и я свободно выходили въ корридоръ, передавали письма, разговаривали съ заключенными. Не во время явившееся начальство могло бы увидѣть красноармейца откупоривающаго банку съ ананасомъ, переданную намъ съ воли.

Но это благодушіе длилось не долго. Скоро наступили безумные, кошмарные, смертные дни. Появились слухи о приближеніи каппелевцевъ. Сначала этому не придавали значенія, но скоро власти были охвачены тревогой. Тюрьму объявили на осадномъ положеніи. Было дано распоряженіе подготовиться къ вывозу заключенныхъ изъ Иркутска. Съ 4 февраля егерскій батальонъ, несшій караульную службу, былъ замѣненъ красноармейцами изъ рабочихъ. Почти всѣ уголовные были убраны изъ корридоровъ, по которымъ хищно бродили красноармейцы, врывавшіеся въ камеры, перерывавшіе вещи и отнимавшіе все, что имъ попадалось подъ руку. Открыто дѣлались приготовленія къ уничтоженію заключенныхъ, въ случаѣ захвата города. Тревога и ужасъ царили въ тюрьмѣ". [1])

Такъ жилъ „военно-плѣнный командиръ проигравшей кампанію арміи"...

4. Отступающая армія.

Отступающей арміи въ условіяхъ гражданской войны почти всегда предстоятъ жестокія испытанія. Надо имѣть перо художника, чтобы описывать эти ужасы и страданія. Еще не появился художникъ-лѣтописецъ, который изобразилъ бы во всей выпуклости страдные дни сибирскихъ армій. Трафаретъ ужасовъ уже не дѣйствуетъ на нервы. Надо проникнуть въ толщу людскихъ

[1]) Перепечатано было въ „Рулѣ" 24 марта 1921 г.

страданій для того, чтобы произвести своимъ описаніемъ впечатлѣніе.

Эта особая трагедія, которой мы можемъ коснуться лишь вскользь. Да и какъ на нѣсколькихъ страницахъ изобразить трагическій исходъ уральскаго войска, или отдѣльной Уральской арміи, оторваннной отъ Сибири и изолированной отъ Юга. Уральцы, подъ начальствомъ своего атамана ген. Толстова, совершили зимой съ женами и дѣтьми фантастическій, тысячеверстный путь черезъ мертвую пустыню. Вышло 15.000, пришло въ фортъ Александровскъ всего 3.000. Каждый ночлегъ былъ кладбищемъ — повѣствуетъ ген. Акулининъ.[1]) И на остановкахъ и въ пути уральское казачество приносило „искупительныя жертвы великому служенію родинѣ".

Что сказать про тотъ „страшный походъ" южной оренбургской арміи, по сравненію съ которымъ даже большевицкій повѣствователь считаетъ другія эвакуаціи „увеселительными прогулками"...[2]) Оренбургская армія держалась на фронтѣ, насколько могла. „Буду бороться, пока есть силы" — писалъ Дутовъ Колчаку 31 октября изъ Кокчетава: „Оренбургская армія, первая васъ признавшая, всегда будетъ съ вами и за васъ". („Б. за Ур." 351). Отступая, она двигалась черезъ гористыя Тургайскія степи и черезъ безводные и пустынные пески Балкаша къ Сергіополю на соединенія съ Анненковымъ въ Семирѣчьѣ. Съ арміей двигались голодныя, умирающія тифозныя толпы бѣженцевъ. Тѣ, кто не могли итти, должны были погибать. Ихъ убивали собственные друзья и братья. Общее количество отходившихъ, по словамъ большевицкихъ источниковъ, колебалось отъ 100-150

---

[1]) „Уральское казачье войско въ борьбѣ съ большевиками" („Бѣл. Дѣло" 11). Дальнѣйшій путь на Тегеранъ изображенъ Толстовымъ въ книгѣ „Отъ красныхъ лапъ въ неизвѣстную даль". (Константинополь, 1922).

[2]) „Сибирскіе Огни" 1923 № 1—2 „Бѣлые въ Китаѣ".

тысячъ. Къ концу марта границу Китая близь города Чучугонъ перешло до 30 тыс.

Отступленіе центральной арміи также быстро превратилось въ катастрофу. Вся обстановка содѣйствовала этому — вплоть до суровой зимы. Это былъ „великій исходъ", снѣжная лавина, катившая съ запада на востокъ—писалъ въ своемъ горестномъ отчетѣ уполномоченный Кр. Кр. Миллеръ. Остатки армій Каппеля, Вержбицкаго, Войцеховскаго, Сахарова двигались не по жел. дорогѣ, занятой чехо-словаками, а вдоль ея полотна по старому сибирскому тракту. „Жестокіе сибирскіе морозы и тифъ — говоритъ Ширямовъ — безжалостно косили людей, но все же для насъ это былъ серьезный врагъ. Каппель велъ за собой наиболѣе стойкія и упорныя въ борьбѣ съ совѣтской властью части, выдержавшія всю двухлѣтнюю кампанію" („Б. за Ур." (294). „Это были — дополняетъ характеристику другой наблюдатель изъ враждебнаго лагеря — самые крѣпкіе физически и духовно люди. Они отступали отъ Омска до Иркутска. Всѣ слабые уже погибли отъ тягостей этого безумнаго долгаго похода. Остались тѣ, кто не ждалъ пощады отъ красныхъ и самъ никого не щадилъ" (Смирновъ—Ib. 309). Слова „пощада", „жалость" — вообще не подходили къ моменту. Кровью написана 9 января телеграмма командующаго пятой польской дивизіей со ст. Клюквенная, умолявшая ген. Сырового пропустить впередъ 5 эшелоновъ (изъ 51) „съ семьями, дѣтьми и ранеными". Сыровой, выполняя, быть можетъ, свой жестокій долгъ въ общей борьбѣ за существованіе, отвѣчалъ: „Удивляюсь тону вашей телеграммы... Согласно приказу ген. Жанена, вы должны двигаться послѣдними. Ни одинъ польскій эшелонъ не можетъ быть мною пропущенъ на востокъ" [1]).

Эвакуація оставила позади себя 200 замерзшихъ

[1]) Гинсъ II, 507; „Чешскіе аргонавты" 19. Кап. Ясинскій-Стахурекъ письмомъ отъ 5 февраля тоже вызывалъ на дуэль Сырового.

„поѣздовъ смерти“ съ бѣженцами и семьями тѣхъ, которые отступали въ арміи. „Гибель эшелоновъ съ семьями — свидѣтельствуетъ Занкевичъ — нанесла огромный моральный ударъ офицерству арміи и была одной изъ главныхъ причинъ быстраго и окончательнаго ея разложенія“ (149). Десятки обозовъ съ умершими въ Омскѣ, тысячи сожигаемыхъ труповъ погибшихъ въ лагеряхъ Ново-Николаевска, штабели труповъ въ Красноярскѣ и Томскѣ[1]) — все это жертвы на кладбищѣ гражданской войны. Но трудно представить себѣ нѣчто болѣе кошмарное, чѣмъ то, что совѣтскій беллетристъ Ф. Абрамовъ, подъ заглавіемъ „Воскресникъ“, далъ въ 1926 году въ „Сибир. Огняхъ“ (было перепечатано въ „Дняхъ“ 2-го дек.). Это было время, когда разгружали „мертвые поѣзда“. Грубо, пожалуй, даже иногда цинично его изложеніе, но оно такъ ярко говоритъ о кошмарныхъ ужасахъ въ Сибири:

...„Въ январѣ двадцатаго года въ городѣ встрѣчались подводы и цѣлые обозы съ трупами. Это свозили за городъ со станціи, разгружали мертвые поѣзда, подбирали трупы въ окрестностяхъ. На саняхъ везли десять-пятнадцать труповъ, все больше раздѣтыхъ, вымерзшихъ бѣлыхъ, перетянутыхъ веревкой. Бываетъ, что везутъ, а веревка лопнетъ, и они разсыплются. Женщины сначала въ обморокъ падали, потомъ ничего — привыкли, стоятъ и смотрятъ, нѣтъ-ли знакомыхъ. Иногда находили.

„Возили трупы за городъ. Тамъ стоялъ крематорій, но слабо работалъ: не больше 300 труповъ сжигалъ, а привозили ихъ въ нѣсколько разъ больше. Пришлось для труповъ могилы рыть. Работали какія-то воинскія части потомъ стали мобилизовать гражданское населеніе. Окрестные крестьяне возили, а городскія обыватели могилы рыли.

„Воскресники устраивали тогда для того, чтобы привлечь къ работамъ служащихъ и рабочихъ. Попалъ

[1]) Смирновъ „Отъ Колчака къ Совѣтамъ“. Сиб. Огни“ 27. V, 136; Н. К. Волковъ „Сибирь подъ властью большевиковъ“. „Общее Дѣло“ № 117.

нашъ коллективъ въ одно воскресенье на рытье могилъ...

„Опять воскресеніе, опять воскресникъ и опять могилы. Утѣшаютъ, что нашъ колективъ и вообще нашъ районъ на могилы въ послѣдній разъ назначаютъ. Пришли, распредѣлились. Мы опять съ ней въ парѣ. Оказалось, что на этотъ разъ намъ досталось не могилу рыть, а такъ какъ двѣ могилы были уже готовы, то насъ заставили трупы въ могилу таскать. Не повезетъ, такъ ужъ не повезетъ. Показали намъ, какъ это дѣлается. Очень просто. Даютъ веревку двоимъ. Веревкой зацѣпятъ мертвяка за голову или за руку и волокомъ къ могилѣ, столкнутъ туда, а тамъ уже есть люди, которые укладываютъ рядами, чтобъ меньше мѣста занимали. Совсѣмъ просто: зацѣпятъ, приволокутъ къ ямѣ, столкнутъ и маршъ за другими. Если бы это были чурки деревянныя, такъ даже весело бы было. Лучше, чѣмъ копать...

„Больше всего было мужской молодежи изъ колчаковской арміи. Рядомъ съ нами работали двое здоровыхъ парней. Зацѣпили изъ кучи одного за голову, дернули и оторвали голову. Постояли, посмотрѣли на нее и, какъ ребятишки зимой гонятъ замерзшій калъ, погнали голову къ ямѣ, перебрасывая ее одинъ къ другому. Кто то заругался на нихъ. Многихъ тошнило. Съ нѣсколькими женщинами случилась истерика: всѣ были неразговорчивы. Бываетъ, что и женщины молчатъ.

Работа по времени подходила уже къ концу. Накинулъ я веревку петлей на какую-то женщину, вытянулъ изъ кучи. Смотрю, пріятельница какъ-то дико смотритъ на трупъ. Бросилась на колѣни, посмотрѣла, дико закричала: „Мама“!...

* * *

Около Нижнеудинска въ тайгѣ части Каппеля и Войцеховскаго, къ которымъ присоединились прорвавшіеся ижевцы и уральцы, отступавшіе послѣ Красноярска внизъ по Енисею, встрѣтились съ группой воткинцевъ Вержбицкаго и съ колонной Сахарова и Лебедева. Образовалась, по исчисленію Сахарова, сила „тысячъ въ тридцать бойцовъ“ [1]). Захвативъ Нижнеудинскъ,

[1]) Сахаровъ далъ наиболѣе полное описаніе сибирскаго „ледяного похода“.

Каппель 22 января устроилъ военное совѣщаніе. На немъ былъ выработанъ планъ — двигаться двумя колоннами-арміями (подъ командованіемъ Войцеховскаго и самого Сахарова) къ Иркутску, стремиться подойти къ нему возможно скорѣе, чтобы внезапно овладѣть городомъ, освободить верховнаго правителя, всѣхъ съ нимъ арестованныхъ, отнять золотой запасъ, затѣмъ, установивъ соединеніе съ Забайкальемъ, пополнить и снабдить наши части въ Иркутскѣ, наладить службу тыла и занять западнѣе Иркутска боевой фронтъ" (Сахаровъ, 262-3).

Около ст. „Зима" обѣ колонны должны были соединиться. Войска получили общее наименованіе „каппелевцевъ". Въ пути Каппель, у котораго уже были отморожены ноги, получилъ воспаленіе легкихъ... 25 января онъ скончался. Ушелъ, по характеристикѣ Сахарова, одинъ „изъ доблестнѣйшихъ сыновъ Россіи", пользовавшійся „прямо легендарнымъ обояніемъ".

Продвиженіе каппелевцевъ обезпокоило и Пол. Ц. и коммунистовъ. По словамъ Парфенова, кап. Калашниковъ внесъ даже предложеніе о передачѣ власти коммунистамъ „въ виду создавшагося критическаго положенія" (Сиб. Ог." 27. V, 117). Калашниковъ въ эти дни сдѣлался уже вѣрнымъ слугой коммунистовъ.[1]) „Мы стали готовиться къ отпору каппелевцамъ, а заодно и чехамъ" — вспоминаетъ Ширямовъ („Бор. за Ур." 297). Коммунисты не довѣряя чехамъ, боялись съ ихъ стороны поддержки каппелевцамъ. Бороться одновременно и съ тѣми и съ другими, по признанію Ширямова, коммунисты не могли, такъ какъ армія ихъ пополнялась только ненадежными партизанскими отрядами. Руководящіе чехословацкіе органы о такой поддержкѣ каппелевцамъ и не помышляли. Они всемѣрно искали соглашенія съ мѣстными большевицкими организаціями и представителями наступавшей пятой совѣтской арміи. Послѣдніе въ свою оче-

[1]) Любопытна его судьба — въ концѣ концовъ, онъ все-таки попалъ въ эмиграцію.

редь, по предписанію изъ Москвы, желали избѣжать столкновеній съ чехами. Между тѣмъ, повсюду чехословаки отступали, выдерживая арьергардные бои съ головными частями пятой арміи. Такъ крупное столкновеніе съ дивизіей польскихъ легіонеровъ произошло у большевиковъ около ст. Тайга подъ Красноярскомъ. Новыя столкновенія были у Ниждеудинска и въ Тулунѣ. Чехи уходили, взрывая мосты: тѣмъ самымъ замедлялось продвиженіе большевиковъ: „надо было во что бы то ни стало прекратить эти разрушенія“ (Смирновъ)[1]). На почвѣ самозащиты и могло произойти на мѣстахъ, вопреки всякаго рода предписаніямъ свыше, то соединеніе чехословацкихъ отрядовъ съ каппелевцами, котораго боялись и дѣятели П. Ц, и коммунисты. Тѣмъ болѣе, что настроеніе окружающаго населенія было неопредѣленно. Сами „Изв. Ирк. Рев. Ком.“ (№ 1-24 января) должны отмѣтить, что „среди населенія селеній и городовъ, расположенныхъ вдоль линіи ж. д., настроеніе выжидательное. Одни ждутъ съ нетерпѣніемъ приближенія регулярныхъ совѣтскихъ властей, другіе—мечтаютъ и вздыхаютъ о Каппелѣ и посматриваютъ на востокъ...“ Въ хвостѣ эвакуировавшихся эшелоновъ шли польскія, румынскія и сербскія части, мало считавшіяся съ военнымъ чехословацкимъ командованіемъ. При эвакуаціи неизбѣжно каждый начиналъ думать только о себѣ. Кромѣ того, значительная часть чехо-словацкаго войска была настроена антибольшевицки. Январьскія событія должны были многимъ раскрыть глаза и показать, что лозунгъ „демократіи“ въ то время обозначалъ безоговорочное признаніе совѣтской власти. Настроеніе было далеко неоднородно. Если спеціально обличитель-

[1]) Повидимому, не „энтузіазмъ“ совѣтской арміи, на который ссылается Смирновъ, а дѣйствія партизанъ являлись причиной арьергардныхъ боевъ. По требованію самихъ желѣзнодорожниковъ, В. Р. Ком. вынужденъ былъ отъ Нижнеудинска до Иннокентьевской установить 20 верстную нейтральную зону по обѣ стороны линіи во избѣжаніи конфликта съ чехословацкими эшелонами. („П. Д.“, 198).

ная литература склонна приводить примѣры, когда чехо-словацкіе эшелоны, обезоруживая бѣглецовъ, къ нимъ присоединившихся, выдаютъ ихъ большевикамъ [1]), то можно привести не менѣе многочисленные примѣры содѣйствія и спасенія чехами бѣглецовъ. Даже въ такой критическій для польской дивизіи моментъ, какъ бои подъ Красноярскомъ, ею рѣшительно было отвергнуто требованіе выдачи всѣхъ русскихъ, ѣхавшихъ въ польскихъ эшелонахъ (Ст. Витольдова „На Востокъ". Рига.)

Столкновеніе съ каппелевцами, происшедшее у ст. Зима, показало, какую роль могли бы сыграть еще чехо-словаки и какая двойственность наблюдалась въ сущности въ ихъ позиціи. Изъ Иркутска „революціоннымъ" правительствомъ былъ отправленъ на ст. Зима заслонъ, который долженъ былъ принять первый ударъ каппелевцевъ. По словамъ Ширямова, чехи „не препятствовали" его проѣзду по ж. д. и дали обѣщаніе не вмѣшиваться въ бои и не оказывать никакого содѣйствія каппелевцамъ, при условіи соблюденія трехверстной нейтральной зоны вдоль линіи ж. д. (Jb. 279). Въ дѣйствительности произошло нѣчто другое. Въ бою съ большевиками принялъ участіе конный чешскій полкъ третьей дивизіи, которой командовалъ майоръ Пржхалъ, „но уже черезъ нѣсколько часовъ, — разсказываетъ Сахаровъ, — отъ Яна Сырового пришли по телеграфу и строжайшій разносъ майору Пржхалу и приказаніе вернуть краснымъ оружіе и требованіе... не оказывать намъ никакого содѣйствія. Установившіяся было отношенія между нами и чехами были сразу прерваны. Майоръ Пржхалъ, показавъ полученныя имъ телеграммы, заперся въ вагонѣ". (268).

---

[1]) „Осмотръ мѣстными русскими властями эшелоновъ чехословскъ — сообщаютъ „Изв. Ирк. Р. К."—часто обнаруживаютъ бѣглыхъ русскихъ офицеровъ, которые арестовываются безъ препятствія со стороны чеховъ".

Въ дни столкновенія у ст. Зимы и обостренныхъ отношеній между большевиками и чехо-словаками, чешское командованіе уже оффиціально вступило въ переговоры съ пятой совѣтской арміей при посредствѣ иркутскихъ коммунистовъ. Соглашеніе висѣло на волоскѣ, такъ какъ въ Иркутскѣ полученъ былъ уже приказъ объ открытомъ выступленіи противъ чеховъ и разстройствѣ ихъ тыла („Б. за Ур". 300, 321). Тогда иркутскій ревкомъ „рѣшился на послѣдній шагъ, кажется, предложенный чехами: послать делегацію для непосредственныхъ переговоровъ съ пятой арміей". Съ охранной грамотой Благоша делегація двинулась въ путь и прибыла на ст. Зима. „Въ вокзальномъ помѣщеніи" — разсказываетъ Сурковъ [1]) — „насъ встрѣтилъ начальникъ чехослов. дивизіи Пржхала... Не успѣли мы изложить своей просьбы и показать Пржхалѣ свои мандаты отъ д-ра Благоша, какъ въ комнату вошелъ статный казачій офицеръ, который, взявъ подъ козырекъ, быстро отрапортовалъ: „Ген. Войцеховскому стало извѣстно, что на ст. Зима только сейчасъ прибыла делегація большевиковъ... Генералъ проситъ ихъ немедленно передать ему въ руки, такъ какъ ихъ движеніе по линіи подъ чешской охраной нарушаетъ нейтралитетъ чеховъ въ отношеніи жел. дороги, который долженъ быть для всѣхъ русскихъ одинаковъ... Пржхалъ замѣтно волновался и не зналъ, что дѣлать... Послѣ краткаго совѣщанія рѣшено было насъ ген. Войцеховскому не выдавать, а посадивъ въ простой товарный вагонъ, двинуть съ паровозомъ дальше"...

Новое осложненіе было въ „Тулунѣ, гдѣ чешскій [2]) полковникъ Бируль, противникъ мира съ „красными", не хотѣлъ пропускать делегацію: „высшее чешское командованіе, сидящее въ Иркутскѣ, ничего не знаетъ о

[1]) „Первая встрѣча партизанъ съ красной арміей" („Б. за Ур"-324).

[2]) Со стороны чеховъ въ делегацію входилъ поручикъ Гаупе.

томъ, что творится здѣсь, на мѣстѣ и поэтому высылаетъ всякія делегаціи" („Бор. за Ур." 324—26)... Но все-таки делегація до мѣста назначенія доѣхала и соглашеніе съ правительствомъ Р.С.Ф.С.Р. заключила. Оно было подписано въ с. Куйтуки 7 февраля, въ 9 часовъ вечера по Московскому времени. Одинъ изъ пунктовъ соглашенія гласилъ: „чехосл. войска оставляютъ адмирала Колчака и его сторонниковъ, арестованныхъ иркутскимъ Ревкомомъ, въ распоряженіе Совѣтской власти подъ охраной совѣтскихъ войскъ и не вмѣшиваются въ распоряженія совѣтской власти въ отношеніи къ арестованнымъ". (Договоръ напечатанъ въ приложеніи къ сборнику „Борьба за Уралъ и Сибирь" стр. 358—361).

5. Въ предсмертный часъ.

„Голова Колчака должна была служить выкупомъ за свободный уходъ на Востокъ"... Слова эти принадлежатъ Ширямову и относятся еще ко времени выдачи адмирала Политцентру. Договоръ 7 февраля самъ по себѣ не игралъ роли въ судьбѣ иркутскихъ плѣнниковъ. Онъ былъ формально заключенъ тогда, когда ни верховнаго правителя, ни предсѣдателя Совѣта Министровъ уже не было въ живыхъ. Этотъ пунктъ договора носилъ скорѣе демонстративный характеръ, такъ какъ большевики прекрасно, конечно, знали, что чешская дипломатія и чешское командованіе спасать Колчака не будутъ. Большевиковъ же, по признанію Смирнова, больше безпокоила возможность увоза золота [1]). Но документъ для исторіи остался. Договоръ 7 февраля „случайно" совпалъ съ днемъ убійства верховнаго правителя. Эта „случайность", какъ понимаетъ с.-д.

[1]) „Б. за Ур." 293. Относительно вывоза золота (объ этомъ имѣлся соотвѣтствующій пунктъ договора) было дано коммунистамъ 6 февраля распоряженіе: „портить путь, взрывать мосты, туннели и т. д. („П. Дн." 208).

Крейчи, [1]), сдѣлала „наше пребываніе въ Сибири въ политическо-моральномъ отношеніи совершенно непереносимымъ". „Будутъ насъ обвинять и ненавидѣть",—продолжаетъ авторъ, — но „могли ли мы, ничего въ Сибири уже не могшіе сдѣлать и всей душой обращенные къ родинѣ, для сохраненія жизни Колчака ставить на карту судьбу нашего войска". На риторическій вопросъ Крейчи отвѣтить легко. „Ненависти" не будетъ за прошлое — потомство пойметъ ту элементарную психологію, которая двигала поступками людей. Пойметъ... и проститъ. Хуже, когда изслѣдователь пытается обмануть прошлое, говоритъ о вынужденной пассивности и взываетъ къ своей спокойной „совѣсти". Въ словахъ Крейчи остается непонятнымъ, зачѣмъ ему понадобилось говорить, что смертный приговоръ надъ Колчакомъ былъ приведенъ въ исполненіе раньше, чѣмъ „наше войско могло этому помѣшать". Такая отписка передъ исторіей противорѣчитъ и договору 7 февраля и всей оправдательной концепціи самаго Крейчи. Но оставимъ потомство и вернемся къ прошлому.

Еще до боя у ст. Зима большевики пытались завязать переговоры съ каппелевской группой. Посредникомъ явился Благошъ, который, по словамъ Ширямова, былъ убѣжденъ, что большевикамъ Иркутска отстоять не удастся. Чрезъ Благоша было предложено Войцеховскому сложить оружіе при гарантіи личной неприкосновенности его отряду. Войцеховскій заявилъ, что „противобольшевицкія арміи" могутъ отказаться отъ прохожденія черезъ городъ при слѣдующихъ условіяхъ:

„Безпрепятственный пропускъ армій за Байкалъ по всѣмъ путямъ въ обходъ Иркутска. Снабженіе армій деньгами, имѣющими широкое хожденіе на дальнемъ востокѣ въ суммѣ двухсотъ милліоновъ рублей... Безпрепятственный пропускъ раненныхъ, больныхъ и семей военнослужащихъ противобольшевицкихъ войскъ на во-

[1]) „U Sibirské armády" стр. 269 272.

стокъ, въ Забайкалье, въ какихъ бы эшелонахъ они не слѣдовали. Освобожденіе адмирала Колчака и арестованныхъ съ ними лицъ, снабженіе ихъ документами на право выѣзда ихъ въ качествѣ частныхъ лицъ за границу. Просьба къ представителямъ иностранныхъ государствъ взять названныхъ лицъ подъ свое покровительство и гарантировать имъ свободный проѣздъ за границу" („П. Д.", 201—202).

Посредничество Благоша потерпѣло фіаско. Тогда иркутскій ревкомъ попытался войти въ непосредственное сношеніе съ солдатской массой. Съ этой цѣлью во вражескій станъ были посланы „ходоки" отъ проживавшихъ въ Иркутскѣ семей тѣхъ воткинскихъ и ижевскихъ рабочихъ, которые составляли „ядро" боевыхъ дивизій Войцеховскаго. Этотъ шагъ также не имѣлъ реальныхъ послѣдствій. Трусливо Воен. Рев. Ком. объявлялъ населенію, что городъ не будетъ эвакуированъ, что безсильныя [1]) „каппелевскія банды" не смогутъ даже подойти къ Иркутску, такъ какъ онѣ могутъ продвигаться только подъ защитой чеховъ. Тѣмъ не менѣе на всякій случай Р. Ком. грозилъ расправой надъ „сдавшейся буржуазіей и реакціонными элементами" въ городѣ. Не довѣряя чехо-словакамъ, съ которыми окончательное соглашеніе еще не было достигнуто, иркутскій рев. ком. потребовалъ отъ командованія въ 24 часа вывести изъ города всѣ части; всѣ улицы были превращены въ баррикады, юнкера и „бѣлый комсоставъ" интернированы въ пересыльные бараки тюрьмы; произведены были массовые аресты; чрез. слѣд. комиссія была надѣлена судебными функціями съ правомъ производить разстрѣлы.

И все таки не было увѣренности, что „во время боя городъ останется спокойнымъ". Колчакъ оставался

[1]) Оперативная сводка 3 фев. говорила, что наступающіе каппелевцы двигаются параллельно полотну ж. д. отрядами въ 3000 изъ ударныхъ частей и 12000 больныхъ, раненыхъ и обмороженныхъ. („П. Д.", 205.)

знаменемъ. Поэтому ревкомомъ былъ данъ приказъ предсѣдателю слѣдственной комиссіи Чудновскому держать наготовѣ отрядъ, который могъ бы, въ случаѣ возможныхъ попытокъ къ освобожденію верховнаго правителя, взять его и вывезти за городъ въ болѣе безопасное мѣсто („Б. за Ур." 201). Одновременно поднятъ былъ вопросъ и о разстрѣлѣ адмирала. Не рѣшаясь самостоятельно итти на такой шагъ, иркутскій ревкомъ постановилъ запросить представителя реввоенсовѣта 5 арміи Смирнова. Какъ было это сдѣлать? Прибѣгли вновь къ услугамъ чеховъ. „Къ немалому нашему удивленію, — повѣствуетъ Смирновъ, — чешское командованіе, давая нашей делегаціи проводъ для сообщенія въ Иркутскъ о ходѣ мирныхъ перегоровъ, не чинило препятствій въ передачѣ телеграммы иркутскому ревкому даже по такому щекотливому вопросу, какъ судьба верховнаго правителя" (Ib. 311).

Мнѣніе реввоенсовѣта было формулировано такъ: „желательно Колчака сохранить и доставить въ наше распоряженіе, но если обстановка сложится такая, что о сохраненіи Колчака нечего и думать, реввоенсовѣтъ противъ разстрѣла не возражаетъ" (Ib. 334).

Судьба Колчака была рѣшена.

* * *

Колчакъ предчувствовалъ свой удѣлъ. Въ предисловіи къ „допросу" Поповъ сообщаетъ:

„Послѣдній допросъ производился 6 февраля, днемъ, когда разстрѣлъ Колчака былъ уже рѣшенъ, хотя окончательнаго приговора вынесено еще не было. О томъ, что остатки его бандъ стоятъ подъ Иркутскомъ, Колчакъ зналъ. О томъ, что командным составомъ этихъ бандъ предъявленъ Иркутску ультиматумъ выдать его, Колчака, и премьеръ-министра Пепеляева, Колчакъ тоже зналъ, а неизбѣжные для него послѣдствія этого ультиматума онъ предвидѣлъ. Какъ разъ въ эти дни при обыскѣ въ тюрьмѣ была захвачена его записка къ си-

дѣвшей тамъ же въ одномъ съ нимъ одиночномъ корпусѣ Тимиревой. Въ отвѣтъ на вопросъ Тимиревой, какъ онъ, Колчакъ, относится къ ультиматуму своихъ генераловъ, Колчакъ отвѣчалъ въ своей запискѣ, что онъ „смотритъ на этотъ ультиматумъ скептически и думаетъ, что этимъ лишь ускорится неизбѣжная развязка". Такимъ образомъ, Колчакъ предвидѣлъ возможность своего разстрѣла. Это отразилось на послѣднемъ допросѣ. Колчакъ былъ настроенъ нервно, обычное спокойствіе и выдержка, которыми отличалось его поведеніе на допросахъ, его покинули. Нѣсколько нервничали и сами допрашивавшіе. Нервничали и спѣшили. Нужно было съ одной стороны закончить опредѣленный періодъ колчаковщины, установленіе колчаковской диктатуры, а съ другой — дать нѣсколько зафиксированныхъ допросомъ яркихъ проявленій этой диктатуры въ ея борьбѣ со своими врагами не только революціоннаго, но и правосоціалистическаго лагеря — лагеря тѣхъ, кто эту диктатуру подготовилъ. Это, значительно забѣгая впередъ отъ данной стадіи вопроса, сдѣлать удалось, но удалось въ очень скомканномъ видѣ"...

„5-го, — разсказываетъ Гришина-Алмазова, — я получила точныя свѣдѣнія, что Колчакъ и Пепеляевъ будутъ разстрѣлены. Потрясенная этой вѣстью, я послала Пепеляеву письмо со словами дружескаго привѣта и одобренія. 6-го утромъ въ послѣдній свой день онъ отвѣтилъ мнѣ письмомъ короткимъ и душевнымъ: „Обо мнѣ не безпокойтесь — я ко всему готовъ и совершенно спокоенъ. Грустно подумать, что меня будутъ разстрѣливать русскіе солдаты, которыхъ я люблю". Разстрѣляли его, однако, не „русскіе солдаты".

* * *

6-го февраля каппелевцы подошли къ Иркутску — шли они днемъ и ночью съ самыми минимальными отдыхами. Ширямовъ пытается изобразить такъ, что каппелевцы, разбитые въ предварительныхъ бояхъ, подошли къ Иркутску „безформенной массой" и, слѣдова-

тельно, никакой уже угрозы не представляли. Очевидно, это было не такъ, ибо зачѣмъ же понадобилось начальнику боевыхъ комнунистическихъ силъ, „товарищу Калашникову", издавать приказъ: „Черныя тучи каппелевцевъ у краснаго Иркутска". „Смердящій трупъ черной реакціи", „голодныя полузамерзшія банды остатковъ колчаковскихъ войскъ" представляли для иркутскаго гарнизона еще грозную силу.

6 февраля иркутскій воен.-рев. ком. вынесъ слѣдующее постановленіе (его нельзя не привести цѣликомъ):

„Обысками въ городѣ обнаружены во многихъ мѣстахъ склады оружія, бомбъ, пулеметныхъ лентъ и проч. и таинственное передвиженіе по городу этихъ предметовъ боевого снаряженія. По городу разбрасываются портреты Колчака и т. д. Съ другой стороны, генералъ Войцеховскій, отвѣчая на предложеніе сдать оружіе, въ одномъ изъ пунктовъ своего отвѣта упоминаетъ о выдачѣ ему Колчака и его штаба. Всѣ эти данныя заставляютъ признать, что въ городѣ существуетъ тайная организація, ставящая своею цѣлью освобожденіе одного изъ тягчайшихъ преступниковъ противъ трудящихся—Колчака и его сподвижниковъ. Возстаніе это безусловно обречено на полный неуспѣхъ, тѣмъ не менѣе можетъ повлечь за собою еще рядъ невинныхъ жертвъ и вызвать стихійный взрывъ мести со стороны возмущенныхъ массъ, не пожелающихъ допустить повтореніе такой попытки. Обязанный предупредить эти безцѣльныя жертвы и не допустить городъ до ужасовъ гражданской войны, а равно, основываясь на данныхъ слѣдственнаго матеріала и постановленій Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Р. С. Ф. Р., объявившаго Колчака и его правительство внѣ закона, Иркутскій Военно-Рев. Ком. п о с т а н о в и л ъ:

1. бывшаго верховнаго правителя — адмирала Колчака и

2. бывшаго предсѣдателя совѣта министровъ—Пепеляева — р а з с т р ѣ л я т ь.

Лучше казнь двухъ преступниковъ, давно достойныхъ смерти, чѣмъ сотни невинныхъ жертвъ." („П. Д." 208-209.)

Этотъ документъ подписанъ предсѣдателемъ Ширямовымъ, членами Сноскаревымъ, Левенсономъ и управляющимъ дѣлами Оборинымъ. Ночью постановленіе ревкома было передано для исполненія Чудновскому. На разсвѣтѣ 7 января Колчакъ и Пепеляевъ были разстрѣлены. Много легендъ сложилось уже по поводу послѣднихъ минутъ ихъ жизни. Можетъ быть, все-таки наиболѣе достовѣренъ разсказъ самаго Чудновскаго, зафиксированный имъ на страницахъ „Совѣтской Сибири“ [1]):

„Было поздно ночью, когда я отправился въ тюрьму, чтобы выполнить приказъ Ревкома. Со стороны Иннокентьевской слышны были выстрѣлы. Иногда они казались совсѣмъ близко. Весь городъ замеръ. Я осмотрѣлъ посты. Убѣдившись, что на постахъ стоятъ все свои люди, я направился въ одиночный корпусъ и приказалъ открыть камеру Колчака“. Адмиралъ Колчакъ не спалъ. Въ шубѣ и папахѣ онъ стоя встрѣтилъ Чудновскаго. „Я прочелъ ему приказъ ревкома. Окончивъ чтеніе, я приказалъ одѣть ему наручники.

— Значитъ, суда не будетъ?—спросилъ Колчакъ.

По правдѣ сказать, я былъ нѣсколько озадаченъ такимъ вопросомъ“. Передавъ Колчака конвою, Чудновскій отправился въ верхній этажъ, гдѣ находился Пепеляевъ. Пепеляевъ сидѣлъ на койкѣ итоже былъ одѣтъ. Постановленіе о разстрѣлѣ, по словамъ Чудновскаго, сильно его потрясло. „Я приказалъ ему прекратить всякіе разговоры и передалъ его конвою. Захвативъ внизу Колчака, мы отправились въ тюремную контору“...

Пока Чудновскій дѣлалъ распоряженіе о выдѣленіи 15 человѣкъ изъ „дружины“, охранявшей тюрьму, Колчакъ обратился къ нему съ просьбой о свиданіи съ Тимировой. Онъ грубо отказалъ, но освѣдомился, нѣтъ ли у „осужденнаго“ еще какихъ-либо просьбъ.

— Я прошу передать моей женѣ, которая живетъ въ Парижѣ, что я благословляю своего сына,—сказалъ адмиралъ Колчакъ.

— Если не забуду, то сообщу,—отвѣтилъ Чудновскій.

---

[1]) Перепечатано въ „Послѣдн. Новос.“ 17 февр. 1925 г. Между прочимъ, Чудновскій говоритъ, что онъ настаивалъ тогда же на разстрѣлѣ всей головки „контрреволюціи“ — около 20 человѣкъ.

Поднялся сидѣвшій рядомъ Пепеляевъ и передалъ записку, въ которой было написано обращеніе къ матери и еще къ кому-то, прося „благословить его на смерть и не забыть своего Виктора“...

Чудновскій вышелъ доканчивать „оформленіе“. Его нагналъ часовой и спросилъ, можно ли разрѣшить Колчаку закурить трубку. „Я разрѣшилъ. Товарищъ ушелъ, но вскорѣ вернулся обратно, блѣдный, какъ смерть. Оказалось, что у адмирала Колчака нашли и отобрали носовой платокъ, въ одномъ изъ угловъ котораго было завязано что-то твердое. Я развязалъ узелъ и вынулъ маленькій капсуль съ какой-то бѣлой начинкой. Посмотрѣлъ на Колчака: онъ сидитъ блѣдный. Не трудно было догадаться, что Колчакъ, убѣдившись, что черезъ нѣсколько минутъ будетъ представлять бездыханный трупъ, хотѣлъ отравиться“... [1])

„Всѣ формальности, наконецъ, закончены. Выходимъ за ворота тюрьмы. Морозъ 32—35 градусовъ по Реомюру. Ночь свѣтлая, лунная. Тишина мертвая. Только изрѣдка со стороны Иннокентьевской раздаются отзвуки отдаленныхъ орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ. Раздѣленный на двѣ части конвой образуетъ круги, въ серединѣ которыхъ находятся: впереди Колчакъ, а сзади Пепеляевъ, нарушающій тишину молитвами.

Въ 4 часа утра пришли мы на назначенное мѣсто. Я отдалъ распоряженіе. Дружинники, взявъ ружья на перевѣсъ, становятся полукругомъ. На небѣ полная луна: свѣтло поэтому, какъ днемъ. Мы стоимъ у высокой горы, къ подножью которой примостился небольшой холмъ. На этотъ холмъ поставленъ былъ Колчакъ и Пепеляевъ. Колчакъ — высокій, худощавый, типъ англичанина, его голова немного опущена. Пепеляевъ же небольшого роста, толстый, голова втянута какъ-то въ плечи, лицо блѣдное, глаза почти закрыты, мертвецъ да и только.

Команда дана. Гдѣ-то далеко раздался пушечный выстрѣлъ и въ унисонъ съ нимъ, какъ бы въ отвѣтъ

---

[1]) Ген. Лохвицкій, со словъ одного офицера-очевидца, разсказывалъ на парижскомъ собраніи памяти адм. Колчака, что послѣдній снялъ перстень, въ которомъ былъ задѣланъ ядъ и бросилъ его при арестѣ въ Иркутскѣ. Сдѣлалъ онъ потому, что хотѣлъ чашу испить до дна. Разсказъ Чудновскаго намъ представляется болѣе вѣроятнымъ.

ему, дружинники дали залпъ. И затѣмъ на всякій случай еще одинъ“ [1]).

Гдѣ происходилъ послѣдній актъ жизненной драмы адм. Колчака? Чекисты скрывали мѣсто... Упомянутый выше М. Струйскій, передававшій разсказъ сидѣвшаго въ тюрьмѣ на одномъ коридорѣ съ Колчакомъ интеллигентнаго солдата, говоритъ, что разстрѣлъ былъ произведенъ у Знаменскаго кладбища... Разстрѣливала верховнаго правителя и Пепеляева лѣво-эсеровская дружина (свидѣтельство Ширямова) въ присутствіи предсѣдателя чрез. слѣд. комиссіи Чудновскаго, члена военревкома Левенсона и коменданта города Бурсака. Вмѣстѣ съ Колчакомъ и Пепеляевымъ былъ повѣшенъ палачъ-китаецъ, приводившій въ исполненіе въ иркутской тюрьмѣ смертные приговоры. Большевики хотѣли символистически запечатлѣть послѣдній актъ „кровавой сибирской трагедіи“, — упомянувъ въ „исторіи“ имя Колчака рядомъ съ именемъ палача. Чувства элементарной порядочности у нихъ не нашлось даже въ этотъ предсмертный часъ... Но исторія пройдетъ мимо недостойной комедіи этихъ кровавыхъ паяцовъ...

Трупы убитыхъ 7 февраля были спущены въ прорубь рѣки Ангары. Очевидно, никогда не будетъ найдена могила Верховнаго Правителя.

Расправа совершилась [2])... Ночью въ лагерѣ Войце-

[1]) Очень широкое распространеніе получила версія, по которой красноармейцы отказались разстрѣливать адмирала и онъ былъ убитъ командовавшимъ отрядомъ чекистомъ. Въ дни памяти эта версія вновь обошла всѣ зарубежныя газеты. Ее, среди другихъ, повторилъ и кап. Лукинъ на столбцахъ „Послѣд. Новости“, дѣлая ссылку на статью проф. Перса, въ которой эта версія воспроизводилась со словъ американскаго журналиста, распрашивавшаго какого то чекиста Ивашева. По моему мнѣнію, вся эта версія — вплоть до разсказа о золотомъ портсигарѣ, отданномъ адмираломъ красноармейцамъ, не заслуживаетъ никакого вниманія.

[2]) Передавая власть, П. Ц. передалъ большевикамъ и всѣхъ своихъ политическихъ „плѣнниковъ“. Въ маѣ былъ инсценированъ большой процессъ „членовъ самозваннаго и мятежнаго правительства и ихъ вдохновителей“ — среди нихъ оказалась и Гришина-Алмазова... Не стоитъ останавливаться на десятидневной комедіи суда, при непо-

ховскаго на Иннокентьевской происходило совѣщаніе, на которомъ разрабатывался планъ захвата Иркутска. Выступленіе было назначено въ 12 час. дня. „Утромъ грянулъ громъ", — разсказываетъ Сахаровъ, — за подписью начальника 2 чехо-словацкой дивизіи полк. Крейчаго [1]) пришло требованіе не занимать глазковскаго предмѣстья, иначе чехи выступятъ противъ каппелевцевъ. Затѣмъ пришло извѣстіе, что верховный правитель убитъ... Войцеховскій отдалъ приказъ отмѣнить наступленіе. Съ боемъ каппелевцы отходили въ Забайкалье. Кап. Калашниковъ, начавшій во имя народовластія борьбу противъ верховнаго правителя, организуетъ забайкальскія партизанскія дружины для борьбы съ отступающими каппелевцами. Бои подъ Иркутскомъ ускорили развязку, но и только. Судьба Колчака, конечно, была предрѣшена... Но въ этомъ продвиженіи каппелевцевъ было нѣчто такое, что должно было явиться бальзамомъ для измученной души верховнаго правителя. Онъ со спокойной совѣстью могъ встрѣтить выстрѣлы лѣво-эсеровскихъ дружинниковъ. Доблестные воткинцы и ижевцы — п о д л и н н а я демократія, — въ самый критическій моментъ испытанія своего мужества не измѣнили дѣлу, которому

средственномъ участіи партизанскихъ вождей Щетинкина и Мамонтова. Червенъ-Водали, Шумиловскій, Ларіоновъ и Клафтонъ приговорены были къ смерти. Приговоръ — какъ сообщали „Изв. Сиб. Ревкома" (№ 2) — былъ приведенъ въ исполненіе въ ночь на 23 іюля. (Подробности казеннаго сообщенія были перепечатаны въ „Общемъ Дѣлѣ" 30 авг. 21 г.) Судъ призналъ обвиняемыхъ виновными въ подготовкѣ монархическаго переворота, въ распродажѣ Россіи, въ сношеніяхъ съ буржуазными иностранными правительствами, въ наймѣ разбойничьихъ бандъ чехо-словаковъ, въ клеветѣ на совѣтскую власть и въ организаціи массовыхъ рдзстрѣловъ. Обвиняемые оказались виновными и въ разрушеніи ж. д. полотна, и во взрывахъ мостовъ и водокачекъ, и въ объявленіи царскаго гимна „Коль славенъ" національнымъ гимномъ, и въ убійствѣ Новоселова, и въ переворотѣ 18 ноября, и въ денежныхъ подлогахъ, и въ ассигнованіи денегъ на розыски семьи Романовыхъ и проч. Оффиціальное обвинительное заключеніе завѣдующаго отдѣломъ „юстиціи" Сибирскаго револ. трибунала Гойхбарга, бывшаго когда то сотрудникомъ знаменитаго „Права", напечатано въ сборникѣ „Колчаковщина" (Екатеринбургъ, 1924).

[1]) Не надо смѣшивать съ Крейчи, возглавлявшимъ политическую делегацію.

служилъ Колчакъ, не измѣнили и самому адмиралу. Ихъ выступленіе — гласъ незагипнотизированнаго народа, его лучшей и сознательной части. Каппелевцы подъ Иркутскомъ — это символъ...

2 марта Войцеховскій изъ Читы телеграфировалъ Болдыреву, находившемуся уже во Владивостокѣ, что онъ вывелъ въ Забайкалье 30 тысячъ бойцовъ, готовыхъ поддерживать всякій демократическій режимъ, но непримиримыхъ къ большевикамъ. Продвиженіе „каппелевцевъ“ вызвало лишь переполохъ у „демократіи“, которая искала „безболѣзненныхъ“ путей соглашенія съ совѣтской властью. Она приняло всѣ мѣры, чтобы помѣшать продвиженію каппелевцевъ въ Приморье.

Эпилогъ.

Смерть верховнаго правителя знаменовала собой конецъ „губительной гражданской войны“, т. е. другими словами организованной въ государственномъ масштабѣ антибольшевицкой борьбы въ Сибири.

Та „передышка“, о которой въ салонъ-вагонѣ ген. Жанена краснорѣчиво говорили представители Политцентра, оказалась блефомъ. „Третій“ путь, по крайней мѣрѣ, въ сибирской обстановкѣ могъ означать только фактическое примиреніе съ коммунистической властью... Коммунистъ Ширямовъ увѣряетъ, что члены Пол. Центра впослѣдствіи не разъ заявляли, что ихъ иркутскій манифестъ предназначался для союзниковъ, а въ дѣйствительности П. Ц. „стремился сдѣлать лишь болѣе безболѣзненнымъ переходъ отъ колчаковщины къ совѣтской власти“ („П. Дн.“ 30), которая рисовалась „революціонной демократіи“ неизбѣжнымъ этапомъ. Чешскій политикъ с.-д. Крейчи такъ и воспринималъ происходившее. По его словамъ, идея „сибирскихъ эс-эровъ“ и меньшевиковъ заключалась въ томъ, чтобы новый государственный переворотъ („когда послѣ насъ [т. е. чеховъ] придутъ красные“) произошелъ безъ катастрофическихъ потрясеній“. По той же линіи — добавляетъ онъ — „оріентировалось и командованіе нашей арміи“ (238). Другому чешскому дѣятелю, Штейдлеру, уже представлялось, что миръ съ большевиками означаетъ миръ со всей сибирской демократіей, такъ какъ послѣ

пережитаго совѣтская власть для „прогрессивной и демократической общественности“ становилась единственной защитой отъ побѣды реакціи и охраной передъ распаденіемъ государства („Československ. hnuti, 110)...

Иркутскій миражъ легко разсѣялся. П. Ц. оказался карточнымъ домикомъ. Тѣмъ не менѣе ослѣпленные политики продолжали еще создавать себѣ новыя иллюзіи. Самообманомъ была и возникшая въ Верхнеудинскѣ „демократическая дальне-восточная республика“ и „демократическій“ владивостокскій буферъ правительства приморскаго земства подъ главенствомъ извѣстнаго намъ с.-р. Медвѣдева. Только специфическая дальне-восточная обстановка подъ угрозой японской „оккупаціи“ могла создать лживую форму національнаго объединенія, приведшаго во Владивостокъ къ временному и недолгому сотрудничеству въ одномъ правительствѣ буржуазныхъ элементовъ и коммунистовъ — такую форму принялъ провозглашенный въ Иркутскѣ единый соціалистическій фронтъ. Штейдлеръ склоненъ былъ думать, что ходъ событій превращалъ догматически интернаціональную власть въ выразительницу обще-русскихъ національныхъ стремленій. Но исторія не можетъ обольщаться ни наивными иллюзіями современниковъ, ни тѣми „наружными вывѣсками“, къ которымъ, по откровенному признанію Краснощекова на читинской конференціи, прибѣгали коммунисты—для нихъ эти „буферы“ являлись лишь „тактическимъ этапомъ“ захвата власти.

Иные склонны были миражи принимать за дѣйствительность. Къ числу обманывающихъ себя принадлежалъ и Болдыревъ. Съ паденіемъ власти адм. Колчака онъ не считалъ себя въ правѣ уклоняться отъ участія въ новомъ періодѣ борьбы за цѣлость Россіи. Вдохновляемый идеей „возстановленія единой Россіи черезъ союзъ оздоровленныхъ областей и скорѣйшую ликвидацію гражданской войны“, Болдыревъ оставляетъ свое уединеніе въ Японіи, пріѣзжаетъ во Влади-

востокъ и, какъ „гражданинъ-солдатъ“, входитъ въ составъ новой земско-коммунистической власти: ген. Болдыревъ, командовавшій войсками Директоріи, оказался въ одномъ военномъ совѣтѣ съ коммунистомъ Лазо — вдохновителемъ владивостокской партизанщины; Болдыревъ пытался строить мостъ между Ленинымъ и Колчакомъ![1]) Очень скоро, однако, Болдыревъ долженъ признать (запись 11 марта), что новое правительство съ первыхъ же дней своего появленія у власти постепенно стало поглощаться истиннымъ хозяиномъ положенія — дальбюро Ц. К. РКП. Это было неизбѣжно, такъ какъ все совершалось по указкѣ „полномочнаго“ представителя совѣтской власти Виленскаго (Сибиряка), представленнаго консульскому корпусу во Владивостокѣ д-ромъ Гирсой. Демократія „капитулировала“, и ея руками только „загребали жаръ“ большевики. Пятиконечная звѣзда, красовавшаяся на „буферной“ арміи, была символомъ того, что происходило. 9 ноября на конференціи областныхъ „демократическихъ“ правительствъ,[2]) собравшейся въ освобожденной отъ „атаманскихъ“ войскъ Читѣ, избирается „именемъ народа“ центральное правительство того буфернаго „государства“ отъ Байкала до Тихаго Океана, которое должно было существовать въ порядкѣ договорныхъ отношеній Россіи и Японіи (заявленіе Чичерина 16 апрѣля). Во главѣ центральнаго правительства оказался, конечно, коммунистъ Краснощековъ-Тобельсонъ. 12 февраля открылось „Учредительное Собраніе“ ДВР. Не менѣе знаменательнымъ представлялось избраніе предсѣдателемъ Собранія бывшаго „главнокомандующаго“ партизанскими отрядами Амурской обл. кап. Шилова.

Въ Читѣ кругъ завершился. Жизнь Приморской

---

[1]) Такъ Юрій Галичъ, встрѣтившій Болдырева во Владивостокѣ, позднѣе въ газетѣ „Сегодня“ передавалъ его собственныя слова.

[2]) Ихъ было цѣлыхъ пять: хабаровское, владивостокское, читинское, амурское и верхнеудинское.

Области пошла нѣсколько инымъ путемъ. Мы не будемъ слѣдить за исторіей внутреннихъ переворотовъ во Владивостокѣ, возникшихъ на почвѣ отрицанія сотрудничества съ коммунистами, и той ролью, которую суждено было еще сыграть остаткамъ каппелевцевъ, все же проникшихъ во главѣ съ ген. Вержбицкимъ,[1]) послѣ новыхъ тяжелыхъ испытаній, на территорію Приморья[2]) Оставимъ въ сторонѣ и судьбы приморскаго народнаго собранія и нарождавшіяся попытки продолжать борьбу съ совѣтской властью. Это совершенно особая страница. Было здѣсь и здоровое національное чувство, были и репья присущаго гражданской войнѣ авантюризма...[3]) Исканія „безболѣзненныхъ" путей осуществленія національныхъ задачъ привело даже недавняго еще барда диктатуры Устрялова на смѣновѣховскую стезю проповѣди преступности сверженія совѣтской власти (статьи въ харбинской „Новой Жизни").

Только игнорируя мѣстную своеобразную дѣйствительность, въ дѣятельности владивостокскаго правительства бр. Меркуловыхъ и кратковременно смѣнившаго ихъ „воеводы земской рати" Дитерихса можно увидать логическое завершеніе такъ называемаго „бѣлаго движенія[4]) и особенно того, что происходило въ Сибири при адм. Колчакѣ. Это были лишь судорги...

---

[1]) Войцеховскаго въ Читѣ смѣнилъ Лохвицкій, въ свою очередь, уѣхавшій въ Харбинъ для переговоровъ съ иностранцами. Войцеховскій не могъ, конечно, ужиться съ Семеновымъ. Переговоры его съ владивостокскимъ правительствомъ привели къ разрыву „каппелевцевъ" съ „семеновцами". Любопытно, что приморское земство одновременно вело переговоры о „соглашеніи" съ Семеновымъ и объ его арестѣ.

[2]) Подробности см. въ воспоминаніяхъ Болдырева и въ книгахъ Парфенова „На Дальнемъ Востокѣ" и „На соглашательскихъ фронтахъ."

[3]) Отмѣчу только, что продолжалъ вести „конспиративную работу" и бывш. начальникъ штаба ад. Колчака Лебедевъ. На ней онъ и погибъ.

[4]) Таковъ выводъ Милюкова, посвятившаго въ исторіи гражданской войны дальневосточному „опыту" чуть ли не больше страницъ, чѣмъ всей борьбѣ за освобожденіе Россіи при Колчакѣ.

26 октября 22 г. во Владивостокъ, наконецъ, побѣдоносно вступила, подъ начальствомъ Уборевича, 5-ая совѣтская армія. Болдыреву все еще казалось, что идетъ „новая Россія“. Нѣтъ, не „новая“ Россія выступала изъ подъ маски, которой временно прикрывался кровавый, но подлинный ликъ коммунистовъ. „Демократическія вывѣски“ были больше не нужны. „Буферная“ игра, придуманная сибирской „революціонной демократіей“, была ликвидирована. Перестала существовать и призрачная „дальневосточная республика“.

„Самоотреченіе“ демократіи, простиравшееся до того, что эс-эры, меньшевики, коммунисты выработали общую форму и даже издавали въ Благовѣщенскѣ совмѣстно газету, было вызвано, по увѣренію эс-эровскаго публициста, „жестокой необходимостью“. Демократія, оказавшаяся „между большевицкимъ молотомъ и контръреволюціонной наковальней“ выбрали большевицкій молотъ [1]) и сдѣлала ставку на несбыточную эволюцію звѣринаго облика большевиковъ. Тяжело оказалось пожатіе каменной десницы пришедшаго командора: дальневосточная эпопея дала „краснорѣчивый и неопровержимый отвѣтъ на всѣ призывы пересмотрѣть непримиримое отношеніе къ большевизму“ [2]).

---

[1]) Позднѣйшая эс-эровская декларація 1922 г. указывала, что партія выступила изъ гражданской войны, т. е. изъ вооруженной борьбы съ большевиками, еще въ періодъ несостоявшейся конференціи на Принцевыхъ Островахъ. IX Совѣтъ партіи, какъ извѣстно, въ отношеніи коммунистовъ объявлялъ только „непримиримую идейную борьбу“. (Болѣе или менѣе подробно эти взгляды разсмотрѣны мною въ книгѣ, посвященной дѣятельности Н. В. Чайковскаго (112).

[2]) М. Вишнякъ „Дальній Востокъ“ въ сб. „Черный годъ“ Парижъ 1922 (статья изъ № 3 „Соврем. Записокъ“). Авторъ считаетъ соглашательскую тактику ошибочной. Но едва ли онъ правильно характеризуетъ тогдашнія жертвенныя настроенія сибирскихъ эс-эровъ. Они не за страхъ, а за совѣсть предавались самообольщенію. Въ „Pour la Russie“ (№ 16, 14 фев. 20 г.) О. С. Миноръ сравнивалъ владивостокскія думы послѣ переворота 31 января съ настроеніями февральскихъ дней 1917 г. И. Н. Коварскій въ № 10 лозанской „Родины“ (органъ, издававшійся при участіи группы „правыхъ“ эс-эровъ: Рудневъ, Вишнякъ и др.) вспоминалъ, какъ онъ „упорствовалъ“ въ своемъ недовѣріи къ тому, что во Владивостокѣ можетъ образоваться

* * *

„Синяя птица“, которую искалъ благородный мечтатель, многими непонятый и оклеветанный, осталась такимъ обрязомъ несбывшейся мечтой... Колчакъ не былъ римскимъ Юліаномъ, защищавшимъ „умирающую антику отъ побѣждающихъ молодыхъ хамовъ“: на развалинахъ старыхъ онъ пытался строить новую Россію. Сравнившій Колчака съ Юліаномъ Кратохвиль уподобилъ его и рыцарю крестовыхъ походовъ, погибавшему въ пескахъ палящей пустыни за призракъ „святого Іерусалима“. Но развѣ исторія увидитъ въ этомъ рыцарѣ только прозаическаго колонизатора? Нѣтъ, она опоэтизировала его, окружила его обликъ героическимъ нимбомъ защитника слабыхъ и униженныхъ, сдѣлала рыцаремъ долга и подвига. И въ этомъ ея правда. Суровые искатели „Святого Іерусалима“ открывали и новые пути и новые горизонты.

Сотворитъ исторія и легенду о мечтателѣ-идеалистѣ, искупившемъ трагедіей своей жизни и „героической“ (терминъ Кратохвиля) смертью невольныя ошибки верховнаго правителя и „чужіе грѣхи“, которыхъ было такъ много въ Сибири. Съ этимъ именемъ, а не съ именами тѣхъ, кто ставитъ себѣ въ „честь и заслугу“, — слова Чернова — „взрываніе бѣлыхъ фронтовъ“, свяжетъ легенда національную Россію. За ея освобожденіе погибъ адм. Колчакъ, а тѣ, кто съ нимъ боролись, привели ее къ порабощенію на долгіе годы. Пусть даже сдѣлали они это безсознательно, подчиняясь фантому обуздыванія большевизма, становясь, по образному выраженію

„ядро истинной демократіи“—такъ смущали его симпатіи демократическаго „Циба“ (Центр. инф. бюро) къ Совѣтской Россіи, гдѣ строится „новая жизнь“. Въ указанной декларации эс-эровъ, 1922 г., адресованной соціалистамъ всѣхъ странъ, подчеркивалось, что, обращая оружіе противъ Колчака, партія не заключала соглашенія съ большевиками. Мы уже видѣли посколько такое утвержденіе соотвѣтствовало фактамъ. Позднѣе с-р. „Воля“ (1 янв. 21 г.) въ полномъ согласіи съ дѣйствительностью констатировала, что всесибирскій краевой комитетъ не разъ предпринималъ попытки договориться съ большевиками.

упомянутаго публициста, „передъ ними на колѣни“: „жизнь не оправдала той высшей жертвы, которую сибирская демократія принесла во имя любви къ родной землѣ. Самопожертвованіе оказалось никчемнымъ“ (Вишнякъ 103).

Оправдываясь передъ исторіей за эту тактику, „демократія“ будетъ ссылаться на „гарибалдійскую“ психологію: „сдѣлать Италію хоть съ чортомъ“. Этой „психологіи“ во всякомъ случаѣ у нея не было тогда, когда возрожденіе Россіи въ активной борьбѣ съ наступающимъ большевизмомъ было дѣйствительно возможно. Тогда „гарибальдизмъ“ этой части соціалистической демократіи носилъ особый характеръ. Его отчетливо выявляла передовая статья петроградскаго партійнаго эсэровскаго органа, „Дѣла Народа“, въ отвѣтственные октябрьскіе дни 1917 г.: двойная опасность стоитъ передъ демократіей—демагогія военно-революціоннаго комитета и буржуазные классы, принимающіеся за организацію контръ-революціи; если непріемлемо участіе въ большевицкой демагогіи „е щ е м е н ь ш е пріемлемо Калединское усмиреніе“ (№ 191).

Это положеніе послѣдовательно проводилось въ Сибири (съ уклономъ въ сторону соглашенія съ демагогіей большевизма) вплоть до того момента, когда на партію соц.-рев., по выраженію обращенія ея заграничной „делегаціи къ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ“ [1]), выпала „честь“ ликвидаціи Колчака и его „плѣненія“... Жизнь, въ концѣ концовъ, дала опредѣленный отвѣтъ своимъ по истинѣ суровымъ урокомъ. Неужели она оправдала ту „черту крови“, которую часть демократіи пыталась провести между „революціонной Россіей“ и „бѣлымъ движеніемъ“ [2])?

[1]) Воззваніе 9 марта 22 г., подписанное среди другихъ Зензиновымъ и Черновымъ, было напечатано въ № 915 „Голоса Россіи“: Цѣль обращенія — реабилитировать свой „демократизмъ“ передъ соціалистами всего міра въ моментъ эс-эровскаго процесса въ Москвѣ. Этимъ, вѣроятно, объясняются его большія неточности и спецефичность изложенія.

[2]) „Письмо соціалъ-демократа“ въ „Дняхъ“ 2 апрѣля 28 г.

Указатель личныхъ именъ.*)

Абрамовъ, сов. бел. IV — 161.
Авдѣевъ, ком. III — 161, 188, 200, 270.
Авксентьевъ, с.-р. I—3, 7, 197—9, 204, 215—6, 220, 224, 226, 229, 231; II — 3, 6, 7, 11, 15—19, 21, 34—9, 43, 45—50, 52—58, 66, 78, 80—2, 84—8, 90—4, 103, 107—8, 113, 129—30, 132—3, 140, 144—5, 151—2, 154—5, 157—9, 162, 195, 210, 213—5, 225, 227—30, 232—4; III — 319.
Авсѣенко (см. Антоновъ).
Адріановъ, ред. „Сиб. Ж.," к.-д. I — 61, 70.
Акинтіевскій, ген. III — 145.
Акулиининъ, каз. ген. II — 79, 205; IV — 159.
Алдановъ, пис., н. с. III — 31, 102, 327.
Александровъ, прис. пов. I — 140.
Алексѣевскій Н., с.-р. I — 78, 82, 147; II — 204; III — 291, 308, 310 313; IV — 109, 154—6.
Алексѣевскій, В., с.-. II — 27.
Алексѣевъ, ген. I — 5, 27, 35, 90, 100, 102, 112, 118, 145, 148, 197, 227, 234, 235; II — 51; III — 25.
Алексѣенко, оф. III — 101.
Алексѣй (насл.) III 168.
Алкинъ, мус., с.-р. II — 172.
Алко (Устюжанинъ), ком. IV — 92, 93—4, 133.
Альтовскій, с.-р. II — 61 2, 93, 214.
Андогскій, ген. I — 112; II — 105, 129, 134, 137—8.
Андреевъ, оф. III — 199.
Андрей Вл., в. кн. III — 25.
Андрей, еп. III — 32, 381.
Андрушкевичъ, чин. I — 140; II — 98, 99.
Анишевъ, сов. ист. I — 11, 25, 103, 115, 177; III — 122, 202.
Анненковъ, ат. каз. I 18; III — 232, 234, 236, IV — 82, 159.
Антоновъ, сов. команд. I — 22, 25.
Ансельмъ, фр. ген. IV — 147.
Антроповъ, проф., юр. III — 304.
Араловъ, ком I — 40.
Аргуновъ, с.-р. I — 175, 190, 197, 204, 220—1, 226, 229; II — 3, 5, 7—13, 36, 42, 57, 65—8, 73, 82, 102, 108, 145, 153, 156, 164, 226, 228; III — 319.
Артемьевъ, ген. III — 213, 218, 220, 122—3; IV — 31, 81, 83—4, 101.
Архангельскій, с.-р. I — 128, 138, 204; II — 28, 58, 65, III — 297.

*) Въ указатель мною не введены имена тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые случайно проходятъ въ текстѣ и не имѣютъ прямого отошенія къ описываемой эпохѣ. Гдѣ возможно, я отмѣчалъ партійную принадлежность дѣйствующаго лица, ибо для періода гражданской войны партійная принадлежность говоритъ больше, нежели профессія. Для удобства справокъ второй томъ III части я называю частью IV.

Арчеговъ. IV — 103.
Астровъ, к.-д. I — 226, 233.
Ауслендеръ, беллетр. I, V; II — 194, 203, 208; III — 12, 35.
Афанасьевъ, ген. I — 152; III — 223, 234, 285.
Ахматовъ, с.-д. IV — 114, 115—8, 126.

Бабкинъ, партиз. III — 185, 196; IV — 91.
Бабушкинъ, ген. III — 40, 162.
Байеръ, австр. оф. I — 27.
Балакшинъ, кооп. I — 158; II — 10; III — 227, 288, 300; IV — 24.
Балкъ, нѣм. оф. I — 22—3, 28.
Бальфуръ, англ. мин. I — 14, 16, 50, 52.
Бардъ, фр. оф. I — 104—5.
Барташовскій, оф. III — 43—5, 50—1, 53.
Басовъ, ком. I — 57.
Бафталовскій, оф. II — 105—6.
Бахметьевъ, посолъ С. Шт. I — 15; III III — 351.
Бахъ, нѣм. оф. I 25.
Бедра, кооп. I — 164, 165.
Белевскій (Бѣлоруссовъ), пис. I — 122, 124, 126, 205, 235; II — 102, 174, 199; III — 277, 285, 288, 304—5, 312, 345; IV — 36, 43—4.
Бенешъ, чех.-сл. мин. III — 86, 88; IV — 49.
Беранекъ, чеш. оф. III — 228.
Березовскій, каз., к.-д. I — 189, 205, 221; II — 12.
Берестовскій, зем. д. II — 74.
Бермонтъ (Аваловъ), ген. (?) III — 346.
Бернацкій, проф. I—XIV.
Бернштейнъ, ам. журн. II — 78, 132, 143, 228—30.
Бируль, чеш. оф. IV — 166.
Благотичъ, серб. оф. I — 111.
Благошъ, чеш. полит. IV — 31, 32, 50, 59, 69, 108, 138, 166, 168—9.
Бланковъ, с.-р. IV — 32.
Блукисъ, оф. III — 187.
Блосъ, чеш. дѣят. IV — 109.
Блюхеръ, ком. I — 23.
Бобрикъ, ген. I — 203; II — 121.
Богдановъ, сиб. дѣят. IV — 67.
Боголюбовъ, с.-. I — 103.
Богословскій, ген. III — 131—3, 146, 150.
Бойаръ, фр. конс. II — 126.
Болдыревъ, ген. I — 21, 35, 79, 93, 100—1, 103—4, 115—6, 119, 152, 171, 175, 177—80, 188, 190—1, 197, 201—3, 205—6, 212, 214, 226, 234; II 6, 10 2, 17, 21, 30, 33—5, 39, 42, 45—8, 51—2, 54, 56, 61—5, 67, 77—8, 80, 83—7, 89—90, 93—4, 98, 103—4, 108, 118—22, 125, 128—30, 133—5, 138—43, 146—7, 149, 159, 163 5, 168 — 72, 193, 215, 219, 227—8, 233—4; III — 6, 12, 16, 68, 77—8, 80—2, 102—7, 113, 116, 119—21, 127, 155, 199, 240—1, 272, 293, 298, 313, 343; IV — 14, 15—17, 19, 70, 177, 180 - 3.
Бондарь, б. эмигр. III — 213.
Бончъ-Бруевичъ, ком. I — 27.
Борисовъ, лѣсн. III — 190.
Бородинъ, к.-д. II 136.
Ботмеръ, нѣм. дипл. I — 43.
Брешко-Брешковская, с.-р. I — 204.

Бржезовскій, ген. II — 212; III — 42, 50, 60, 235.
Брудереръ, с.-р. III — 42.
Брусиловъ, ген. III — 68.
Брушвитъ, с.-. I — 25, 88—91, 94—97, 115, 126, 168; II — 24, 29, 172.
Брюхановъ, суд. д. II — 216.
Бубновъ, ком. I — 10.
Будбергъ, ген. I — I, IV, VI, XIII, 12, 54, 78, 144, 151; II — 32, 67, 98, 115, 133, 143, 164, 204, 211, 219, 224, 227; III — 9—14, 19, 32—3, 48, 66—8, 71, 91, 96, 100, 102, 108, 110, 117, 122—8, 133, 136—7, 140—6, 148—58, 163, 170—2, 175, 234—5, 237—47, 249—50, 252, 260, 273—7, 280—1, 287—8, 294, 298, 307, 315, 329, 339, 349; IV — 5, 18, 20, 36—7, 53, 82, 141, 150.
Будеско, оф. I — 171.
Букейхановъ, пред. Турк , с.-р. I — 211.
Буревой, с.-р. I — 137, 198, 222; II — 183, 189, 194; III — 56, 205, 292, 342.
Буржуа, фр. конс. I — 21, 25—6, 68; IV — 17, 18, 34.
Бурлинъ, ген. I — 151.
Буровъ, оф. II — 105.
Бурсакъ, ком. IV — 175.
Бурышкинъ, пром. IV — 70, 79.
Бутенко, оф. II — 170; IV — 25.
Бутовъ, чин. I — 191; IV 24.
Бухаринъ, ком. I — 10.
Быховскій, с.-р. II — 8, 21—2.
Бѣловъ, ген. II — 62—4, 70, 119—21; III 64, 151.
Бѣлоруссовъ (см. Белевскій).
Бюкшеншутцъ, фр. оф. III — 351; IV — 141.

Вакулинъ, с.-р. I — 149.
Валидовъ, предст. Башкиріи, с.-р. II — 205.
Василевскій, псевд. Балка.
Васильевъ, с.-д. I — 73.
Василенко, оф. II — 106.
Вашкировъ, б. свящ. III — 197.
Вацетисъ, ком. I — 110.
Вебстеръ, ам. оф. I — 20.
Вегманъ, сов. ист. I — 66, 73, 116, 152, 188; II — 78, 144; III — 39, 236, 238.
Веденяпинъ, с.-р. I — 96, 105, 116, 168, 170, 230, 231; II — 31, 217, 226.
Венеціановъ, журн. III — 305.
Венцисъ, ком. I — 132.
Веретенниковъ, нач. тюрьмы. III — 50
Вержбицкій, ген. III — 128, 142; IV — 160, 182.
Верже, фр. оф. I — 37; IV — 140.
Верига, оф. II — 224.
Верниковъ, оф. II — 212.
Виленкинъ, солд. III — 51, 53.
Виленскій (Сибирякъ), ком. III — 219, 228; IV — 181.
Вильсонъ, през. С. Шт. II — 231—2; III — 320, 328, 332.
Вильтонъ, анг. журн. III — 288; IV — 85.
Вильямсъ, анг. журн. I — 12.
Винаверъ, к.-д. III — 351.

Виноградовъ, к.-д. I — 226; II — 52—3, 56—7, 62, 87, 103, 146—7; III — 309—10.
Висковатый, сенат. III — 43,
Витольдова, мемуар. IV — 165.
Виттекопфъ (см. Бѣловъ).
Вишнякъ, с.-р. I — 108; II — 114, 125; III — 3—6, 27—8, 301, 306; IV — 183.
Владимирова, сов. ист. I — 34, 39, 44—5, 47, 87, 89—91, 94, 96—7, 105, 115—6, 124, 127, 130, 135, 137—8.
Власекъ, чех.-сл. д. I — 119.
Водоводовъ, н. с. III — 254.
Войтовъ, предст. Ур. Прав. I — 221.
Войцеховскій, ген. I — 41; II — 160, 178—81, 218; III — 82, 151; IV — 39, 40—1, 79, 88, 160, 162—3, 166, 168—9, 175, 175—7, 182.
Волковъ, ген. I — 71, 150, 179, 186—7, 191; II — 11—2, 72, 105—8, 129, 138—9, 142, 203, 211—2, 215, 219—20, 222; III — 227.
Волковъ, к.-д. II — 202; III — 202, 246, 285, 293, 330; IV — 161.
Вологодскій, мин. б. с.-р. I — 4, 25, 62—3, 84, 86, 153, 158, 160, 166, 174, 179, 220, 226—7; II — 9, 12—7, 36—7, 42—5, 47—8, 50—3, 56—9, 61, 63, 73, 87, 96, 99, 115—8, 130—3, 141—2, 145—7, 149—50, 211, 215, 220, 235; III — 35, 51, 113, 171, 243, 250, 274—7, 309, 327, 334, 340, 344; IV — 45, 46, 63.
Володинъ, анарх.-парт. III — 200; IV — 12, 13, 22.
Вольскій, с.-р. I — 9, 13—4, 18—9, 50, 59, 96, 99, 114, 116, 122—3, 133, 181—5, 189, 198, 203, 207, 213, 237—8; II — 26, 29, 171—2, 183, 188—90, 205; III — 54.
Вольфъ, бар. III — 349.
Востротинъ, к.-д. I — 61, 141; II — 3, 52.
Врангель, ген. III — 73, 129, 319.
Врублевскій, оф. II — 184.
Вырубовъ, зем. дѣят. — II — 3.
Выхристовъ, с.-р. III.

Гавронскій, с.-р, I — 47.
Гай, сов. ком. III — 64, 123.
Гайда, ген., чех. I — 40—1, 72, 82, 137, 152; II — 24, 114—23, 164—5, 172, 174—7; III — 6—8, 124—8, 130—3, 135—9, 141—52, 164, 219, 236, 244, 351; IV — 3, 4—18, 21—30, 32—5, 43—4, 51, 57, 96.
Гайный, чеш. оф. IV — 45.
Галецкій, н. с. II — 94, 101; III — 267.
Галичъ, журн. IV — 181.
Галкинъ, кап. I — 72, 94, 99, 102—4, 116, 120, 123, 168, 194, 202—3; II — 184; III — 82.
Галкинъ, солд. — III — 54.
Гамовъ, каз. ат. III — 244.
Гаррисъ, ам. дипл. II — 208—9; IV — 109.
Гассекъ, чеш. оф. IV — 132, 133, 135.
Гаттенбергеръ, мин. I — 69, 186, 189—90; II — 8, 73, 98; III 191, 253, 255, 259, 268, 277.
Гаупе, чеш. оф. IV — 166.
Гельферихъ, нѣм. гос. д. I — 5.
Гендельманъ, с.-р. I — 204—5, 218, 222—5, 229; II — 28, 30, 40, 87, 145; III — 331.
Гендерсонъ, анг. соц. I — 18; III — 327.

Генкина, ком. III — 18.
Гербекъ, чеш. журн. IV — 101.
Герке, оф. II — 154—6, 227.
Геронимусъ, сов. ист. III — 336, 339.
Гессенъ, к.-д. I — 30, 144, 227; III — 254.
Гештовтъ, оф. III — 53.
Гинденбургъ, нѣм. ген. I — 28.
Гинсъ, проф. I — X, XIII, XIV, 3, 15, 25—6, 66, 74, 83—6, 153—6, 160, 162—4, 167, 169—72, 174—6, 178—81, 183, 185—6, 189—90, 197, 214; II — 6, 33, 38, 45—50, 58, 60, 63—5, 81, 116—7, 119, 125, 127, 133, 148, 185, 217, 219, 221, 229, 235; III — 13—5, 17, 19, 30—2, 34—6, 41, 44, 48, 62, 77, 90, 107—8, 112, 117, 120—1, 127, 132, 145, 168, 175, 235, 237, 263, 271—7, 295, 303—4, 306—10, 312—3, 318, 323; IV — 19, 23—5, 38, 45, 51, 53, 56, 59, 63—4, 65, 71, 76—7, 81, 83—4, 100—2, 105—6, 109, 111, 120—1, 123, 129—30, 134, 137, 148, 160.
Гинце, нѣм. дипл. I — 5, 25, 30.
Гинэ, фр. оф. I — 15, 44, 53, 104, 120, 169.
Гирса, чеш. мин. III — 351; IV — 15, 17—8, 25, 30, 34, 42, 44, 50—1, 57, 60, 66, 67, 69, 147, 181.
Гистеръ, с.-д. III — 270.
Главацкій, оф. III — 228.
Глосъ, чеш. ист. I — 117, 180, 190; II — 8, 210; III — 87.
Гойеръ, фин. III — 251. 276; IV — 78.
Гойхбаргъ, ком. III — 20, 22, 32, 245; IV — 176.
Голечекъ, чеш. оф. I — 24, 115.
Голиковъ, анарх. III — 185, 193.
Голицынъ, ген. II — 124, 127; III — 128.
Головачевъ, тов. мин. I — 168, 177—9.
Головинъ, ген. I — XIV; III — 31, 64, 151, 156, 295, 313, IV — 38.
Головинъ, кап. II — 63.
Голубковъ, с.-р. I — 95.
Гольдбергъ, с.-р. II 81; IV — 31, 69.
Гольцъ, нѣм. ген. III — 346.
Гондати, адм. III — 248.
Горвицъ, с.-р. I — 137.
Горнъ, с.-д. III — 339.
Горькій, пис. I — 131.
Гофманъ, нѣм. ген. I — 13.
Граціановъ, тов. мин. I — 188, 191; IV — 148.
Греве, ам. ген. III — 110; IV — 18.
Гревсъ, дипл. II — 49, 53.
Гренаръ, фр. конс. I — 33, 44; III — 6, 8.
Гржебинъ, изд. II — 76.
Гривинъ, ген. IV —41.
Григорьевъ, с.-д. I — 113; II — 69.
Гришина-Алмазова, жена ген. II — 99, 105, 143; IV — 111, 136, 148, 157, 172, 175.
Гришинъ-Алмазовъ, ген. I — 68—9, 71—2, 89, 165, 167—8, 172, 176—81; III — 50, 66, 101, 138, 145, 349.
Гришка Хромой, парт. III — 194, 252.
Громовъ, парт. III — 185.
Грондижъ, пр. гол. К. Кр. II 108, 124, 207; III — 13, 28, 61, 102, 230; IV — 74, 120, 123, 132, 136, 139, 145, 149.

Грудзинскій, журн. III — 237.
Грязновъ, ком. IV — 90.
Гудковъ, проф. I — 175, 188; II — 44.
Гуковскій, оф. II — 168.
Гулькевичъ, дипл. I — 102, 105; III — 336.
Гуревичъ, с.-р. I — 169, 194; II — 19, 135; III — 55, 177, 179, 186—7, 189, 205, 217, 219, 222—3; IV — 23, 35.
Гурко, общ. дѣят. I — 14, 30—1, 47.
Гусарикъ, чеш. оф. I — 82; IV — 33.
Гусевъ, сов. ком. III — 63, 134.
Густомесовъ, оф. III — 208—9.
Гутманъ (Ганъ), журн. I — 6, 24, 99, 108—9, 131, 133, 222; II — 11, 201, 217; III — 54, 199; IV — 55, 108, 132.

Давидъ, чеш. полк. IV — 50.
Данъ, с.-д. I — 121.
Данбиновъ, с.-р. IV — 31.
Дашевскій, с.-р. I — 94.
Дворжецъ, с.-р. I — 130.
Девятовъ, с.-р. II — 184, 190; III — 42, 50.
Деммеръ, оф. III — 50.
Денике, с.-д. II — 135, 155; IV — 154, 156.
Деникинъ, ген. I — X, 2, 5—6, 27, 75, 93, 102, 112, 118, 119, 123, 131, 137, 145, 234—5; II — 36, 51, 221, 224; III — 8, 30, 36, 72, 101—2, 111, 121, 125—6, 129—33, 135, 140, 150, 152, 167, 205, 291—2, 295, 316, 319, 340—1, 340—1, 346, 348—9, 351; IV — 35, 45—7, 67, 76, 99, 110, 117, 120, 142.
Дерберъ, с.-р. I — 25, 62—6, 87, 139—40, 145, 147, 149, 155—6; III — 298.
Дерентальъ, журн. I — 114, 124.
Джедсонъ, ам. ген. I — 9.
Джемсъ, стеногр. IV — 109, 110, 115, 134.
Джонъ, тайн. фр. аг. III — 150, 288.
Дзержинскій, ком. I — 10.
Дилевская, ком. III — 270.
Дитерихсъ, ген. I — 35, 153; II — 124, 127, 184, 190; III — 15, 31, 146, 149—50, 152—8, 224, 249, 267, 274, 276, 288—9, 308, 348, 351, IV — 36, 37—9, 45, 48, 64, 77, 80, 81, 105, 143, 182.
Драгомирецкій, чеш. ист. I — 41, 112; II — 170; III — 15, 88, 91, 100, 349; IV — 42.
Драгомировъ, ген. III — 109.
Драчукъ, оф. III — 54.
Дрокинъ, раб. I — 80.
Думбадзе, ген. I — 102.
Дутовъ, ат. каз. I — 27, 115, 127, 195—6, 198, 202; II — 108, 184, 205, 221; III — 101, 124—5, 146, 148, 150, 276, 289; IV — 82, 159.
Духонинъ, ген. I — 9, 34; III — 56.
Дыбенко, ком. I — 27.
Дѣдусенко, с-р. II — 145.
Дюбарбье, фр. чл. миссіи. I — 26; II — 108; III — 33, 91, 105, 108—9, 118; IV — 73, 102, 108, 115, 122, 139, 141, 143, 145

Е—чъ, мемуаристъ, III — 198.
Егоровъ, оф. III — 53.
Елецъ-Усовъ, оф. II — 69.

Емельяновъ, кооп. II — 10.

Жакъ, чеш. оф. III — 85, 228.
Жандръ, фр. конс. I — 25—6, 57, 64, 75.
Жаненъ, фр. ген. I — 1, 177; II — 106, 109—11, 114, 131, 160, 162, 223—4, 226; III — 12, 14—5, 33—4, 81, 86—7, 95—9, 102—12, 116—8, 135—7, 150, 225, 228, 233, 349—51; IV — 5, 18, 49, 52, 57—8, 72, 73, 82, 85, 102, 109—2, 119—20, 122—3, 130, 132—4, 137, 139—44, 145—8, 160, 179.
Жано, фр. конс. I — 95, 116.
Жардецкій, к.-д. I — 157—8; II — 21, 99, 105, 136, 212; III — 16, 310, 313; IV — 43.
Жигалинъ, ком. III — 183, 185.

Забѣлло, ком. I — 27.
Завойко, пред. дв. II — 113; III — 130, 240, 345.
Зайчикъ, чеш. оф. I — 191.
Зайцевъ, сол. II — 69.
Закржевскій, оф. II — 224.
Замятинъ, оф. III — 209.
Занкевичъ, ген. VI — 37, 73, 130, 132—3, 135—40, 143, 161.
Заславскій, с.-д. III — 28.
Захаровъ, с.-р. I — 139, 142.
Звѣревъ, сов. ком. IV — 128, 147.
Зензиновъ, с.-р. I — IV, VII, 112, 204, 217, 226—7, 230; II — 3, 7—8, 17, 36, 38—40, 45—6, 49—50, 53—4, 56—7, 61, 64, 66, 76, 82, 84—91, 93—4, 103, 107, 141—5, 152—5, 157—9, 170, 179, 197, 200—2, 204, 212—3, 215, 221, 226—9, 234; III — 55, 59—61, 245, 319, 342; IV — 97, 185.
Зефировъ, мин. — I — 175; II — 134; III — 279.
Зиневичъ, ген. III — 308; IV — 88, 89—91.
Знаменскій, н. с. — II — 160.
Зубашевъ, проф. I — 70.
Зѣвакинъ, оф. III — 174.

Ивакинъ, оф. IV — 86, 87—8.
Иваницкій-Василенко, с.-р. IV — 114.
Ивановъ Вс., журн. I — V; III — 168; IV — 101.
Ивановъ, ген. II — 10, 119—21; III — 44, 50—1.
Ивановъ, с.-р. II — 172.
Ивановъ Вс., сов. бел. III — 178.
Ивановъ, зем. III — 285.
Ивановъ-Риновъ, ат. каз. I — 57, 71, 74, 83, 158, 172, 178—9, 192, 199; II — 6, 11—2, 20, 33, 42, 51—2, 72, 108, 117, 119—21, 204; III — 46—9, 55, 112, 148, 156, 158, 217, 238—9, 241, 259, 267, 286—9, 321, 348—9.
Ивашевъ, ком. IV — 175.
Игнатьевъ, н. с. (ком.) III 339.
Избышевъ, парт. III — 200.
Измайловъ, ком. I — 27.
Изоме, яп. оф. IV — 24.
Изюмовъ, ист. I — XIV, 208.
Ильинъ, оф. II — 106, 113.
Ильинъ (женевскій), ком. III — 88.
Ильмеръ, ком. III — 162.

Ильюховъ, сов. ист. III — 114—5, 187, 198, 204, 230, 232, 237.
Иностранцевъ, дипл. I — XIV, 45—6, 82; III — 12—3, 15, 34, 55, 62, 79, 108—12, 135, 137, 146—8, 235, 323, 340; IV — 38.
Ихра, яп. дипл. I — 144.

Іоффе, ком. I — 5, 10; III — 199.

Кадлецъ, чеш. оф. I — 40, 72, 152; III — 225.
Кадонецъ, оф. III — 212.
Казимировъ, проф. — III — 304.
Какуринъ, сов. в. ист. I — 37, 102, 108, 115; III — 63—4, 73—6, 80, 124, 132, 154, 156—7, 159, 201; IV — 18, 38.
Калашниковъ, с.-р. II—117, III—67, 143—4, 149, 163—4, 175, 182—3, 188, 194, IV—4, 5, 6, 8, 12, 21, 51, 86, 95, 98, 100—1, 107, 111—2, 163, 172, 176.
Калашниковъ, ком. III — 294.
Калединъ, ген. I — III.
Калининъ, ком. III — 188.
Калмыковъ, ат. каз. I — 76—7, 79; II — 67, 78, 208, 224; III — 15 233, 236—7, 243—4, 349; IV — 24.
Каминка, проф. III — 351.
Канторовичъ, с.-д. III — 28.
Каппель, ген. I — 72, 103, 109, 111—2, 194, 202; II — 163; III 68, 265; IV — 21, 39, 77, 81, 91, 111, 130—31, 142, 160, 162—4.
Каландарашвили, парт. III — 174, 211; IV — 127.
Кардонская, ком. III — 172, 265.
Кармашовъ, ком. I — 73.
Карповъ, с.-д. I — 161, 207.
Карташовъ, к.-д. III — 334, 351.
Касаткинъ, ген. III — 125, 279.
Катанаевъ, ген. I — 208.
Катанаевъ, каз. оф. II — 72, 107, 129, 153, 212, 219.
Като, яп. дипл. IV — 5, 109, 135—6.
Каховская, л. с.-р. III — 290.
Каизсевъ, прсд. Ур. Прав. I — 211.
Кенэ, фр. оф. II — 98; III — 116.
Керенскій, с.-р. I — 47, 50—1, 123, 179; II — 60, 113, 234; III — 1, 18, 36, 120, 144, 167, 319, 332.
Кибрикъ, с.-д. I — 225.
Киндяковъ, зем. дѣят. II — 3; III — 280, 285.
Кирилловъ, оф. I—45, 69, 73, 82, 133, 152, 179. III—123, 142, 144, 285.
Киселевъ, оф. II — 212.
Кіеріенко, с.-р. III — 42.
Клафтонъ, к.-д. II — 99, 136—7; III — 248; IV — 176.
Клемансо, фр. гос. д. II — 99, 136—7; III — 248,
Клемъ, чин. мин. ин. д. III — 320—1; IV — 18.
Клерже, оф. III — 248.
Клецанда, чеш. оф. I — 36; III — 86, 228.
Климушкинъ, с.-р. I — 95—7, 99, 124, 126, 130, 132; II — 31.
Клофачъ, чеш. пол. IV — 49.
Ключниковъ, к.-д. II — 31—2, 50, 81, 91, 133—4, 154, 156, 187, 192; III — 56, 107, 281, 298.
Кобозевъ, ком. I — 26—7.
Коваленко, н. с. (?) I — 130.
Ковальскій. зем. соц. IV — 31.

Коварскій, с.-р. IV — 183.
Коганъ-Бернштейнъ, с.-р. I — 204.
Кожевниковъ, ком. IV — 47.
Козьминъ, кооп. III — 304.
Колесниковъ, оф. III — 67, 231, 234.
Колосовъ, с.-р. I — IV, 70, 141, 164, 167, 194; II — 32, 52, 57, 66, 99, 103, 111—2, 114, 135, 140, 189—90, 200. 202; III — 16, 38, 43, 46—9, 53, 58—9, 91—2, 94, 137, 160—1, 163, 165—8, 170—1, 174, 176—9, 181, 184—6, 188, 194—5, 200, 216—7, 219—20, 222—24, 228—9, 231—2, 245, 259—60, 269—70, 291, 295—8; IV — 6, 7—9, 11, 28, 47, 67, 68—9, 88—90, 127.
Колчакъ, адм. I—III—X, XIII, 4, 52, 75—9, 82, 101, 123, 137, 140, 142—5, 147—8, 151, 163, 206, 236; II — 12, 24, 27, 32, 42, 50—3, 55, 58—60, 63—4, 76, 96, 99, 106—16, 120—33, 135—6, 138—40, 144, 146, 148—53, 155—61, 163—5, 168—70, 172, 179—80, 183—5, 187, 190, 194, 197—9, 201—5, 207—8, 210—11, 216, 220—2, 224, 227, 229. 231—5, 237—8; III — 3, 5, 7, 9—13, 15—29, 31—41, 45—8, 51—5, 59 - 62, 64, 67—8, 72, 75—6, 78—9, 81, 85—92, 96, 98, 101—3, 105—10, 112, 114, 117—8, 120—1, 124—5, 128—30, 132—3, 136, 138—40, 143—46, 148—50, 152, 156, 163—5, 167—9, 181, 183—4, 189—90, 196, 204—5, 208—10, 217—20, 222, 224, 231—2, 236, 239, 241, 243, 246—9, 251, 253, 259, 261, 265, 267—70, 272, 275, 279, 281—2, 284—5, 287—93, 295—7, 298—9, 301—3, 305—10, 312, 314 - 5, 317—23, 327—31, 333, 335, 337—51; IV — 4, 5—7, 9, 14—16, 18, 21, 24—5, 31, 35—6, 38—40, 42—3, 48—50, 53—4, 58 - 9, 61, 65, 66, 71—2, 74, 76—9, 81—6, 88, 91, 97, 99, 106, 109—11, 113, 116—7, 120—2, 124—5, 128, 130—4, 136—7, 139—44, 145—50, 154—9, 167—77, 180—5.
Колчакъ Р., сын. ад. II — 3.
Кольярдъ, ам. журн. I — 50.
Коноваловъ, пром. III — 351,
Константиновъ, с.-д. III — 38; IV — 51, 69.
Коншинъ, оф. I — 45.
Копачелли, пр. пов. III — 162, 270.
Корбейль, фр. оф. I — 45.
Корниловъ, ген. I — 4, 35, 69—70.
Корнишъ-Гоуденъ, анг. оф. II — 158.
Коробовъ, к.-д. I — 126 - 7; III — 285.
Косьминскій, с.-р. IV — 138. 149.
Костендій, оф. II — 63.
Кошекъ, чеш. дип. II —53, 209; IV — 42, 59.
Коэласъ, эст. пол. III — 331.
Кравченко, парт. III — 96, 185; IV — 89.
Краковецкій, с.-р. I — 62, 64, 139, 145, 150, 185; IV — 7, 10, 23, 28, 30, 97.
Крамаржъ, чеш. общ. д. III 86, 99.
Красильниковъ, ат. каз. I — 137; II — 34, 62, 65—6, 72, 103, 105—8, 137—9, 141—5, 147, 152—3, 157, 212, 213, 219; III — 46, 53—5, 235—6, 349.
Красновъ, ген. I — 91, 100.
Красновъ В., юрист. I — XIV.
Красновъ, мин. III — 276; IV — 148.
Краснощековъ (Тобельсонъ), ком. IV — 180, 181.
Крахмалевъ, с.-р. IV — 187.

Кратохвиль, чеш. пис. II — 115—6, 118, 123, 175, 179; III — 61, 81, 89; IV — 48, 49, 184.
Крашенинниковъ, оф. IV — 25.
Крейчи, чеш. с.-д. III — 93; IV — 50, 67, 68—9, 147, 168, 176, 179.
Крейчи, чеш. оф. III — 225—6; IV — 176.
Крестинскій, ком. I — 10.
Крестовскій, чин. II — 217.
Кришевскій, оф. III — 17.
Кровакъ, чеш. оф. IV — 137.
Кроль Л., к.-д. I — 17, 122, 133, 136—7, 169—73, 178, 201, 206, 211, 219—20, 223—5, 229; II — 6, 11, 20—1, 32, 34, 36, 39, 45, 50, 52, 55—9, 61, 77, 79—80, 83, 93, 99, 101—3, 125—6, 137, 139, 164, 177, 199, 216, 226; III — 16, 104, 137, 200—1, 247—8, 255, 265, 283—4, 307—8, 310—3, 317; IV — 43, 44, 50, 54, 56, 58, 61—2, 69, 70, 74, 95, 111, 144, 148—9, 156.
Кроль М., с.-р. I — 65, 73, 159, 160—3, 165—7, 179; III — 246.
Кронбергъ, с.-р. III — 304.
Кропоткинъ, учен. ан. I — 2.
Кругликовъ, с.-р. II — 36, 47, 58.
Кругловскій, оф. II — 190—1.
Кругляковъ, с.-р. I — 217.
Крупенскій, дипл. I — 144; IV — 142.
Крутовскій, н.-с. I — 62, 84, 86, 182, 184, 186—8; II — 11—13.
Крыленко, ком. III — 183.
Кубанинъ, сов. ист. III — 80, 183.
Кудашевъ, дипл. I — 142; III — 119, 243.
Кузнецовъ, воен. юр. III — 45, 53.
Кукалевскій, каз оф. III — 54.
Куликовъ, с.-р. I — 158, 164.
Кульчицкій, парт. III 192.
Куракинъ, кн., дѣят. К. Кр. III — 280; IV — 74.
Куренковъ, дипл. IV — 15.
Курскій, ком. I — 148.
Кутузовъ, с.-р. I — 204.
Кушнаревъ, ком. III — 240.

Лавровъ, с.-р. I — 149; II — 116.
Лавернь, ф. ген. I 9, 39, 43—5, 96, 104; IV — 18.
Лазаревъ, с.-р. I — 204, 205.
Лазаревскій, журн. I — 4.
Лази, фр. журн. III — 349, 350—1; IV — 18, 27—8.
Лазо, парт. III — 115; IV — 181.
Ларинъ, ком. II — 74.
Ларіоновъ, мин. IV — 109, 148, 176.
Латуръ (де), фр. оф. IV — 110.
Лебедевъ, с.-р. I — 89, 90, 93—5, 98, 100, 112—3, 105—7, 110—14, 116, 118, 122, 132—3, 135, 138, 198, 202; II — 9, 234; III — 66, 259, 314.
Лебедевъ, ген. II — 105, 123—4, 129, 135—7, 139, 222, 224, 234; III — 45 124—6, 130, 132, 134, 139—44, 146—7, 151, 153—4, 159, 263; IV — 37, 162, 182.
Лебедева-Кіашко, парт. III — 198, 199.
Левенсонъ, ком. IV — 173, 175.
Левенталь, солд. III — 51.

Левидовъ, сов. ист. I — 8, 9, 32, 44, 49.
Левиновъ, л. с.-р. IV — 89.
Легра, фр. проф. I — X; II — 95, 111, 131, 140, 165, 191, 208, 217; III — 12, 39, 61, 112, 269; IV — 106, 121, 133, 141.
Ленинъ, ком. I — 9, 10—1, 26; II — 39, 76, 189, 233—4; III — 69, 121, 168, 170, 204, 319; IV — 18, 181.
Лепарскій, оф. IV — 41.
Лера, фр. пед. III — 8.
Лелонъ, фр. оф. I — 39.
Лессинъ, нѣм. оф. I — 43.
Леховъ, ком. III — 237.
Линдбергъ, с.-р. I — 73; III — 295.
Линдей, анг. дип. II — 225.
Лихачъ, с.-р. II — 145.
Лозовой, с.-р. II — 58.
Л.-Джорджъ, ан. гос. д. I — 9, 50, III — 102, 103, 320, 347; IV — 52, 59.
Локкартъ, анг. конс. I — 10, 11, 14, 17, 45.
Ломовъ, ком. I — 10.
Лопухинъ, к.-д. II — 3.
Лотошниковъ, с.-р. I — 204.
Лошмаковъ, с.-р. I — 230.
Лохвицкій, ген. II — 3; III — 151; IV — 133, 141, 174, 182.
Лубковъ, (Шевелевъ) парт. III — 184, 195, 206—7.
Лукинъ, мор. оф. IV — 175.
Лукьянчиковъ, с.-р. IV — 154, 156.
Львовъ, кн. Пред. Вр. Пр. I — 192; II — 12, 20, 43, 98, 114, 143, 232—3; III — 277, 351.
Львовъ, В. мин. исп. Вр. Пр. I — 65, 206; II — 79, 105—6, 127, 140—1.
Люисъ, ам. сен. I — 50.

Магомаевъ, каз. оф. IV — 24.
Малиновскій, с.-р. IV — 74, 94.
Мамонтовъ, парт. III — 184—5, 195, 211; IV 176.
Маннергеймъ, ген. I — 17, 28, 91; III — 334, 337—41.
Марино, фр. оф. II — 112; IV — 38, 109, 139.
Марковскій, ген. IV — 89.
Марковъ, ком. IV — 101.
Марковъ, н. с. I — 217—8.
Марковъ, с.-р. I — 71, 73; III — 292; IV — 50, 123.
Мартель, фр. дипл. III — 110; 336, IV — 17.
Марти, фр. оф. ком. IV — 147.
Мартыновъ, ген. III — 211—13.
Мартьяновъ, ген. II — 129; III — 16; IV — 76.
Маршанъ, фр. ком. I — 19, 31, 32, 105.
Масарикъ, през. Ч.-Сл. Респ. I — 2, 10, 15, 19, 24, 28, 33—8, 41—2, 49, 50, 59, 98, 104, 118; III — 20, 31, 70, 83—6, 88, 90, 94, 111, 332, 351; IV — 18, 49.
Масловъ, П. с.-д. I — IX; III — 268.
Масловъ, С. с.-р. I — 177; II — 77, 145; III — 254.
Матковскій, ген. II — 187; II — 106, 130, 142, 212; III — 52, 146.
Мадраковъ, ком. I — 24.
Маевскій, с.-д. I — 6, 215; II, — 36, 81, 195—7, 201; III — 42, 58—9.
Мазингъ, с.-р. II — 58.

Мазингъ (псевд.) I — 23.
Мазонъ, фр. ист. лит. III — 351.
Майскій, с.-д. I — 96, 97, 101—3, 107, 112, 115—6, 118, 120—29, 132—4, 136 7, 168, 171, 173, 182—3, 193, 199, 200—1, 204—5, 215, 226—7, 229—31, 233, 236—7; II — 7, 14, 20—3, 38, 40, 50, 56, 63—6, 112, 133—4, 143, 171, 202, 226.
Маклаковъ, к. д. I — 15; II — 3, 113, 232; III — 3, 102, 104, 107, 118, 152, 328, 331.
Макса, чеш. пол. I — 40, 41.
Максаковъ, ком. III — 173.
Максудовъ, с.-р. II — 174
Махинъ, с.-р. II — 182, 233—4; III — 102, 319.
Махъ, чеш. оф. IV — 26.
Мацуди, яп. дип. III — 241.
Мацудайро, яп. дип. IV — 17.
Медвѣдевъ, с.-р. I—7, 147, 150; III — 259, IV — 23, 180.
Медекъ, чеш. пис. I — 119; II — 182; III — 82, 95; IV — 35.
Мельгуновъ, н. с. III — 3; IV — 144.
Мельниковъ, зем. дѣят. III — 285.
Менде, бар., ген. III — 349.
Меркуловы, пром. IV — 182.
Мефодіевъ, каз. оф. II — 12.
Мерхалевъ, ком. IV 100, 138.
Миллеръ, ген. III 339.
Миллеръ, упол. Кр. Кр. IV 160.
Мильнеръ, анг. гос. дѣят. II — 113.
Милюковъ, к. д. I — X, XI, 4, 7, 8, 13, 20, 29—31, 35, 47, 53, 58, 102, 119, 147, 163, 176 7, 197, 206, 222, 225; II — 99, 111, 114, 194, 199; III — 32, 34, 68, 81, 122, 124 5, 127, 132, 143, 149, 151, 163, 171, 175, 183, 189, 246, 248, 272, 276, 281, 309, 312, 319, 323, 326, 330; IV — 36, 38—9, 85, 146, 182.
Мининъ, с.-р. II 85, 86.
Миноръ, с.-р. I — 204; II — 28, 172, 234; III — 269, 306, 319; IV — 144, 183.
Мирбахъ, нѣм. дипл. I — 29, 32, 43, 91, 111.
Михаилъ Ал., вел. кн. I — 213; II — 98; III — 168, 244.
Михайленко, к. д. I 26.
Михайловъ П. с.-р. I — 71, 73, 83, 86; II — 38; III — 292, 294; IV — 100, 105, 123.
Михайловъ И., мин. I — 62, 84—6, 167—8, 180, 182, 184—91, 220; II — 6, 8—11, 44, 46—7, 50, 52—3, 57—8, 60, 63—4, 105, 108, 117, 119, 121, 125, 133, 136 8, 141—2; III — 50, 58 9, 144, 249—50, 261 3, 272—3, 275—6, 288, 356; IV — 37, 65.
Михайловъ, ком. IV — 89.
Михайловъ В., с.-р. I — 82.
Михайловъ, оф. IV — 102.
Михельсонъ, ком. I — 23.
Михѣевъ, н. с. I — 205.
Мищенковъ, с.-д. IV — 88.
Моисеенко, с.-р. II — 63, 65—6, 215.
Мокринскій, проф. юр. III — 255, 304.
Моллеръ, оф. I — 102, 118.
Монгра, фр. дип. IV 109, 110, 115.
Монтондонъ, шв. дѣят. Кр. К. II — 96, 140; III — 229; IV — 146.

Моравскій, с.-р. I — 140, 155, 183; IV — 9, 10, 12, 21, 28, 30.
Моринсъ (?), фр. оф. IV — 38.
Морозовъ, кооп. I — 151.
Морозовъ, тов. мин. IV —148.
Моррисъ, ам. дипл. III — 110, 115; IV — 15.
Моцусима, яп. дип. III — 110.
Муравьевъ, л. с.-р. I — 24, 34, 110—11.
Муррей, анг. оф. III — 118.
Мякотинъ, н. с. I — 15, 29; III — 254.
Мясоѣдовъ, ком. I — 27.

N. см. Яковлевъ (с.-р.).
Набоковъ, В. к.-д. I — 197.
Набоковъ, К. дипл. I — 4, 12, 55; II — 113, 207, 225; III — 319—20, 327, 334—5, 341.
Накашима, яп. дип. I — 143.
Нарбутъ, оф. I — 188, 189.
Натансонъ, с.-р. I — 23.
Негрескулъ, с.-р. IV — 10.
Неклютинъ, адм. IV — 65.
Некрасовъ, к. д. I — 70.
Нелидовъ, сов. лит. III — 329.
Нельсонъ, анг. оф. II — 131, 138.
Нестеревъ, оф. IV — 138.
Нестеровъ, с.-р. I — 89, 96; II — 31.
Неупокоевъ, с.-р. I — 25, 66, 74, 139.
Никитинъ, оф. I — 57.
Николаевъ, с.-р. I — 94, 96, 104, 202.
Николаевскій, с.-д. I — XIV.
Николай II, II — 109; III — 245.
Николай, еп. III — 211.
Николай Ник., вел. к. II — 98; III — 25, 167—8; IV — 73.
Никольскій, фин. дѣят. I — XIV; III — 16, 34, 251.
Никоновъ, с.-р. — 186.
Ниссель, фр. ген. I — 21, 64.
Новиковъ, прис. пов. II — 3; III — 269.
Новомбергскій, н. с. I — 159.
Новоселовъ, мин. I — 62, 183—8, 191—2; II — 5, 6, 10—12; IV — 55.
Новоселовъ, парт. III — 184, 195.
Ноксъ, анг. ген. I — 21, 156; II — 3, 84, 87, 109—14, 122, 140, 159, 165, 223; III — 77, 79, 82, 99, 102—8, 110—2, 126, 131—2, 141, 145, 241; IV — 18, 33, 57, 71.
Нулансъ, фр. пос. I — 10, 11, 31—3, 88, 104.

Обаринъ, ком. IV — 173.
Огановскій, с.-р. III — 291.
Озерецковскій, н. с. I — XIV.
Ойей, яп. ген. IV — 82.
Окороковъ, коопер. III — 248.
Окуличъ, кооп. II — 96, 220; III — 175, 240, 277.
Оликовъ, сов. ист. III — 69, 73.
О'Рейль, анг. дипл. IV — 17.
Орловъ, оф. I — 76, 79.

Павелъ, ред. „Чех.-Сл. Дн." I — 133. (Нѣкоторыя его статьи могли ошибочно быть приписаны д-ру Павлу).

Павловъ с.-р., I — 204; II — 57, 65.
Павловскій, с.-р. IV — 10, 14, 20—1.
Павловскій, чин. III — 246.
Павлу, чеш. журн. I — III, IX, 41, 98, 118, 133, 174, 178, 190, 208, 228; II — 203, 228; III — 90, 92, 98, 229, 278, 291; IV — 42, 45—9, 51—2, 57.
Павлуновскій, ком, III — 208—10.
Падаринъ, каз. III — 51.
Палеологъ, фр. пос. II — 141.
Панкратовъ, с.-р. III — 58, 72, 282 - 3.
Парисъ, фр. ген. II — 109.
Парунинъ, журн. III — 266, 267.
Парфеновъ, сов. ист. I — 26, 45, 56, 68, 72, 80, 158, 163—4, 177—8; II — 10, 66, 69, 72, 90, 106, 108, 137, 220—1; III — 37, 177, 179, 190, 198—9, 211, 216, 219, 265; IV — 23, 73, 86, 122, 131, 147, 163, 182.
Паскаль, фр. ком. I — 45.
Патейдль, чеш. оф. II — 166.
Патлыхъ, с.-д. III — 270; IV — 99.
Патушинскій, н. с. I — 61, 62, 84, 86, 167, 174, 180—1, 184—5; III — 298; IV — 129.
Пелліо, фр. оф. II — 224.
Пепеляевъ, ген. I — 67, 68, 109, 152, 155, 190; II — 42, 118; III — 66, 67, 77, 120, 128, 134, 142—5, 151, 293, 301, 308—9; IV — 4, 6, 21, 39—40, 77, 79—80, 86—7, 91.
Пецеляевъ, мин., к. д. I — 180, 199, 212, 235; II — 98, 102, 114, 125, 127, 136—7, 143, 208, 210; III — 32, 102, 115, 129, 145, 152—3, 157—8, 168, 171—2, 275—7, 287—9, 304, 308—9, 327, 345, 348; IV — 6, 18, 36—7, 42, 44, 46, 57—9, 61—4, 65, 67—8, 70, 75—81, 86—7, 105—6, 110—11, 136, 149, 157—8, 170—75.
Персъ, анг. проф. I. — IV, VII; III — 33, 249, 347; IV — 175.
Петелинъ, оф. IV — 138.
Петрашкевичъ, чин. I — 81.
Петровъ, мин. Омск. I — 176; II — 46.
Петровъ, мин. Дальн. В. III — 104, 241.
Пилкинъ, адм. III — 335, 336, 338.
Пишонъ, фр. маіоръ I — 6, 20, 25, 47, 51, 61, 63, 65, 195; II—93, 109, 119, 121—2, 124, 126, 131, 161, 164—7, 176, 181, 184, 207, 225—6; III — 81, 84, 93.
Пишонъ, фр. мин. I — 105; IV — 34.
Платтенъ, швец. ком. III — 121.
Плѣшковъ, ген. I — 72, 140, 150.
Поволоцкій, изд. II — 80, 105.
Погребицкій, с.-р. IV — 32, 51.
Подбѣльскій, к. д. I — 95.
Подвицкій, с.-р. I — 204; II — 16; III — 298.
Подвойскій, ком. I — 26.
Подшиваловъ, сов. ист. I — 23, 41, 106; III — 63, 64, 202.
Полнеръ, н. с. I — XIV; III — 169.
Половниковъ, к. д. IV — 51.
Попаушекъ, чеш. жур I — 36.
Поповъ, ком. III — 24, 40—1, 43, 218; IV — 154, 155, 170.
Посниковъ, чин. II — 200, 271.
Потанинъ, н. с. I — 16, 59—61, 68—70, 160; III — 26, 33, 158.

Преображенскій, с.-р. I — 171.
Преображенскій, мин., н. с. (?) III — 248, 273; IV — 148.
Прикрылъ, чеш. журн. I — XIII, 43; III — 82, 84—7, 95.
Прокофьевъ, ком. III — 179.
Прхалъ, чеш. оф. III — 94, 176, 227—28; IV — 165, 166.
Пуанкарэ, фр. гос. д. I — 33, 71.
Пуаро, фр. оф. III — 226.
Пугачевскій, ком. I — 110.
Пуль, анг. ген. III — 131.
Пумпянскій, с.-р. II — 58.
Путиловъ, фин I — 140; II — 132; III — 351.
Пуцято, чин. III — 168.
Пушкова, I — XIV.
Пѣшехоновъ, н. с. III — 261.
Пѣшковъ, Зин. оф. II — 111.

Радекъ, ком. I — 52.
Ракитникова, с.-р. II — 203.
Ракитниковъ, с.-р. I — 70, 102, 109, 136, 155—6, 232, 238; II — 54, 61, 89, 93, 134, 189.
Раковъ, с.-р. I — 170, 232; II — 57, 58, 61, 64, 145—6; III — 41, 163. 216, 229, 245, 248, 255, 265; IV — 35, 96, 99, 103.
Раскольниковъ, ком. I — 26.
Рейснеръ, ком. III — 80.
Реньо, фр. дип. II — 126, 209.
Рихтеръ, чеш. дѣят. I — 172, 190—1; II — 33, 49, 53, 209—10.
Ребенда, чеш. оф. I — 130.
Робинсъ, пред. ам. К. К. I — 10, 11, 17, 21, 31.
Роговъ, партиз. III — 184, 185.
Роговскій, с.-р. I — 124, 137, 204; II — 3, 38, 50, 52, 58, 66, 82, 130, 144—5, 215, 227—8. 234, III — 319.
Родзянко, оф. II — 113, 159.
Розановъ, ген. II — 3, 62—3, 98, 106, 130, 138—9, 146, 148—9; III — 94, 214—5, 217—9, 222—6, 228—9, 244, 274, 349; IV — 19, 23—6, 28—9, 32—4.
Розенблюмъ, с.-р. I — IX, 204; II — 25, 26; III — 283, 291.
Романовскій, ком. III — 290.
Рошаль, ком. I — 23.
Рубцовъ, оф. III — 44, 51.
Рудневъ, юр. II — 65, 134; III — 269.
Рудневъ, с.-р. IV — 183.
Рукероль, фр. ген. III — 15, 34, 65, 103, 106—7, 109, 118, 351.
Русановъ, чл. Г. Думы, тр. I — 9.
Рычковъ, ген, I — 138.
Рѣшетинъ, оф. IV — 104, 106, 108.
Рябиковъ, ген. III — 140, 248.
Рязановскій, проф. II — 76; III — 304.

Сабашниковъ, ком. IV — 88.
Сабельниковъ, оф. III — 44.
Саблинъ, дипл. III — 33, 249, 339, 347.
Савинковъ, пол. дѣят. I — 22, 24, 48, 113, 115, 235; II — 50; III — 337, 351.
Садуль, фр. оф., ком. I — 10, 11, 13, 17—8, 31—2, 38, 41, 43—4, 46, 52.

Сазоновъ, мин. II — 229, 233, 235; III — 18, 276, 326—7, 329, 331, 333—4, 337—41, 344, 351; IV — 142.
Сазоновъ, коопер. I — VI, 158; II — 10, 40, 76, 99, 100, 103; III — 16, 60—1, 72, 110, 275, 282—3, 285, 299, 305; IV — 79, 120.
Самохинъ, с.-р. IV — 51.
Сапожниковъ, проф. I — 208, 217, 227; II — 16, 44—5, 50, 142.
Сатунинъ, оф. I — 79, 80.
Сахаровъ, ген. II — 113, 124, 193; III — 12, 67, 77—8, 101, 112, 116, 123, 132—6, 141—2, 151, 153, 167, 178, 348—9; IV — 36, 39—41, 71, 72, 78—82, 85—8, 160, 162—3, 165, 176.
Сафо, сиб. дѣят. II — 63.
Сванлюнъ, фин. пис. I — 132.
Свердловъ, ком. III — 39, 180.
Свинхувудъ, фин. гос. д. III — 339.
Свобода, чеш. оф. II — 166.
Святицкій, с.-р. I — 123, 169, 232, 237; II — 11, 15—17, 19—20, 22—29, 38, 40, 51, 53—5, 57, 59—61, 81—3, 88, 92—3, 112, 133—4, 143, 171—3, 175, 178—81, 184—5, 187, 189, 201, 216; III — 91, 278.
Сейфулина, сов. пис. III — 178.
Селивачевъ, ген. III — 69.
Семеновъ, каз. ат. I — 20, 27, 64, 76, 78—9, 143—4, 151—2; II — 78, 108, 158, 205, 219—22, 224; III — 46, 54, 65, 115, 137, 159, 175, 217, 233, 237—42, 244, 349; IV — 24, 81, 82—6, 105, 108, 110, 113, 118, 121—2, 126, 131, 139, 141, 146, 152, 182.
Серебренниковъ, экон. I — 62, 63, 166, 174, 176, 182, 185, 187, 192, 203, 220—2, 233; II — 6, 8, 13—4, 32—3, 45, 48, 51, 52, 55, 58.
Сесиль, анг. гос. д. I — 14, 49.
Сидоровъ, с.-р. I — 73, 85, 154; IV — 10, 11.
Сидоровъ, ком. IV — 94.
Сидоровъ, полк. III — 54.
Силинъ, с.-р. III — 209.
Симолинъ, проф. юр. III — 304.
Синегубъ, пис. II — 174.
Скацель, чеш. оф. IV — 131.
Скипетровъ, ген I — 57; IV — 103, 121, 122.
Скоропадскій, ген. I — 27, 91, 100.
Славинъ, парт. III — 187.
Слонимъ, с.-р. III — 178.
Смирновъ, адм. III — 18, 335.
Смирновъ, ком. III — 38, 161, 271; IV — 127, 160—1, 164, 167, 170.
Смирновъ, ген. III — 232.
Сноскаревъ, ком IV — 173.
Соколовъ, к. д. — 130.
Соловейчикъ, к. д. I — 95; II — 105, 136.
Солодовниковъ, оф. I — 137, 171, 202; III — 137, 176, 219, IV — 5, 21—3, 25—9, 31, 33—4, 45, 49.
Сотниковъ, оф. I — 68.
Сперанскій, с.-р. II — 184, III — 42, 50—1, IV — 50.
Спицынъ, пред. Хорвата III — 239.
Сталинъ, ком. I — 37.
Сталинскій, с.-р. II — 133, 234, III — 319.
Сталь, н. с. I — 140.
Старынкевичъ, б. с.-р., юр. I — XIV, 137, 176, 220; II — 44, 50, 62,

88, 90, 133, 145, 151—3, 155—7, 191, 211, 216, 221; III — 46, 49, 52—3, 59, 248.
Стевенсъ, ам. инж. I — 17.
Стевеней, анг. оф. II — 110.
Степановъ, ген. I — 2, 6, 75, 145, 149.
Степановъ, кап. I — 35, 98—9, 104, 111—2, 138; II — 104, 122.
Степановъ, воен. мин. III — 214, 224, 231.
Степановъ, к.-д. III — 209.
Страка, чеш. д. I — 39.
Струве, акад. I — VII, XII, XIII; III — 13, 334.
Струйкій, ирк. жит. IV — 156, 175.
Струмилло, раб. I — 109.
Субботовскій, сов. ист. I — 4, 9; II — 98, 208, 233; III — 97, 102, 104, 115, 118, 138, 171, 201, 238—9, 251, 320, 326, 328, 333, 339, 346; IV — 72, 111.
Суворинъ, журн. II — 60.
Сукинъ, мин. II — 3, 137, 148, 233; III — 36, 79, 91, 97—9, 103, 108, 111, 116, 118, 130, 139—40, 156—7, 226, 248—9, 251, 276 328, 334—5, 337, 341—2, 345; IV — 15, 18, 39—40, 42, 49, 65, 78—9, 81, 97.
Сулима, с.-д. I — 62.
Сумароковъ, оф. I — 68, 71, 73.
Суринъ, ген. II — 129, 134, 220.
Сурковъ, ком. IV — 166.
Суровцевъ, оф. III — 170, 212, 214.
Сухомлинъ, с.-р. I — 106, 108; II — 94, 234.
Сыробоярскій, оф. III — 243; IV — 24, 81—8.
Сыровой, чеш. ген. I — 119, 191, 222; II — 21, 118, 120, 123, 127, 159—62, 164—6, 175, 178, 184, 198; III — 95, 98, 104, 107, 227; IV — 18, 50, 71, 73, 103, 109, 120, 130—1, 137 8, 149, 160, 165.
Сыромятниковъ, оф. I — 45; II — 105—6, 138—9, 143, 149.
Сычевъ, кооп. I — 80, 81.
Сычевъ, ген. IV — 101, 102—4, 121.
Сѣмашко, оф. II — 12.
Сѣмашко, с.-р. III — 269.

Такаянаги, япон. ген. III — 310, 344.
Таскинъ, к.-д. III — 243.
Татариновъ, оф. III — 238.
Тельбергъ, к.-д. II — 133; III — 226, 238, 245, 248, 269, 273—5, 288. 350.
Темирева, другъ Колчака IV — 148. 157—8, 171.
Теребилло, ком. III — 191.
Теръ-Пагасьянъ, с.-р. II — 234.
Тимофеевъ, с.-р. I — 57, 226.
Титовъ, сов. ист. III — 114, 115, 187, 198, 230.
Титцъ, нѣм. оф. I — 23.
Тихоновъ, учит. I — 80.
Тодоровъ, каз. II — 69.
Толкачевъ, оф. III — 220 223.
Толстовъ, оф. III — 201.
Толстовъ, каз. ген. IV — 159.
Толстой, гр. Ред. „Уф. Ж.“ I — 99.
Толь, бар. путеш. I — I, III; III — 59.

Тома, фр. соц. I — 11, 13, 17–8, 38.
Томилинъ, оф. IV — 29.
Томсонъ, пред. ам. К. К. I — 9.
Треденбахъ, с.-р. II — 141, 142.
Третьяковъ, пром. III — 285; IV — 59, 60–1, 69, 70, 72, 78–9, 84, 100, 142.
Трубецкой, адм. III — 25.
Трубецкой, Е. III — 235.
Трубецкой, С. II — 3.
Трубчаниновъ, лейт. IV — 136.
Троицкій, чин. III — 176.
Троцкій, ком. I — 10—13, 17, 20—1, 24, 26, 29, 38, 40–3, 46; II — 39, 189; III — 71, 73, 80, 168, 179.
Тряпицынъ, парт. III — 198, 199.
Туруновъ, ком. III — 293.
Тусаръ, чеш. пол. IV — 49.
Турханскій, с.-р. III — 208, 210.
Тухачевскій, сов. ком. I — 110; III — 154.

Уборевичъ, сов. воен. IV — 183.
Угетъ, дипл. II — 233.
Угловскій, каз. II — 69.
Ульрихъ, нѣм. оф. I — 27.
Унгернъ, бар. ген. III — 244.
Уордъ, анг. оф. I — 2; II — 65, 93, 98, 105, 110, 112, 122, 127—8, 132–3, 136, 150, 157, 159, 164—5, 208, 210, 221, 225; III — 47, 48, 77, 112—3, 117, 131, 253, 321, 343; IV — 93.
Уповаловъ, раб. I — 24, 107–9; II — 204.
Урицкій, ком. I — 10.
Уструговъ, мин. I — 62, 63, 140, 148; II — 44, 50; III — 276, IV — 72, 111.
Устряловъ, к.-д. III — 112, 281, 347; IV — 182.
Утгофъ, с.-р. I — 99, 101, 119, 122, 136, 194, 201—3, 229, 231; II—99, 102, 171; IV — 55.
Ушаковъ, оф. I — 82.

Фабрикантъ (Лелинъ), ком. III — 294.
Февралевъ, оф. III — 237.
Федичкинъ, оф. I — 108.
Федоровъ М., общ. д. III — 30.
Федоровъ, к.-д. III — 283.
Федоровъ, ген. II — 112.
Федоровъ, с.-р. II — 172.
Федоровичъ, с.-р. II — 87; IV — 52.
Федосьевъ, гос. конт. III — 306.
Филашевъ (Новиковъ), н. с. I — 165; II — 94, 101.
Филипповскій, с.-р. II — 31, 180.
Финкъ, чеш. пис. III — 349; IV — 45, 49—52.
Флугъ, ген. I — 42, 66, 68–9, 72, 74–5, 94, 145, 147—51, 183; III — 12, 237.
Фортунатовъ, с.-р. I — 96, 103, 112—3, 138; II — 185, 187.
Фошъ, фр. ген. I —13; III — 99.
Франкъ, полк. III — 200, 204, 212, 214, 225, 258–9.
Франкъ, С. фил. III — 204, 205.
Френсисъ, ам. посл. I — 10, 13, 17, 32, 38, 44, 52.

Фроловъ, земецъ II — 74.
Фукуда, яп. оф. IV — 141, 143.

Ѳоминъ, с.-р. I — 71, 82, 155, 167; II — 22, 172, 175, 177, 191, 201, 207; III — 41—3, 46, 49—50, 55—60.
Ѳоминъ, кап. III — 214.
Ѳоминъ (Медвѣдевъ), рев. 70 гг. III — 268.
Ѳоминъ, с.-д. I — 209, 218—9, 222, 224—5.

Ханжинъ, ген. II — 124, 190; III — 68, 124, 151; IV — 83, 109.
Харитоновъ, чин. IV — 74.
Хигсъ, ам. офиц. I — 20.
Ходоровъ, с.-д. III 282.
Ходсонъ, анг. дипл. IV — 109, 112.
Ходукинъ, с.-р. IV — 67, 104.
Холодовскій, с.-р. IV — 51.
Хорватъ, ген. I — 139—41, 143—5, 147—9, 151—2, 182; II — 52, 60, 114, 116, 132, 200, 204—5, 221; III — 48, 236, 239, 274—6.
Хорошкинъ, ген. I — 213; II — 3, 98, 156, 228; III — 286, 287.
Хрещатицкій, ген. I — 148; II — 98.

Ц. оф. III — 7.

Чайкинъ, с.-р. I — 204; II — 93.
Чайковскій, н. с. I — VIII, 2, 3, 47, 51, 57, 94, 174, 196, 226—7; II — 77, 89, 100, 104, 207, 225, 229, 233—4; III — 30, 291, 318—9, 327 — 8, 332—3, 339, 351; IV — 183.
Чембуловъ, н. с. I — 126, 200, 210; II — 179, 207; III — 283.
Червенъ-Водали, к.-д. III — 14, 285; IV — 38, 70, 79, 97, 103, 105, 109—11, 116—19, 121, 134, 142, 148, 176.
Черенскій, чеш. оф. I — 34.
Черепановъ, оф. IV — 123.
Чермакъ, чехо-слов. полк. I — 40, 41.
Чернавинъ, ген. III — 8.
Черненковъ, с.-р. II — 189.
Черновъ, с.-р. I — 101, 119, 121, 204, 231—2, 237; II — 25, 26—7, 29, 54, 60, 76, 84, 92, 97, 171—2, 175—8, 181, 186, 189—90, 194, 213 —4, 218; III — 5, 50, 58, 205, 291; IV — 184, 185.
Черчиль, анг. мин. III — 99, 339, 346; IV — 18.
Чечекъ, чеш. ген. I — 41, 43, 94, 96, 99, 100, 111—2, 117—9; II—165, III — 82; IV — 22, 29.
Чечулинъ, каз. II — 69.
Чичеринъ, ком. I — 5, 38—9.
Чжанъ-Цзо-Линь, кит. гос. д. III — 239.
Чудновскій, ком. IV — 155, 156, 170, 173—4.
Чуевъ, ком. III — 191.

Шапиро, ком. I — 102.
Шатиловъ, с.-р. I — 62, 84, 86, 156, 159, 167, 174—5, 182, 184, 186—8; II — 11, 12—3.
Швецъ, чеш. полк. I — 111, 115; III — 82, 83, 87; IV — 145.
Шевченко, парт. III — 211.
Шемякинъ, оф. II — 66, 103.
Шемякинъ, солдатъ III — 51, 53—4.
Шендриковъ, каз. дѣятель I — 223; IV — 141.
Шереховъ, оф. I — 172.

Шелашниковъ, дѣятель Кр. Креста III — 280.
Шиловъ, парт. III — 211; IV — 181.
Шильниковъ, ген. III — 169, 191, 213.
Шингаревъ, к.-д. III — 56; IV — 95,
Шипъ, чеш. дѣятель III — 100.
Ширямовъ, ком. III — 182, 351; IV — 95, 98, 100—1, 106, 127, 138, 147, 153, 160, 163, 165, 167—8, 171, 175, 179.
Шишкановъ, кооп. III — 60.
Шишковъ, сов. бел. III — 178.
Шмелевъ, кооп. I — 80, 81.
Шмераль, чеш. ком. I — 117; II — 112.
Шнейдерскій, ком. I — 132.
Шохоровъ, ген I — 118.
Шпилевъ, ком. III — 182.
Штейдлеръ, чеш. ист. I — 26, 37, 40—4, 55, 117; III — 83; IV — 179, 180.
Штефанекъ, чеш. мин. I — 53; II — 112, 160, 162, 167, 237, III — 14, 81, 83, 88—91, 109, 139, 145; IV — 42.
Шульманъ, с.-р. IV — 51.
Шумиловскій, мин. I — 175; II — 50, 148; IV — 148, 176.
Шумяцкій, ком. I — 56, 57.

Щепинъ, оф. I — 3, 138—9, 146.
Щепкинъ Н. к.-д. IV — 35.
Щербаковъ, каз. ген. III — 234.
Щетинкинъ, парт. III — 167, 168, 181, 185, 190, 195, 204, 211; IV — 100, 176.
Щукинъ, мин. III — 279.
Щуръ, кооп. II — 10.

Элліотъ, анг. дип. II — 38, 140, 210, 225—6; III — 104, 110, 128.
Эльвенгренъ, финл. оф. III — 336.
Элькинъ, к.-д. I — XIV; IV — 103.
Эльцинъ, ком. III — 176, 193.
Эрделли, генералъ I — 27.
Эссенъ, шв. пис. IV — 14, 107, 108, 146—7.

Юденичъ, ген. III — 329, 333—8, 340—1, 346.
Юргенсъ, чин. II — 125, 177.
Юрьевъ, оф. I — 108, 109.

Ягода, ком. III — 32.
Ягудка, общ. дѣятельн. I—XIV.
Якимовъ, парт. III — 211.
Яковенко, парт. III — 180, 185, 187, 196, 231.
Яковлевъ, с.-р. III — 213, 228, 256, 269; IV — 6, 8, 31, 50, 62—3, 100, 101—6, 109, 124, 140.
Якушевъ, с.-р, I — 7, 60, 63, 66—7, 72, 84—6, 147, 155—6, 182—90; II — 3, 8, 10—14, 33, 42, 48, 57, 100, 103, 117; III — 248, 259, 260; IV — 3, 9—11, 13—17, 20—1, 28, 30, 48.
Якушкинъ, ком. III — 216.
Янсонъ, ком. IV — 106.
Ясинскій-Стахурекъ, польскій оф. IV — 160,
Яшковъ, чиновникъ III — 242.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧН.
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Гл. I. Грозные симптомы.

1. Эс-эры и Гайда 3
2. Владивостокскій „фарсъ“ 16
3. Эвакуація Омска 36
4. Чешскій меморандумъ 61

Гл. II. Крушеніе власти.

1. Реорганизація правительства 61
2. У верховнаго правителя 70
3. Возстанія 86

Гл. III. „Политическій Центръ“.

1. Подъ лозунгомъ мира 95
2. Иркутскіе бои 99
3. Переговоры 109
4. „Волею народа“ 124

Гл. IV. Гибель.

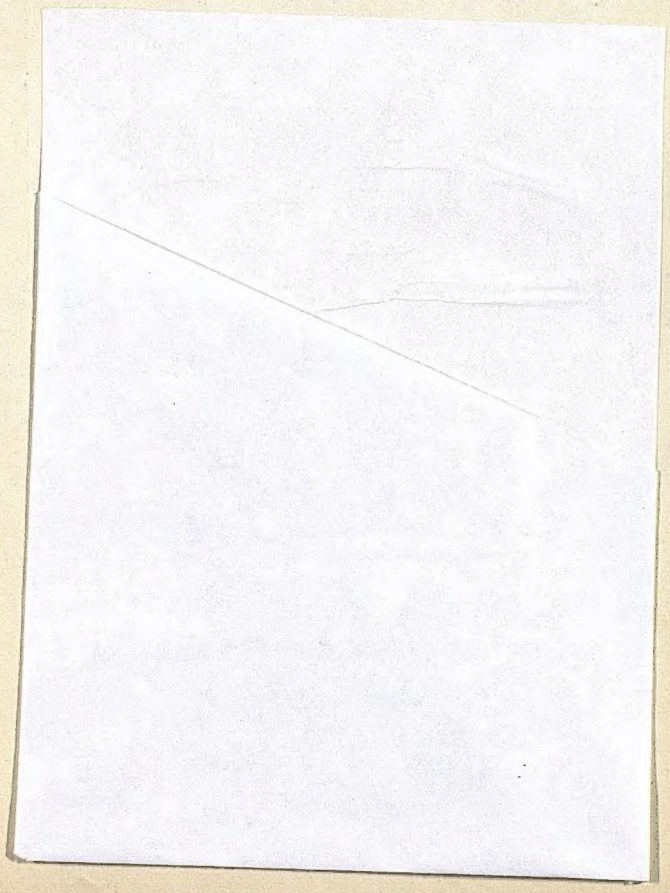
1. Выдача 130
2. Предательство или безсиліе? 138
3. „Въ плѣну“ 147
4. Отступающая армія 158
5. Въ предсмертный часъ 167

Эпилогъ 179

Указатель личныхъ именъ 185

Ex 1-3,1,2 SK 13 AZ/Nr 2 1/1

15.



K12.12.34